

ЮРИЙ ПРИГОРНИЦКИЙ

Миркаlesnaya лодка

ЮРИЙ ПРИГОРНИЦКИЙ

Мистическая принад

Фантастические
рассказы

Киев
«Радянський письменник»
1989

ББК 84Р7-44
П75

Рассказы молодого писателя — это не фантастика в традиционном понимании. Автор не засыпает своих героев в космос — на другие планеты, не знакомит читателей со сверхоткрытиями в научных лабораториях. Он находит немало занятного в действиях и поступках жильцов одного из домов по улице Сталечугунной, по-своему интерпретирует сказочные сюжеты о Золушке, Коте в сапогах и... обыденные явления из нашей жизни.

Редактор *Д. И. Глущенок*

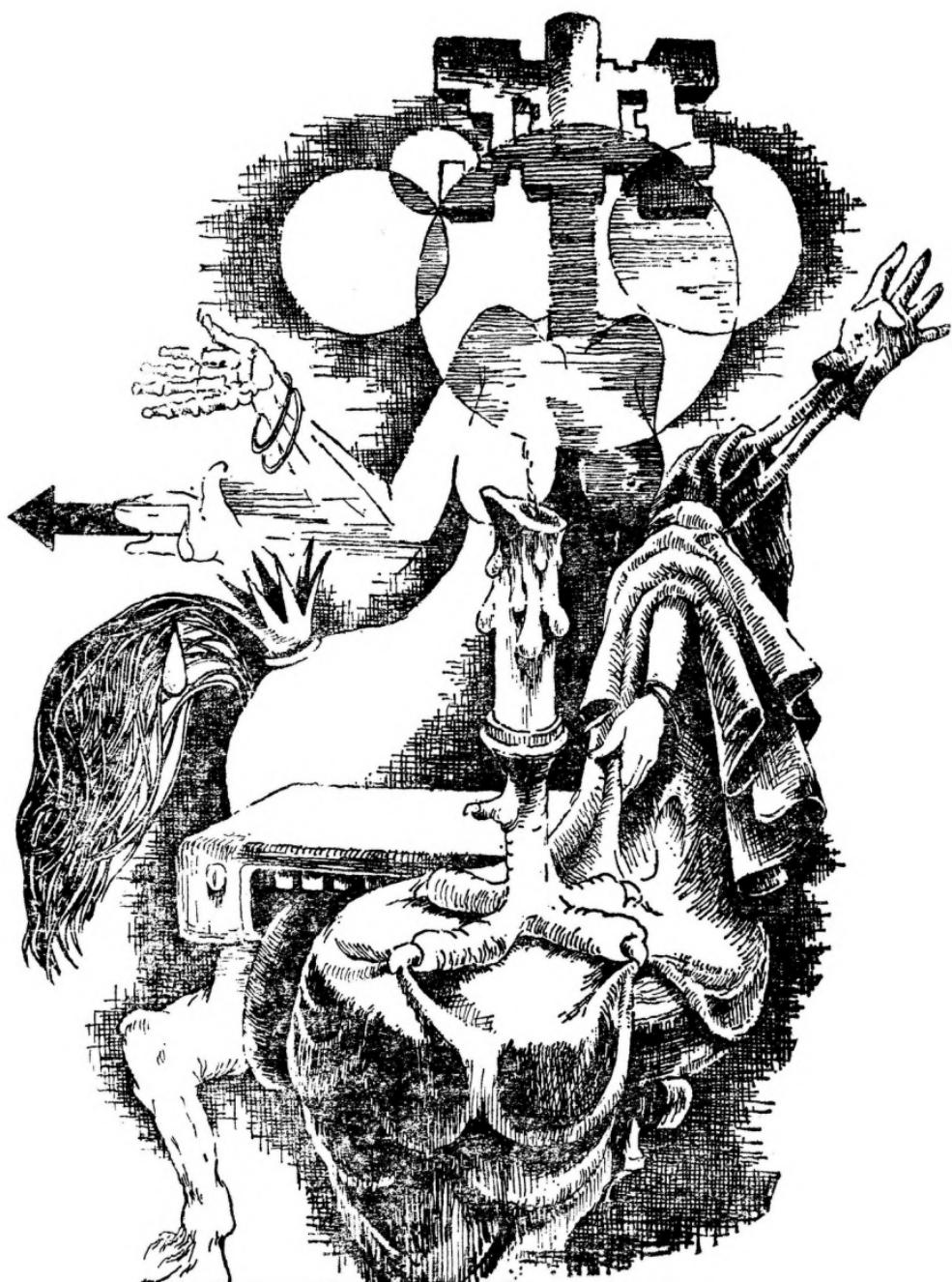
П 4702010201-176
М223(04)-89 38.89

ISBN 5-333-00258-4

© Ю. Г. Пригорницкий, 1989

Вафуалчи на Кремък
Мария Йедро

ДВА ПИСЬМА

I

Милостивые государи!

Тревога и удивление, терзающие меня уже довольно продолжительное время, заставили обратиться к вам с этим письмом.

Конечно, сперва не могло быть и речи ни о каких претензиях с моей стороны. Тыква замечательно превратилась в позолоченную карету. Узники мышеловки — в шестерку лихих лошадей. Крыса — в усатого кучера. А ящерицы — в ливрейных лакеев, так браво вскочивших на задок кареты, словно всю жизнь только тем и занимались.

Наивысшей похвалы заслуживает также метаморфоза, происшедшая с моим ветхим, залатанным платьицем. Оно расцвело и распустилось, как почка майского каштана, сразу украсившись золотой и серебряной отделкой.

На бал я прибыла во благовремении, и меня тотчас же заметили и выделили в толпе, а принц весь вечер не отходил от меня, приглашал танцевать, настойчиво ухаживал и расспрашивал, кто я да откуда. Ясное дело, я избегала прямых ответов, и в итоге с ним произошло умопомрачение. Принц безнадежно влюбился в меня. Что касается прочих гостей, то они наперебой твердили одно и то же: «Загадочная принцесса, загадочная принцесса...»

В полночь, не успели часы пробить двенадцать раз, я бросилась прочь из дворца. Один из хрустальных башмачков был ловко сброшен на лестничном марше. А уже после того, как вся подаренная вами роскошь снова превратилась в гадких мышей, ящериц, тыкву и залатанное платье, до меня дошли слухи, что принц нашел-таки мой башмачок. Так что, казалось бы, жаловаться не на что...

Однако дальнейшие обстоятельства — или, точнее, их отсутствие — вынудили меня взяться за перо. Нетрудно подсчитать, что миновал год, а от принца между тем нет никаких известий...

Все сроки просрочены. В чем дело?!

Крайне удивлена —

(подпись неразборчива).

II

Милостивая государыня!

Уполномочен выразить сочувствие по поводу причиненных Вам хлопот. Лично от себя хотел бы добавить, что полностью разделяю чувства, заставляющие Вас требовать награды за услуги, предусмотренные заключенным с Вами договором № 718 х/п от 7.03 прошлого года.

Речь идет о Вашем согласии принять участие в испытаниях экспериментальных образцов иксиг-рекаппаратуры. Кстати, сообщаем, что обкатка метатрансувеличенных грызунов и пресмыкающихся, а также бахчевой культуры «тыква» на первых порах была оценена специалистами положительно.

Теперь о вознаграждении. По окончании вышеупомянутых испытаний мы готовы были вплотную приступить к экспериментальной операции под кодовым названием «Осчастливливание», в результате которой принц, распорядившись примерить хру-

тальный башмачок всем девушкам королевства, должен был разыскать Вас и заключить с Вами законный брак. Такова была бы плата за Ваше участие в эксперименте. Но выполнить данный пункт договора нам не представилось возможности. И произошло это именно по Вашей вине. Ибо Вас предупреждали, что метатрансувеличение одновременно шести мышей и такого же количества ящериц чревато непредсказуемыми последствиями... Однако Вам было угодно поставить нас перед выбором: либо шестерка лошадей и столько же лакеев, либо Вы отказываетесь участвовать в нашей работе. Между тем Вы могли бы вполне ограничиться парой метатрансувеличенных лошадей, как Вам и было предложено, а для большей помпы запрягли бы в карету перед выездом еще четверых настоящих коней из собственной конюшни.

А шестеро лакеев — на что их столько?! Рессоры едва выдержали...

К сожалению, чаша весов с Вашей алчностью перевесила все разумные аргументы. Мы вынуждены были согласиться на Ваши кабальные условия.

Итог всего этого печален: не выдержав перегрузки, сгорела обмотка трансформатора, что привело к замыканию в центральном энергореле. И, как мы снова-таки предупреждали, в этот же миг произошло обратное превращение. Лакеи стали ящерицами, карета — тыквой, кучер — крысой и проч., о чем Вы сами уведомляете в письме.

Но и это не все. Нам не удалось довести до конца даже первый этап «Осчастлививания», поскольку необратимые последствия упомянутого замыкания стали причиной того, что заклинило двигатели семимильных сапог.

Поэтому и не смогли солдаты, которым выдали сию обувь, исполнить приказ — облететь королев-

ство для принудительной примерки хрустального башмачка всем девушкам.

Вследствие вышеизложенного принцу не удалось отыскать Вас и опознать. Сообщаем, что с горя он женился на какой-то кухарке-сироте (зовут ее Золушкой) и уже вполне оправился от душевного потрясения.

С искренним соболезнованием
и жаждой более близкого знакомства —
ст. научный сотрудник НИИФЕЯ С. Борода

НАСЛЕДСТВО

Международный фельетон

— Читателей нашей газеты интересует, как достигли вы такого успеха в жизни? В чем ваш секрет? Чем вы занимались? Что делали?

— Секрет в том, что ничем я не занимался и ничего не делал.

— Ну, с чего-то вы начинали?

— С нуля.

— А если подробней?

— Кот сказал: «Ни хрена еще не известно — с каким капиталом лучше начинать...»

— Простите?..

— Я получил это существо в наследство от папши.

— Говорящий кот... Ваш отец был миллионером?

— Нет, голодранцем. Старшему брату отошла мельница, среднему — осел, мне — кот.

— Осел тоже был говорящим?

— Пожалуй. И-а! И-а!

— Вернемся к коту. Итак, он сказал, что в нашем обществе свободного предпринимательства и равных возможностей...

— ...ага, в обществе этом самом, давай, говорит, дурак, сапоги и мешок. А то не могу смотреть, как ты желтаешь с голоду. Ну, стащил он с меня сапоги и отправился браконьерничать...

— И вы стали питаться дичью.

— Как бы не так! Он ее всю относил королю. Примите, урчал, ваше величество, от моего хозяина, маркиза Карабаса!

— Король... брал?

— Если не для прессы, то да.

— И чем же это кончилось?

— Тем, что читателей вашей газеты интересует, как я достиг такого успеха в жизни.

— А если подробнее?

— Однажды король подробно описал маршрут своей очередной прогулки, кот намотал на ус — и раздел меня...

— ?

— Одежду спрятал под камень на берегу реки, а меня заставил купаться...

— Как, кстати, была водичка?

— В двух лье выше по течению какая-то мануфактура сбросила отходы своего ручного производства... Пока я, как сукин сын, стоял в них по горло, подъехала королевская карета, и кот издал мартовский вопль: «Спасите! Маркиз Карабас потопает!» Слуги его величества выволокли меня за волосы и напоили ромом. Король: ах! Принцесса: ох! А кот: «Грабители унесли одежду маркиза!..» Его величество тут же нарядил меня в шикарный камзол с чужого плеча и пригласил в карету. Форейторы затрубили, карета помчалась.

— Что же кот?

— Эта бестия отбежала уже далеко вперед по маршруту прогулки и успела договориться с крестьянами — косарями, жнецами и так далее. Про-

ежаем мимо сенокоса, его величество любуется из окошка родной природой, интересуется: чье? Маркиза нашего, отвечают работники, Карабаса! Едем дальше — чье? Его же, кланяются... Принцесса уж глаз с меня не сводит, придвигается ближе. Король молчит, ничего не спрашивает, и так верит... Глядим — замок возвышается...

— Чей?

— Вот и король не выдержал: неужели и замок ваш? Не знаю, говорю, может, и мой, поехали, спросим!

— Кот и там успел кого надо сагитировать?

— Этот интриган пробрался к хозяину: «Господин людоед! Слышал я, что вы умеете превращаться во льва...» Тот любезно превратился. «А вот в мышь,— продолжал кот,— слабо?» Хозяин замка доказал, что нет, не слабо. Тут мой друг его — цапцарап и проглотил. Подъехала карета, кот вынес хлеб-соль: «Добро пожаловать в замок маркиза Карабаса!» У его величества и ее высочества глаза разбежались: почему не наша собственность?! Я моментально сделал принцессе предложение. Оно было принято...

— Весьма поучительно! Вот так у нас любой живущий ниже прожиточного минимума имеет шанс выйти в королевские зятья! Стать маркизом. Мультимилионером. Землевладельцем. Кем еще...

— Сказать — кем? (Зря, что ли, вы сюда пожаловали...)

— Конечно, сказать. Все равно — от нашей демократической прессы ничего не утаишь.

— Ладно. На чем я остановился?..

— «Оно было принято».

— ...И в тот же миг разразилась драма. Проглоченный котом, хозяин замка вновь превратился в огромного старика. Что при таком превращении

случилось с моим другом, полагаю, объяснить не требуется... Зарычав, страшный старик сожрал сперва короля, затем — его дочь. Наблюдая эту ужасную сцену, я почувствовал, что теряю сознание, которое уже вряд ли вернется: мне была уготована участь... закуски.

Открыв глаза, я, к величайшему удивлению, обнаружил, что нахожусь в постели, в уютной спальне. «Вам что-нибудь угодно? — спросил карлик-сиделка.— Примите лекарство и отдыхайте, набирайтесь сил...» Я догадался, что все это означает, и мне вновь стало дурно: здешний владетель — сторонник «здравой пищи»... Каково же было мое удивление, когда, представ перед ним, я услышал, что останусь в живых! «Я очень стар,— миролюбиво сказал он.— Так получилось, что наследников у меня, гм... уже нет. Итак, кому, позвольте спросить, я оставлю после кончины все эти земли, стада и сокровища? А главное — кому передам искусство антропофагии?! Эту науку! Эту миссию!..

Вы, молодой человек, устраиваете меня во всех отношениях. В вас, готовом получать жизненные блага путем всевозможных мистификаций, я усматриваю благодатную почву для зерен моего опыта. Вы знаете, что такое голод... Наконец, вы лентяй и самозванец! Словом, вы не юноша, а мечта!.. Вы будете жить. И еще как!»

С того же дня началась моя наука... Вот и все.

— Это сенсация, сенсация! Покорнейше благодарю за интервью. Честь имею...

— Куда же вы, господин редактор? Нет уж, погодите. Останьтесь, пожалуйста, на обед...

— Что вы делаете? Отпустите мою руку!.. Что вы делаете!..

ДВЕРЬ В КОНЦЕ ГАЛЕРЕИ

—...Что ж, я открою вам эту тайну до конца,— задумчиво проговорила она.— Итак, жил один богатый человек. У него были замки, дворцы, уйма слуг, редкостные ковры, золоченые кареты... К несчастью, однажды он увидел меня с сестрой и с тех пор не раз приходил просить руки одной из нас.

Этого господина многие побаивались. О нем ходила дурная слава. Дело в том, что сватающийся к нам уже неоднократно вступал в брак, но... никто не знал, куда неожиданно исчезали его жены...

— А какого цвета была у него борода?..

— Обыкновенного, темно-коричневого... Ну, так вот. Решиться выйти за него замуж ни я, ни моя сестра никак не могли. И тогда он упросил нашу матушку погостить неделю в одном его роскошном замке. Настороженные, мы отправились туда целой компанией, в которой, кроме сестры, меня и матушки, было несколько наших подруг и юных кавалеров.

Хозяин оказался исключительно гостеприимным, и время мы провели упоительно. Ездили на прогулки, охоту и рыбную ловлю, а ночью, забыв про сон, танцевали и пировали до самой зари. Нас потчевали неким экспериментальным пенящимся напитком, купленным по случаю в графстве Шампань, где монахи в глубоких подвалах осваивают его приготовление из специальных сортов винограда. Хозяин веселился вместе с нами, был предупредителен, щедр и блестяще остроумен. Слухи о чудовищных наклонностях этого человека уже на второй день показались злым и жалким вымыслом... И к исходу недели... я дала свое согласие.

Возвратясь в город, сыграли пышную свадьбу, и муж увез меня в роскошный дворец.

В течение медового месяца я всей душой привяза-

лась к дорогому супругу, и когда он неожиданно объявил, что должен на несколько дней отлучиться по важным политическим делам, немало опечалилась.

Прощаясь, он наказал мне не скучать и посоветовал отправиться вместе с подругами в уединенный загородный замок. «Вот ключи от всех комнат,— сказал муж.— Вот ключи от сундуков с золотом и серебром. А этот маленький — от кладовой в конце галереи нижнего этажа... Не отказывайте себе ни в чем, устраивайтесь поудобнее и пользуйтесь всем имуществом, но только ни в коем случае не входите в кладовую! Иначе — вас ждет суровая кара!»

На следующий день я привезла в замок гостей, с трепетом предчувствуя, что никакая сила не удержит меня от посещения кладовой... Стремглав бросившись по галерее нижнего этажа, я чуть не разбила нос о запретную дверь... В моей памяти еще раз прозвучало зловещее предупреждение... но руки уже, казалось, сами выбрали из связки маленький ключик... Дрожа от страха, я переступила порог и... сперва ничего не увидела: сквозь ставни почти не проникал свет. Но когда глаза привыкли к полу-мраку, мне представилось жуткое зрелище — весь пол был залит кровью, а на стенах висело несколько женских тел.

Это были прежние жены моего драгоценного супруга, которых он убил по очереди, одну за другой!.. Онемевшими пальцами я с трудом взяла упавшие на пол ключи, заперла дверь и поднялась к себе наверх. Позже — заметила кровь на маленьком ключике и попыталась стереть ее носовым платком. Пятно не сходило. Я мыла ключ в воде, чистила песком и кирпичом, даже ножом скребла... Безрезультатно!

Вечером неожиданно прибыл муж. Я сделала все, чтобы отвлечь его от ужасающей меня темы, но... утром он потребовал связку и, обнаружив кровь на маленьком ключе, яростно сверкнул глазами: «Несмотря на мой запрет, вам все-таки вздумалось побывать в кладовой? Отлично! Вы отправитесь туда еще раз! Теперь — навсегда!»

Вымолить пощады не удалось. Было позволено только проститься с сестрой. Кровожадный супруг отпустил на это четверть часа, я поспешила в свою комнату и позвала Марию-Луизу: «Сестра моя! Поднимись на башню и посмотри, не едут ли наши братья — они обещали сегодня навестить меня».

«Вижу только, как ветер колеблет траву...» — доложила со смотровой площадки сестра. Вслед за этим донесся грозный голос мужа: «Время истекло! Идите же, не то я сам поднимусь наверх!»

«Я вижу двух рыцарей! — крикнула Мария-Луиза и дала им знак поспешить.— Наши братья!»

Муж нетерпеливо затопал сапожищами — да так, что задрожал весь дом. Мне не оставалось ничего другого, как спуститься вниз и пасть к его ногам, чтобы выиграть еще немного времени.

«Никакие слезы теперь не помогут,— пророкотал супруг.— Вы умрете!»

И он выхватил нож...

В тот же миг в комнату ворвались мои братья, свистнули острые клинки — и хозяин замка рухнул, захлебнувшись кровью.

Мертвого нужно было куда-нибудь девать... Куда же? Решение вспыхнуло молнией: конечно, в кладовую!..

...С тех пор я владею всем движимым и недвижимым имуществом моего первого супруга, впрочем, не только первого... Еще шесть раз вступала я в брак. И все как-то неудачно. Все, знаете ли, попа-

дались до ужаса любопытные субъекты: стоило хотя бы на день отлучиться по важным политическим делам — и, пожалуйста: меня встречают бурными ласками, зацеловывают до полусмерти, а потом выясняется, что волшебный ключик-то снова в крови... Нет, я не хваталась за кинжал, не орала и ногами не топала — просто подавала в удобный момент кубок с ядом. Раз, два, и пожалуйте, сударь, в кладовую — без истерических прощаний с родственниками... Вот только число семь оказалось для меня, как видно, несчастливым: не понимаю, как могло случиться, что вам, любезный, я по ошибке налила чернил?.. Да пойдите же, наконец, и вымойте бороду — какая она, право, нелепая у вас: синяя, словно вечность. И развязали бы мне руки, а?

— Увы, сударыня,— вздохнул ее седьмой муж,— руки останутся связанными: так проще будет подвесить вас в кладовой.

— Мой сеньор! — взмолилась она.— Не делайте этого! Ведь теперь вы знаете, что если убьете меня, то... не будет конца этой истории!

...Продолжение любопытный читатель найдет у Шарля Перро.

МУЗЕЙ СКАЗКИ

Если бы не ревизия, все до сих пор бы считали, что девочка идет по тропинке, что в лесу водятся зайчики, белочки и прочая дичь, а у охотников всегда найдется нож, которым вспарывают волчьи животы.

Впрочем, до того, как Б. П. Мутацкий дослужился до кресла завхоза сказки, девочка действительно шла по тропинке... и т. д.

Актом же ревизии засвидетельствовано, что, благодаря инициативной деятельности Б. П. Мутацкого, обстановка в сказке претерпела ряд изменений.

Вместо пирожков, яблок и свежих куриных яиц гр. Мама передала бывшей Красной Шапочке корзинку, в которой лежали пачка подмокших сигарет «Прима» и огрызок соленого огурца. Да и самой корзинки скоро тоже не стало, вследствие чего пол-огурца и табачные изделия девочка понесла просто в руках.

— Иди,—сказала гр. Мама.—Иди в лес к твоей родной гр. Бабушке, милая Красная Шапочка.

— Я теперь не Красная Шапочка,—отрезала бывш. Красная Шапочка.—Я теперь Простоволосочка.

— Ступай, Простоволосочка, по тропинке,—направила ее гр. Мама.

Простоволосочка пошла в лес, стараясь не наступать босыми ногами на шишки — и совершенно напрасно. Потому что шишек в этом лесу не было. Лес поредел настолько, что стали хорошо видны далекие вышки высоковольтной передачи. Грибами и земляникой больше не пахло. Простоволосочка укусила с голоду соленый огурец и огляделась: «Где же волк? Он хоть и должен поначалу прятаться, но ведь теперь это делать, кажется, негде...»

Волк тихо стонал в волчей яме, открытой, как было установлено, все тем же Б. П. Мутацким.

— Подожди,—сказала волку Простоволосочка, сосредоточенно закутивая.—Я сейчас.

После изнурительных поисков она принесла каким-то чудом уцелевшую суковатую палку и опустила ее в яму.

— Спасибо,—всплакнул выбравшийся наверх волк.—Давай и я тебе помогу... Сразу, сейчас... Зачем тебе мучиться?

— Нет, еще не время,—мужественно отвечала Простоволосочка.—Беги по тропинке к домику моей гр. Бабушки!

Волк был сговорчивым и побежал, даром что тропинки не отыскалось. Он помнил направление с прошлых времен, да к тому же остро тянуло запахом этим... запахом смерти.

Тук, тук, тук — постучал зубами под дверью.

— Квартплата внесена на три месяца вперед! — послышался слабый голос. Вопреки запаху, гр. Бабушка рассчитывала еще несколько минут продержаться молодцом.— Чего вам еще от меня?

— Это я,— мурлыкнул волк,— твоя внучка Красная Шапочка!..

— А! — обрадовалась гр. Бабушка.— Дерни, детка, за веревочку, дверь и откроется.

Бабушка жила далеким гимназическим прошлым, а проще говоря, у нее был свирепый склероз: веревочка давным-давно была кем-то срезана. Вместе с ней исчезли очки и чепчик.

Волк попытался снять дверь с петель. Это ему не удалось: петли также отсутствовали. Дверь открывалась теперь выпадением в сени.

Незваный гость нашел гр. Бабушку лежащей на панцирной кровати без матраса и укрытой газетами. Ему так стало жаль умирающую, что угомонил он ее в одночасье, не канительясь.

Волк пошатался по дому, выковырял покойного сверчка из щели и съел его, а затем рухнул в тоске на ржавую сетку кровати. «Газеты надо было оставить,— подумал он, покачиваясь на пружинах.— Ни подстелить, ни укрыться нечем».

Простоволосочка запаздывала. Что ни говори, трудно было ориентироваться без тропинки. Волк это почувствовал и забеспокоился: как-то сложится дальнейшая судьба девочки, не найди она бабушкиного домика?..

Но в лесостепи заблудиться не представилось возможным. Простоволосочка в конце концов вышла

к покосившемуся и вросшему в землю домику. Дорогу к нему ей, правда, преградили два растерянных господинчика.

— Девочка,— сказали они.— Ты часом не видела наших ружей? Просто чертовщина какая-то: поставили мы их под деревом, сами присели переобуться, встаем — ни ружей, ни самого дерева...

Простоволосочка разверла руками. Ее обыскали и отпустили.

Тук, тук, тук — постучала она по косяку.

— Дерни, значит, за эту... То есть, какое счастье, что ты не заблудилась! — сказал волк голосом волка.

— Бабушка,— завела верная своему долгу перед читателем бывш. Красная Шапочка,— а зачем тебе такие большие глаза?

— Чтобы тебя лучше слышать,— мрачно пококетничал волк, у которого невзгоды обострили в равной степени аппетит и чувство юмора.

— Бабушка,— продолжала, потупившись, Простоволосочка,— а зачем тебе такой большой живот?

— Чтобы, когда Мутацкий сделает из меня чучело, было на что посмотреть.

— Ладно, волк,— устала Простоволосочка.— Кончай...

Волк решил в два прыжка подскочить к девочке, но, сделав первый, с грохотом провалился в подполье: давно не ремонтированные половицы не выдержали.

— Бабушка, ты не убилась? — заломила руки над ямой Простоволосочка.

— Кажется, нет,— простонала из волчьего жива-та гр. Бабушка.

— Вот так всегда бывает,— вздохнул волк и умер.

Девочка выглянула в окно. Мимо домика пробе-

гали два давешних господинчика без всякой одежды, если не считать листьев лопуха.

— Девочка! — закричали они.— Отвернись, пожалуйста! Кто-то похитил наше платье, пока мы купались в ручье!..

— Я не смотрю! — крикнула Простоволосочка.— А нож? Нож у вас остался?

— Нет! — отвечали дрожащие от холода господинчики.— Т-то-лько охотничьи билеты!

Кто-то свистнул из-за куста сирени и захохотал. Обнаженных точно ветром сдуло.

В повечеревшем голубом воздухе обозначилась голова мужчины в фетровой шляпе и свирепо улыбнулась:

— Браконьёры... вашу...

Затем сквозь куст прорвалось и остальное его тело в черном пиджаке и брюках с вытравленными стиральным порошком узкими лампасами.

— Почему жива? — рассеянно осведомился мужчина. В мешке, который он вытащил из-под куста и закинул себе на спину, что-то глухо стукнуло, как приклад о приклад.— По-моему, отгула тебе сегодня никто не давал.

— Понимаете... сорвалось... — залепетала Простоволосочка.— Но даю слово... наверстаем...

— Короче, отработаешь в воскресенье. И потом, это,— ухмыльнулся мужчина (он-то и был Б. П. Мутацким),— к Бабушке все равно не пропишу. Ты эту надежду выбрось, говорю, у мамаши из головы. Знаем, чего тебя посыпает все время к Бабке!.. Почему, кстати, так тихо? Где она?

— В подполье.

Б. П. Мутацкий выронил мешок.

• • •

— Посетите и наш скромный музей,— Б. П. Мутацкий покорнейше распахивает дверь перед делегацией.— А вот и экспонат, пока единственный. Как говорится, чем богаты... Вот вы к нам через годик приезжайте, к тому времени экспозицию значительно пополним.

Люди обступают чучело волка:

— Живот у гада! — восхищенно шепчутся.— Своловочь!

Под музей отвели, слегка подремонтировав, бабушкин домик. Сперва, конечно, Б. П. Мутацкий ни о каком музее не помышлял, собираясь держать чучело в своей квартире для личного удовольствия. Но произошла одна неприятность... Нет, не здесь. На соседней территории. Синюю Бороду, видите ли, к расстрелу приговорили. Смутило это Мутацкого, поколебался он и устроил музей, в котором гр. Бабушка была оформлена хранителем. На общественных началах.

Кровати к тому времени у нее, понятно, уже не было. Зато появился стул, на котором старухе велено сидеть, вскрикивая: «Куда руками! В музэе?»

Чего там, хороший был музей. Перспективный очень. А главное, для каждой экскурсии крутили мультфильм. О том, как мама послала Красную Шапочку к бабушке, как девочка шла лесом с корзинкой, доверху наполненной пирожками, яблоками и куриными яйцами. Шумел ветер в кронах могучих деревьев, вовсю щебетали птицы, деленькали цветы-колокольчики, и хитрый злой волк выслеживал беззаботную девочку. Правда, от долгого употребления ужасно потерся конец пленки — там, где охотники освобождают бабушку и внучку из волчьей утробы и добро торжествует, а зло наказано. Но и это обещего впечатления не портило.

СЕГОДНЯ УТРОМ СТО ЛЕТ НАЗАД

В одной руке ангел держал реторту, в другой — лягушку. Он парил над столом, заваленным ступками, книгами, множеством склянок. «Неужели философский камень — жидкий?» — зачарованно спросил я. «В этом весь смысл!» — ответствовал ангел-алхимик, точнее, имитировал произнесение слов. Сам же голос звучал оторванно — падал откуда-то сверху. Тут-то я и разглядел, что мой собеседник подвешен на доброй дюжине серебристых нитей, исчезающих во мглистом поднебесье. Руководимый таким образом, он вылил содержимое реторты в чашу. «А запах... отчего же такой прескверный?..» — «В этом весь смысл, весь смысл,— подняла брови марионетка.— Теперь три капли лягушачьей крови... и готово. Бери же! Ты добудешь золото счастья!» Я потянулся за желанной чашей, неистовый аромат из которой поможет мне, обязательно поможет... и вдруг что-то сотрясло пространство, серебряные нити лопнули, чаша исчезла и в глаза ударил свет: я проснулся.

— А? Что? — выпрыгнул я из постели, хватаясь за шпагу... — Ах ты господи, да зачем же в такую рань? И снилось-то как раз...

Вздохнув, я присел на кровать, но уже в следующее мгновение все двенадцать пушек дали новый залп, от которого на меня едва не обрушился потолок, а драгоценные видения сна разлетелись в клочья.

С раздражением я распахнул окно — идиоты! — махнул платочком. Офицер заметил, что-то крикнул, и фитили погасли.

Из дрожащего после пальбы венецианского зеркала на меня с брезгливым сомнением взирал безоб-

разный старикашка. Черные (стыдно сказать, от поцелуев!) губы дернулись, и прозвучало визгливое:
— Одеваться!..

По вытоптанной траве парка я в беспокойстве ковылял к конюшням. Слушая сбивчивый доклад одного из идущих рядом мерзавцев, иногда останавливался, чтобы перевести дыхание и пообещать кому-нибудь смертную казнь. Оказывается, одна из лошадей очнулась! Одна из их лошадей. Господи, наконец!

Вскоре мы ее увидели... Вращая безумными глазами и кое-как переставляя ноги, она тащила громадного кирасира, которому вздумалось объездить несчастную расколдовавшуюся тварь. Не позабывши подложить седло, гогочущий детина усердствовал шпорами и хлыстом. Выхватив шпагу, я было погнался за ним, но только вспугнул нескольких ворон, а негодяю удалось уползти от меня на шатающейся кляче.

Созерцать пробуждение остальных лошадей не представлялось возможным: все они, как оказалось, давно были потихоньку съедены разболтавшейся солдатней. Назначив генеральную порку, я вынужден был ее сразу же отменить... Ибо... ибо ежеминутно ко мне подбегали с докладами, из коих явствовало... из коих... Голова моя закружилась, меня вели под руки, небеса дрожали, а очертания дворца туманились, оплывали: это слезы тревожного счастья застилали передо мною мир...

Между тем новости продолжали поступать, предвещая то, во имя чего я истратил лучшие (а к ним прибавьте и худшие, и отвратительные, и вообще наигнуснейшие) годы моей жизни. И в ожидании чего я отказался от престола в пользу младшего брата, дабы сохранить титул принца, необходимый в моем предприятии.

— Ваше высочество! Фрейлины проснулись, щипают камеристок — те не встают; не отоспались, что ли? Прикажете помочь?

— Ваше высочество,— подхихикивали,— сапожник из конуры вылез. Сто лет, каналья, дрыхнул, а рыскает похмелиться! Заиками наших...

— А как же она? — перебиваю.— Есть признаки?..

Признаков нет. Мы огибаем южное крыло дворца. Костлявые, мертвые яблони стоят угрюмым строем, под ними — клетки с оборванцами, которые возбужденно перехватывают грязными руками прутья. Небось, уже почуяли, догадались... И тут я замечаю, что кричу этим мужчинам, старцам, юнцам, кричу, пьяный от скорой победы, от всей этой гадкой суэты, от нетерпеливости:

— Принцы!.. Принцы, я вас люблю! Радуйтесь! Пробил час пробуждения! Сегодня поднимется та, к которой шел каждый из вас! Принцы, радуйтесь! Перед вами принц, который сейчас войдет в ее спальню и, по предсказанию, освободит! Поцелуем! От столетнего сна!.. Радуйтесь, сегодня же вы побываете на нашей свадьбе!.. Вас пронесут в клетках вокруг стола!..

Я хохочу, мне хочется рвать на себе волосы, я хватаю комья земли и швыряю в эту смердящую коллекцию, собранную здесь за долгие годы... Они отшатываются, топчут друг друга. Змеиное месиво принцев...

Мы проходим мимо.

Не отшатнулся, даже не пошевелился только этот парень... Его перехватили вчера, когда он выходил из волшебного леса, окружающего дворец. Этот человек был первым, перед кем лес расступался...

• • •

Прежде чем войти в ее спальню, я приказываю освободить из-под стражи звездочетов, программистов, электронщиков и алхимиков.

Им повезло. Если бы не началось пробуждение, то, вероятно, уже сегодня бы я распорядился подвергнуть господ шарлатанов пыткам. Подумать только, жрали, пиши, обирали, как хотели, мою убогую казну: золото им, видите ли, для каких-то конден-са-то-ров требовалось! Рубины отовсюду выковыривали: ла-зер, дескать, ла-зер... Поистине — за такие деньги и безбожник Лазаря воскресит!

Приходилось терпеть, иначе я рисковал не дожить до пробуждения. Принцесса проспала всего лишь сорок лет, когда мы прорвались сюда сквозь этот кошмарный непроходимый лес — рубиши его, он тут же вырастает. Из каждой щепки — новое дерево. Еще тридцать лет ушло на бесплодные попытки разбудить безмятежно спящую девушку. Мои пушки произвели уже столько залпов, что израсходованного пороха хватило бы для победы в Тридцатилетней войне с заключением Вестфальского мира... И что же? Ничего, кроме того, что мечемся полуглухие и обалдевшие, по пять раз приходится кричать лейбнаркологам: «Промывайте!» — когда они являются спросить: «Не прикажете ли промыть ее высочеству желудок?» Дурацкая, кстати, затея — как ее до сих пор не угробили этими процедурами? Не давала ей колдунья никакого снотворного. И веретено, которым принцесса укололась, судя по анализам крови, отравлено не было.

Шло время, пушки прямой наводкой палили в Морфея, оконные стекла, крест-накрест оклеенные атласными лентами, иногда все-таки лопались, от-

чего на одних солдат накатывало неистовое веселье, а на других желание дезертировать к семьям, предварительно помародерствовав: дворец был усыпан похрапывающими (до сегодняшнего дня) придворными, пажами, дворецкими, лакеями, поварами и проч., усыпленными вместе с принцессой. Некая фея, устроившая сие, весьма, должно быть, гордилась своей предусмотрительностью: проснувшись через сто лет, принцесса, мол, не окажется в одиночестве — сразу найдется кому ее обслуживать и развлекать. Фея не предусмотрела лишь одного... Моих услуг. Моего появления. Моеи любви к заколдованной красавице и решения любыми средствами разбудить ее досрочно. Ради чего (сколь сомнительными ни казались посулы программистов и прочих чернокнижников ускорить ход времени во дворце) пришлось разрешить сей научный грабеж казны, именовавшийся «созданием Генератора». И сопровождавшийся яростными склоками, называвшимися «диспутами» или «семинарами», после которых, истребовав вина старых запасов, хохочущие алхимики шли к кухаркам, а угрюмые радиоинженеры — к феям.

Непостижимо, как эта опутанная интригами компания сумела не только построить свой Генератор, но и действительно заставить его в течение одних суток «прогнать во дворце почти одиннадцать тысяч календарных дней, что приблизительно равняется тридцати годам»...

Передо мной открывают истошно скрипящую дверь — принцесса лежит на ложе, увитом гирляндами искусственных цветов. Позавчера, когда Генератор сделал свое дело, эти гирлянды запахли могилой. Вообще, многое во дворце пришло в полную непригодность, истлело, рассыпалось или, напротив, окаменело. И только она осталась такой же све-

жей, румяной, как роза на моем гербе! Однако миновало *поместенных* сто лет, ее челядь проснулась... Пора бы и ей... Как это, погодите, пел мой покойный шут? Что-то там такое про цветок, которому, дескать, пора покинуть герб... н-да. Только один из нас, этот старый дурак, остался позавчера во дворце. А я ведь запрещал, приказывал отойти вместе со всеми — подальше, к самому лесу, кольцом окружающему дворец и парк с прудом. Жертва поэтического любопытства, он заявил: «Мне, ваше унизчество, интересно почувствовать молниеносное приближение будущего, одновременно видя прошлое из любого окна...»

Когда после остановки Генератора мы вошли во дворец, у одного из окон лежали побелевшие кости. Я поднял череп — бедный, бедный мой Клод, теперь я никогда не услышу твоих остроумных издевок! Впрочем, было в этом что-то театральное — в какой-то современной пьесе о принце, кажется, есть похожая сцена.

Зато вино стало куда благородней! Как-никак, дополнительных тридцать лет выдержки. Я запретил выдавать его «для нужд науки». Сколько алхимики, эти жрецы «сокровенного искусства», ни пытались изготовить «нектар, от запаха которого поднимается даже мумия», — ее высочество ничто не брало. Пора наконец избавиться от всех этих умников... Законопатить старые лодки — этого от них не дождешься. Вчера прокатили двух фей по пруду!.. Обе скоро постижно скончались: промочили ноги (но, может, и от анекдотов о французах — излюбленная тема господ электронщиков). К счастью, мимо одной покойницы случайно проносили кубок с «нектаром»... А вторую воскресил я. Таково живительное свойство поцелуев принца, которое, увы, до сих пор исчезало в этих покоях...

Простите мое прикосновение к фее, ваше высочество! Это не было даже тенью измены. Как и всегда, я по-прежнему ваш... И вы... вы сейчас же... да, сию минуту должны... стать моей! Ибо чья же вы, как не моя!

И вот я наклоняюсь к ее лицу — и легонько целую в щеку, целую с трепетом, несмотря на то, что делал это уже миллион раз. О да, я торопил пробуждение, пушки грохотали, десятки поколений петухов горланили на ее балконе, а под ним ожесточенно тараторили серенады выписанные мной из Испании кабальеро. В ясную погоду я тысячу раз пускал солнечные зайчики на сомкнутые веки принцессы. Эскулапы устраивали бесчисленные консилиумы, после которых, не теряя профессиональной важности, разводили руками — хорошо бы-де провести вскрытие, тогда можно было бы со всей определенностью сказать, какие следовало (!) применять снадобья... Не обезглавливались медики лишь по той причине, что очень нужны были в нашем госпитале, всегда забитом до отказа. Дело в том, что в коридоре, у самой двери спальни ее высочества был натянут на уровне щиколоток крепкий шнурок с тем, чтобы каждый проходящий обрушивался на пол.

Напрасные ухищрения! Ничто, увы, не могло прервать затянувшийся сон... Зато сейчас, когда (естественным образом и искусственно) в этих стенах миновали положенных сто лет, когда уже поднялись все, заколдованные вместе с принцессой, включая охотничих собак,— вот сейчас... Я втягиваю живот и заставляю себя глядеть соколом. Сейчас она сладко потянеться и откроет глаза... Еще мгновение... Ну же!

Ни малейшего движения.

— Вы действительно принц? — спросил я без всяких вступлений, как только его привели.

— Действительно.

— Не врете? Сейчас мы проверим, — я делаю знак цирюльнику и, пока он возится с рукавом юноши, перед которым расступился лес, подхожу к окну... Что видел Клод, какое «прошлое»? И что, в сущности, есть прошлое? Бездарная возня с судьбой, которую не обмануть? Принцесса спит... Осталась последняя надежда...

— Ваше высочество, голубая! — сияет цирюльник, млея от фанатического удовольствия.— Прикажете остановить?

— И немедленно! — Я смотрю в глаза юного принца взглядом преданного друга.— Кровь вам еще понадобиться, не так ли, сударь? И, ради бога, не гневайтесь больше на меня: отныне вы свободны. Более того, вас немедленно проводят к принцессе. Спешите же! Спешите разбудить ту, прекраснее которой нет под небесами!..

Я вижу, что этот мальчик уже готов броситься в открытую дверь, но все-таки медлит. В нем происходит некая благородная борьба:

— Сударь! Я... мне не совсем понятно...

— Не стоит терять времени на объяснения! То, что не удалось мне, удастся вам. Похоже, вы именно тот, кому назначено разбудить ее... Ступайте же! Сейчас будет готов свадебный стол. Я распорядился установить его перед главными дворцовыми дверями. Там мы вас и встретим...

...Выбор пал на некую Куамеллу, прачку — из числа расколдовавшихся. Пообещав десять серебряных, я поставил ее под дверь спальни. Таким слу-

хом, как у этой женщины, никто из моих подданных не обладал.

Итак, стол был накрыт — и довольно пышно, на нем даже стояли цветы (интересно, где их тут отыскали?), неподалеку рассажен небольшой оркестр, а несколько наиболее расторопных стражников караулили парадный вход — молодому принцу не придется долго утомлять своим обществом принцессу...

И вот стражники вздрагивают — это проскальзывают мимо них Куамелла.

— Проснулась, ваше высочество! — поддерживая подол платья, кудахчет она на бегу. — Проснулась! От первого же поцелуя! Уже выходят из спальни! Ничего такого **не** было!.. Ваше высочество, а как насчет десяти...

Немедленно убрать! Зажав ей рот, офицер уносит вообразившую себя незаменимой — а потому отчаянно лягающуюся — прачку.

Бешено бьется сердце! Она спускается с ним по лестнице... Я вижу ее!.. Прекрасная! Прекрасная! Ослепительная!..

Но что это?.. Она останавливается со своим спутником на пороге, а все мои подданные разбегаются. «Наиболее расторопные» летят, словно стрижи, к лесу. Я растерянно оглядываюсь... ужасная паника... В уши мои влетает какое-то холодное посвистыванье, наконец, я догадываюсь, что это за посвистыванье («зв... зв... зв... зв...»), и в ужасе начинаю пятиться к лесу. Кто-то включил Генератор.

Принцесса и принц исчезают в глубине дома. Это происходит молниеносно, и сперва я ничего не понимаю: только что стояли у порога, и вот — пусто...

...Пока ученых допрашивают, хожу, ломая руки. **Все** погибло... Моя бедная принцесса — она превращается в старуху (однако он тоже — в развалину)...

Нам уже известно, что сейчас дьявольская машина работает на пределе мощности: восемьдесят лет «прогоняются» в течение получаса. Возможен чудо-вищий взрыв...

Внезапно страшная догадка заставляет меня буквально окаменеть. Господи, ведь бежать-то следовало не от дворца, а... во дворец! Там (только что, только что!) миновало... сколько? Шестьдесят лет? Сто?.. Скоморох мой ошибся — будущее не приближается «молниеносно». Во дворце время, ускоренное для нас, тянулось *привычно*! Они успели прожить целую жизнь. Ничто им не мешало... Она, конечно, любила его... А за окнами — застывший мир, озаренный остановившимся солнцем, под которым, как муха в куске янтаря,— я, старый безумец, заснувший принц в заснувшем царстве...

Невыносимо! Разорвать, разорвать густую смолу! О, какое сиротство... Я бегу, спотыкаюсь, бегу, из ноздрей течет не по-стариковски горячая кровь, «густая, как средневековые, ваше альковье, ваше сквернословье...», — шепчу бессмысленные слова самоубийцы, моего тайного друга, обглоданного временем; упав на скользкие ступеньки, ползу по ним и вновь поднимаюсь и бегу, не чувствуя боли, не обращая внимания на предостерегающие взглазы, на камердинерский вой. «Зв... зв... зв... зв...», — все громче звучит надо мной монотонный приговор, — я оглядываюсь в дверях — какая великолепная картина! Спят стоя, все остановилось, пружина мироздания заржалела, рты открыты в беззвучном крике. Какой напряженный сон!

Во дворце все обвито тяжелой от пыли, фантастической паутиной. Источенная шашелем мебель рассыпалась по гниющим коврам, из-под ног вышмыгивают крысы, отовсюду доносятся звуки их мерзкого шабаша, а в темных закоулках таятся

призраки... Цепенея от страха, я крадусь по зловонным коридорам, шепчу имя забытого мной господа и, какоец, оказываюсь в собственных (а точнее, занятых мною) апартаментах. В спальне, совершенно разбитый, опускаюсь в кресло...

Странно: если не считать пыли, если не считать превисшего потолка, здесь все почти так же, как было сегодня утром... Сегодня утром сто лет назад.

Если не считать и принесенной кем-то сюда мраморной шкатулки. Ее крышка поддается не сразу, едва не обламывается клинок кинжала, но вот — в моих руках полуистлевший листок:

«Ваше высочество,— читаю, дрожащий, оглушенный тем, что говорится в письме,— ...все мои попытки проникнуть за пределы дворца или как-нибудь остановить Генератор были тщетны. Этот человек, а точнее, паук намертво спутал меня своей невидимой паутиной: кажется, он всегда заранее знал о каждой авантюре, которую я только могла изобрести. Да простится мне такое упоминание о покойном! Скоро — я это знаю — и за мной придет смерть. Впрочем, я рада: после *пробуждения* моя жизнь превратилась в пытку... Я узнала о Вас все; подумать только, Вы истратили всего себя, всю свою душу, средства и время, чтобы разрушить сковавшее меня колдовство и добиться моей любви! И вдруг является некий хлыщ, смазливенький юнец, которому «предопределено» получить мою руку... Знайте же, ни одной секунды я не любила его. Все эти ужасные, мучительные годы только Вы были моим Принцем, моим истинным мужем.

Недавно я закрыла глаза разбудившего меня... Но свободой своей пользоваться не стану и из дворца не выйду, как бы ни мечтала хотя бы прикоснуться к Вам. Любите, пусть мысленно, Вашу юную принцессу. Старушке же довольно и того, что видит Вас,

устремившегося к главным дворцовым дверям (о, как, должно, быстро Вы бежите! И как прекрасен этот остановившийся миг Вашей любви... И как хорошо, что Вы не успеете...). Там у вас всегда день...

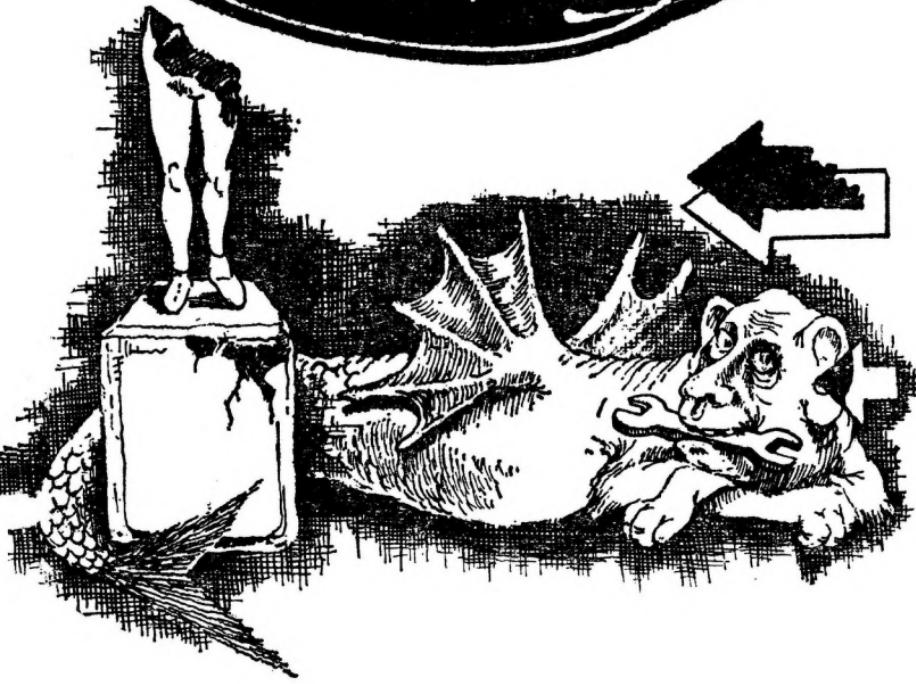
Прощайте! Быть может, мы встретимся где-нибудь там, где не будет ни ночи, ни дня, где вообще нет времени...»

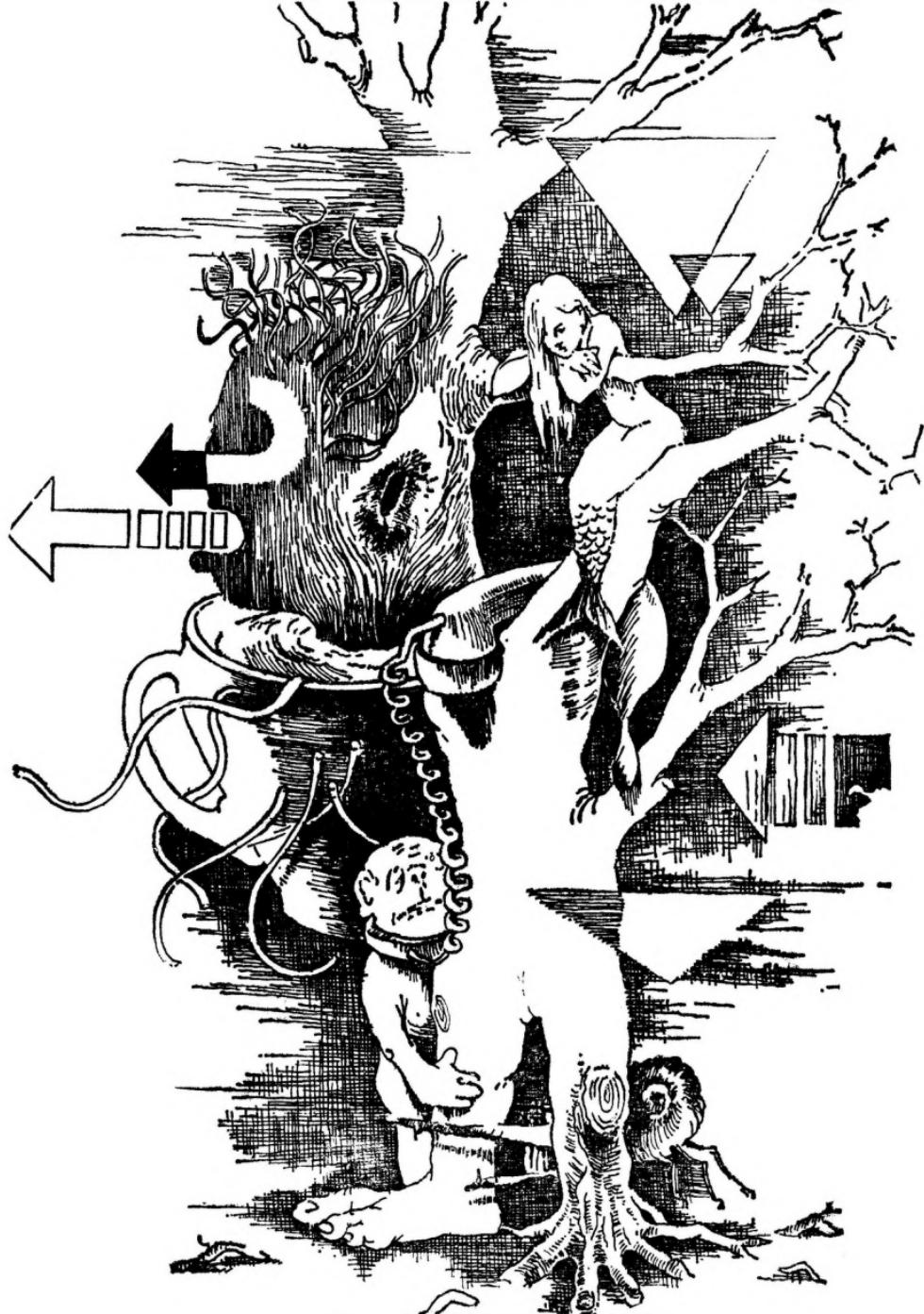
Трясущимися руками, покрытыми засохшей кровью, я складываю письмо и прячу его на груди, потом долго брошу по дворцу, где уже ничто не тревожит меня. Во втором этаже, в небольшой гостиной, где пронзительно свистит Генератор, я со скукой слежу за полетом ядра, выпущенного одной из моих пушек.

Медленно вращаясь, ядро ползет прямо сюда. «Приказ, отанный в прошлое», — думаю я, хоть и не отдавал приказа выстрелить в Генератор, ведь только сейчас, войдя в эту комнату, подумал, что убью проклятую машину. Волокна воздуха окутывают темный шар, тянутся мантией, распадаются... Ядро очень медленно и очень точно приближается к окну...

Прекрасный выстрел. Всех наградить.

Kafe-ctt.
Kafe-cha.
Kafe-cke,

* * *

— Давайте дальше! — азартно попросил я Александра Александровича.— Ваша человеческая комедия уже привела в норму мое нижнее давление...

— Не издевайтесь,— улыбнулся он.— Я Бальзака тоже читал. И дантовскую «Божественную...». И, конечно, осознаю пропасть между нами. Великие есть великие!.. Кстати, не пора ли кому-нибудь написать (уж в такой экологический период мы живем), написать, например, «Ботаническую трагедию» или, скажем, «Зоологическую драму»?.. А что касается моих незатейливых сказочек, вы можете называть их «Дворовой комедией». Это будет справедливо. Я не обижусь. Масштаб скромненький — дворовой.

Мы познакомились в доме отдыха. Я там внезапно расхворался, и меня, как выразился этот славный человек, кадровый рабочий А. Ягидко, упекли в изолятор. Я приготовился скучать, любоваться пыльными кипарисами за окном, слушать крики и грохот из кухни столовой и читать трепаную подшивку «Крокодила». Но мой ироничный знакомый проник ко мне в первый же вечер и заявил, что волноваться не стоит — «спокойно умереть не дадим».

Его жизнерадостность, его трогательные визиты и какая-то ненавязчивая сердечность духовно здорового человека скрашивали мое одиночество, которое особенно безжалостно давит в больницах по вече-

рам... Между прочим он рассказал несколько невероятных историй, напоминающих незлобивые фельетоны о соседях... Сам Александр Александрович, или Человек имени Саши, как он иногда себя называет, тоже участвует в этих сказках в качестве действующего лица. Отсюда особый автопародийный аромат его повествования «о доме № 4 по улице Сталечугунной», где Ягидко, собственно, и живет «в свободное от отпусков время» (тоже его слова).

Как-то я спросил у него: «Вы — слесарь-наладчик высочайшей квалификации, рационализатор, изобретатель... Зачем вы придумываете все эти странные истории о соседях, о себе самом, о чудесах?..»

«Во-первых, имею право,— разочарованно посмотрел на меня Александр Александрович.— Во-вторых, «странное», как ты выразился, добавим сюда же и «невероятное»,— это, миленький, образ мышления человека, который ходит между станками не как осел, а с пользой для прогресса». Вопрос мой был необдуманным — конечно, какое творчество возможно без нестандартного, а значит, широкого, смелого взгляда на жизнь: прописная истина... Я стал себе скучен, как человек, поразившийся склонности «технаря» развлекаться гуманитарными играми, моделировать причудливые житейские ситуации. Господи, да ведь современная технология фантастичнее любой фантастики! Только лентяй с застоявшимися, как болото, мозгами (в этой роли я и выступил!) может промычать: как это вы, дескать, не про одни лишь железки думаете?..

«А в третьих...» И Ягидко сказал, что еще год-два — и станет пенсионером. А это для него — и *странице*, и *невероятное*, «и хочется думать о грустном». Поэтому он «невольно заставляет себя» думать о веселом, подтрунивать над соседями,

«наговаривать на себя», чтоб не раскиснуть, не опуститься или не стать сыром-кляузником. «Не хочу внезапно оказаться старицком, вся жизнь которого сводится к походам в аптеку и чтению газеток... А вообще газеты очень люблю и приветствую широкое наступление прессы на факты безответственного отношения к порученному делу, на разгильдяйство, на недостатки в сфере услуг, случаи зажима критики на местах... Есть у меня одна история про волшебную газету...»

...С разрешения Человека имени Саши я записал его «сценки из жизни нашего дома», постаравшись сохранить их подчас причудливую фразеологию и интонацию, их «свирипый цвет» и требовательную любовь к близким. Начинается «Дворовая комедия» сном, а дальше все происходит «на самом деле».

РЕЦЕПТ НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

— Непонятно все-таки, кто же приходил к Мите?

— Не будь занудой,— ответил А. Ягидко.— Я мог бы даже сказать: «Вот ты и приходил!..» Никто не приходил. Разве не ясно? Это был мятежный сон юноши, странный, как все на свете сны.

Как все началось-то? Приходит к нему человек — свежевыбранный, напомаженные волосы, блестящие «лаковые» туфли. В общем, что надо человек. Это сразу стало заметно — по тому, как незнакомец аккуратно вытер упомянутые туфли о половицок, как покашливал в кулакок, отвергал табачок. Этим человеком был ни кто иной, как я сам. Роль эту я по-

ручил себе. Так и так, думаю, уж лучше я сам, чем кто-нибудь.

Вот и пришел, значит, аккуратненький такой к нему. Степенный и вежливый. Некурящий, но и не без вальяжности.

Убедительный такой пришел. А он и не знает, что это я. Откуда и знать-то, если мы не знакомы.

Сидим, в общем, разговариваем. Занимает он гостя разными темами. А гость очень убедительно возражает. Говорит немного, но по существу. Мало, но кстати. Совсем ничего, да в самую маковку...

Такой убедительный посетитель — знай чеши затылок.

Откуда только убедительность берется! Вот хозяин заводит про аграрные тонкости, а гость возьми да и заметь о жителях океанских островов. И не просто этих жителей упоминает, а раз-два — и блеснет из-под кресла туфлею, точно блицем на бракосочетании. Или, скажем, хозяин предлагает остановиться на антибиотиках. Не нравятся они хозяину, виноват он, что ли, не доверяет, и все тут. Капризное делает лицо. А собеседник ему: полноте, мол, слышали, город Венеция под воду уходит? И бриолиновой шевелюрой увеличивает поголовье солнечных зайчиков.

Блестящая убедительность! Вынеси на рынок — с руками оторвут.

...Говорят без умолку, по второй чашке кофе допивают, хозяин совсем уже увлекся, обалдел и все намеченные телепередачи пропустил. Сидит, бедняга, задетый за все живое, что в нем есть, сидит, на все уже готовый. И только решает затронуть какой-то очередной вопрос, как тут — бац! — догадывается: разговор-то сводится к рецепту... Ну да, о чем ни говорят, а фактически гость рецепт прорисовывает. Отвлечеными репликами своими. Всею

убедительною свежевыбитостью. Рецепт на все случаи жизни.

И тогда покидает хозяин кресло. Встает потрясенный. Вот, думает, что за черт возьми, а вдруг! Какое там «вдруг»... — наверняка! А незнакомец, я то есть, поднимаясь тоже, а как же, воспитание — и, вообще, рецепт.

И говорит он:

— Просите, что хотите!

— Да ничего,— отвечаю,— не надо. Всем обеспечен,— говорю.

— Ну да, конечно... так может быть, доктор, вы бы...

— В некотором,— перебиваю,— в некотором смысле доктор.

— ...выписали бы, а?

Доброжелательно улыбаюсь:

— Давайте, тащите бумагу.

Ну, и выписал я ему. Получил сердечное спасибо и дверь за собою закрыл.

Свежеиспеченного обладателя рецепта звали Митя.

Митя как Митя. Ничего особенного. Две руки, две ноги, два уха. Особых примет не имеется.

И решил этот Митя рецепт свой, как водится, материализовать. Очень удобный рецепт. Как ни крути — на все случаи жизни.

Заглянул Митя в листочек, а тот весь латинскими каракулями покрыт и цифрами-дозами.

— Решено,— сказал себе Митя.— Сказано — завязано, положено — лежит!

— Здравствуйте! — сказал Митя.

Аптекарь кашлянул.

— Вот, изгответе, если можно,— нагнулся Митя к окошечку в стекле.

— Изгответляют в шляпной мастерской, а мы здесь пригответляем, молодой человек. Если, конечно, можно. Как вы сами выразились.

— Так я зайду завтра, что ли? — уже не так бойко спросил Митя.

— Вы такой резкий,— остановил его аптекарь. Он положил перед Митеем рецепт и постучал по нему пальцем.— Печати не хватает.

Митя смотался куда следует, поставил какую следует сколько-то там угольную печать, возвратился и облегченно спросил:

— Так в котором часу к вам подойти?

— Заходите после обеда.

— Когда: сегодня или завтра?

Аптекарь вздохнул и оглядел Митю, словно кусок какой-то кислятины. Мите даже показалось — нечто такое должно собой представлять заказанное снадобье, доведенное до кондиции.

— А как принимать? — совсем сбился с толку Митя.— По полтаблетки до еды или по столовой ложке два раза в день?

— Все зависит... — Аптекарь поманил посетителя пальцем и зашептал: — Все зависит от лунных фаз, расположения комет, скорости и высоты полета ласточек.

— Народная фармацевтика! — ахнул Митя.

— Вообще-то нам не положено,— не без романтики в голосе добавил аптекарь,— но... в порядке исключения.

— А во что выльется это исключение? — опомнился Митя.

— Ну... там видно будет...

Аптекарь возвел глаза к потолку, разглядывая скрытые от непосвященных кометы.

— Ладно,— мужественно сказал Митя,— выпи-
сывайте талончик.

— На кой он вам?

— Особый случай? — подмигнул догадливый
Митя.

— Зайдете после обеда и получите.

— Понял. Вопросов не имею. Нет! Вру: до завт-
ра, значит?

— Не-ет... препаратор отстояться должен. Зайдете
через... через шестьдесят три года. Другая техноло-
гия нам неизвестна.

— Тьфу! — громко сказал Митя у себя дома
и достал из кармана рецепт, отобранный обиженным
жестом из окошечка. Со злым упоением Митя по-
рвал его в мелкие клочки, которые бросил в пепель-
ницу.

Когда Митя подносил к ней карающее пламя
спички, я поспешил остановить его телефонным
звонком.

— Митя слушает,— буркнул Митя.

— Это я,— как можно убедительнее начал я.

— Очень рад,— язвительно ответил Митя.— Вы,
значит, настаиваете, что далекие коралловые островы
интересны как своеобразный палеогеографический
полигон?

— Вне какого бы то ни было сомнения,— как
можно более членораздельно и чеканно подтвердил
я.— Более того, по данным ученых, чаще всего полу-
чает мяч тот игрок, который пользуется в команде
наибольшим авторитетом, что совсем не обязательно
связано с его футбольными способностями.

— Да? — заметно скис Митя.

— Да,— сверкнул я алмазной твердостью.

На том разговор и закончился.

— А это я к вам, Тетътоня,— сказал Митя.

— Вижу, что ты,— отозвалась она, не отрывая глаз от сковороды с мелко накрошенным луком.— Что скажешь? Трояк тебе выдать до первой нескорой получки?

— Не-ет, Бабтоня,— в голосе у Мити скрывалась какая-то сюрпризность.

Да, сюрпризность. А вовсе не рассеянность или растерянность, которые, видимо, заподозрил читатель. Не обязательно находиться в трансе, чтобы называть одного и того же человека разными именами.

Гражданка Тоня уж который год балансировала на той неуловимой для соседей грани, когда непонятно, как обращаться — «бабушка» или «тетя». Вот и называли ее на всякий случай то бабушка Тоня, то тетя Тоня. А если ближе к жизненной хронике, то — Бабтоня и Тетътоня.

В этом колебании близких сама Бабтоня (Тетътоня) усматривала некую почтительную нерешительность и не обижалась.

Итак, Митя сказал:

— Не-ет, Тетътоня. Не угадаете.

Она наконец подняла на Митю глаза. (О, это были глаза, созданные для чтения Сокровенного... по крайней мере, в масштабе микрорайона. Их так и хочется называть не глаза, а очи. Они служили для раскусывания сюрпризностей любого достоинства — от пяти копеек за кучку до двух лет условно. Если бы эти очи имели прописку в более южных широтах, они наверняка сделали бы со Сфинксом то, чего не сделали наполеоновские пушки).

Бабтоня улыбнулась одной щекой и выключила под сковородкой газ.

Затем ловко опрокинула сковороду над кастрюлей, ножом счистила с нее лук, вытерла руки о пе-

редник, села на табурет и смела сюрпризность, точно крошки со шкафчика:

- Давай сюда эти ошметки.
- Какие ошметки? — не понял Митя.
- Которые в кармане. Левом. Брюк.
- Беспрецедентно... — проговорил завороженный Митя.— Ну, Тетътоня! Дае-ешь...

Действительно, откуда Бабтоне знать, что Митя принес ей лоскутки от рецепта, а стало быть, и о самом рецепте... Но, видать, и вправду Тетътонины очи по-своему годились на все случаи жизни.

Вынул Митя рецепт (лоскутки, наклеенные в первоначальной последовательности на листок бумаги), подал Бабтоне.

Почитала она, почитала, зажмурилась, прикидывая что-то, зажимая на пальцах какие-то свои цифры, и вымолвила не больно радостно:

- Ну, лады. Хошь-не-хошь — особый случай.
- Вот, спасибо, Тетътоня,— вовсе обнадежился Митя.

— Не спеши, голубок, может и не получится ничего. Это ж тебе не торт-брикетник. Не «седедка под шубой». И не сухари на дорожку. Правильно?

Удалилась в свою комнату Бабтона, загрехотала сундуками, ящиками серванта, задвигала какие-то баулы, зашуршала пронафтилиновыми узелками, не поленилась заглянуть в футляр с баяном, на котором муж-покойник не столько играл, сколько плакал над ним; озабоченная и вдохновенная, как люди на великой стройке, смоталась к соседям — «одолжиться»; покружила вновь по своей комнате, перетряхнула холодильник и, обведя строгим и пристальным взором спрятанные под слоем фотокарточек стены, вернулась в кухню. Многочисленные мешочки, кулечки, баночки и коробочки были принесены ею. И сказала она Мите:

— Теперь выдь-ка. Ни к чему тебе здесь присутствовать.

— ?..

— А как почуешь... дух... как потянет отсюда духом этим, тогда уже появляйся.

Митя исчез, а Тетътоня начала свое дело. Щепотками и «на носочек», чайными ложечками и наперстками, сантиметром и безменом принялась она отмерять, отрезать, отвешивать, отмежевывать, отъединять, отчуждать и ссыпать все это куда надо и перемешивать, а после залила водою ржавою, взмесила, раскатала, орнамент нацарапала (райские цветы и птицы в сапогах) и поставила куда следует. В духовку поставила.

Безупречно все проделала Бабтоня. Вот уж глаз, так глаз! Но только со мною ли этому глазу тягаться?

Подождал я сколько нужно: только орнамент начал браться корочкой, только сапоги птичи из хромовых стали превращаться в кирзачи да прохоря, только промеж цветочков обозначились ягодки,— тут я и позвонил. По телефону.

Я позвонил Тетътониным соседям и сказал им, что Бабтоню вызывает на междугородный разговор райцентр Большие Кизыл-Сильвестры.

Соседи кликнули Тетътоню, и она покинула пост у духовки, так как ее родная дочь Милка не давала о себе вестей вот уже почти два года, с тех пор, как ускакала за романтикой длинного рубля с каким-то на все руки мастером; и, конечно, Бабтоне, при всей ее глазастости, было тревожно, порою даже бессонно-тревожно за большое человеческое счастье дочери.

...Мне хватило двадцати минут на то, чтобы рассказать Милкиным голосом о жизни в Больших Кизыл-Сильвестрах, о романтике и тумане длинного

рубля, о гастролях Большого театра в местном Дворце культуры и комарах, о покорении окружающей среды и овладении на все руки мастером смежной специальностью, о снегах и песках, о цементе и растворе, о хороших новых песнях и мудрых скрюченных старцах, о вышках вдали и сближающих всех нас телеспутниках. И только я перешел к вопросу о счастье, как тут же перебил себя: «Заканчивайте разговор!» — и дал отбой.

...Мне хватило двадцати минут на то, чтобы из духовки пополз убийственный для тараканов, моли и райских птиц черный дым. Охнув, топором пошла в него Тетьюнья, распахнула окно, вырубила газ, и прибежавший минутой позже Митя услышал, что в данный момент Бабтона думает о себе самой, о вышках и Большом театре, о счастье в личной и неличной жизнях...

Исполать телефону, исполать!

Телефонные переговоры столь же замечательно помогают решать многие проблемы мирным путем, как и переговоры на самом высшем уровне. Благодаря телефону мне не пришлось устраивать наводнения, землетрясения, внезапной трансляции «Семнадцати мгновений весны», падения метеорита и других стихийных бедствий. А то как же еще было отвлечь Тетьюнью от плиты.

— Вы что, по вопросу обмена жилплощади, что по чужим кухням расхаживаете? — с запозданием проявила бдительность Бабтона.

— Нет, по другому вопросу,— я вышел из сизой тучи, выдаивающейся в окно, и, миновав Тетьюнью, взял Митю за острый, как сабля, локоть,— пойдем, Митя, пойдем...

— Рецептик,— сказала Бабтона, выгружая чадящие куски кулинарного чуда в мусорное ведро.

Потянувшись за бумажкой, лежащей на столе, моя рука опередила Митину, и он разглядел платиновый тяжелый перстень у меня на безымянном пальце. Я на мгновение задержал руку над рецептом, чтобы Митя прочитал имеющуюся на перстне надпись.

«Решающая попытка» — гласила она.

— ...Он может все? — переспросил Митя.

— Он может все! — железным голосом подтвердил я.

— А может ли он создать такой камень, который сам же не способен поднять?

— Создать? Нет... Достать — да.— В задумчивости я провел ладонью по бриолиновому темени.— Но, если очень надо, он может поднять этот камень.

— Камень, который он же не может поднять?

— Камень, который он же не может поднять.

Перстень рикошетил лучом электрической лампочки прямехонько в левый Митин глаз.

В туалете объяснили, что это прямо по коридору. Митя отыскал нужную дверь, вошел и остановился перед гражданином Гражданиновым.

Гражданин Гражданинов сказал:

— Вы так на меня смотрите, как будто пришли с просьбой создать неподнимаемый камень.

— Не знаю, может быть, и камень,— ответил задумчивый Митя,— я просто не знаю, как это выглядит. Я даже не знаю, так ли уж мне это надо.

— А рекомендательное письмо у вас есть? — спросил с подозрением гражданин Гражданинов.

У Мити было такое письмо. Это была записка от меня.

— От него, значит,— уважительно констатировал

гражданин Гражданинов,— шутки шутите: «Не знаю! На-адо ли!» В общем, конечно, сделаю все, что смогу.

— Вы можете все,— напомнил Митя.

Вторично напоминать не пришлось. Через день гражданин Гражданинов встретил Митю с тем выражением на лице, с которым обычно произносится: «Гордость фирмы!»

Тем не менее, гр. Гражданинов сделал над собой усилие, ослабил торжественное напряжение в чертах лица и скромно признался:

— Есть кое-что.

Митя догадывался, каких усилий стоило это, еще неведомое, «кое-что». В его воображении зажглось выложенное из разноцветных праздничных лампочек могущественное слово «СВЯЗИ». Это слово мультипликационно завертелось вокруг оси, проходящей через букву «Я» и превратилось в рой дефицитных, по большей части импортных предметов. Существование роя длилось считанные секунды, но Митя успел разглядеть электромобиль, банку бычков в томате, томик Кафки, стереомагнитофон «Филипс», зеленые джинсы фирмы «Хау ду ю ду» и многое другое. Все это вновь сжалось в одну микроскопическую точку и, как в свое время Вселенная, взорвалось. Результатом взрыва были три разноцветнолампочные надписи: «ПО БЛАТУ», «ПО БОЛЬШОМУ БЛАТУ» и «ЧУДОМ».

— Откровенно говоря, если бы не эта подпись в письме, я махнул бы рукой на вашу затею уже на седьмом этапе,— заставил гражданин Гражданинов перегореть Митинь лампочки.— Уж так побегать пришлось, что просто...

Он не подобрал сравнения для своих хлопот и с обескровленной улыбкой марафонца достал из

бокового кармана (у сердца) аккуратный листок бумаги.

— Вот оно...

— Что? — не понял Митя.

— Они, то есть. Адреса.

Митя удивился, но взял.

— Там все устроят по интересующему вас вопросу.

В лифте он развернул листок. И сердце его полетело вниз со скоростью, превышающей скорость лифта.

Это был адрес Теттьони и адрес аптеки...

...Митя зарыдал, проснулся и вышел во двор. Там под осторожным солнцем он увидел настроенного по-боевому старика Ягидко.

ЗАВТРА БУДЕТ ОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ

— Что такое неразбериха? — спросил Митя с подковыркой.

— Это те редкие случаи, — ответили ему, — когда находится прораб, не разбирающийся в своем деле, однако выписывающий наряды.

Во дворе дома номер четыре по улице Сталечугунной стоял нерукотворный памятник, который предстояло снести бульдозеристу третьего класса Брезентову.

Брезентов был мужик плечистый, с грозной челкой, дыбащейся девятым валом кисти Айвазовского, с золотым зубом и в задохнувшихся от строительной пыли гадких туфлях. Оклад у него был такой-то, премию, как правило, выписывали такую-то, а прогрессивку — этакую. Брезентов умел выстреливать

слюной сквозь зубы: цвирк! (Пневматика плюс гидравлика).

Все это выгодно отличало бульдозериста от нерукотворного памятника, которому нечем было похвастаться перед Брезентовым.

Утро, ознаменовавшееся появлением во дворе дома номер четыре лязгающего по асфальту бульдозера, несомненно, было утром не совсем обычного дня. Прежде всего, бросался в глаза тот факт, что обитатели дома не находились на службе, не заступили на вахту, не подменили взявших отгул и не несли, жужжа, личную каплю меда в общий улей. Вместо этого — сидели в своих блочно-панельных апартаментах или дышали дворовым воздушком.

Неподалеку от первого подъезда стояли двое. Один был постарше. Другой — помоложе. Старшего звали трудящимся Ягидко. Это было не то чтобы прозвищем, а скорее раскаивенной цитатой. Он был большим поборником всего светлого, аккуратного, справедливого, а также всего, достойного называться справедливым, аккуратным и светлым. Этот человек любил писать, или, как он сам выражался, «направлять письма в инстанции». И по праву гордился тем, что не сочинил за свою напряженную жизнь ни одной анонимки. Подпись наличивалась всегда: «трудящийся Ягидко Александр». А еще он любил собрания — за то, что на них можно выступать. Со светлыми словами об аккуратности, с аккуратными докладами о справедливости и со справедливыми замечаниями о свете (в частности, экономии электроэнергии).

Этот человек любил.

Но он и ненавидел. Например, все темное, неаккуратное и несправедливое.

На предприятии, где трудился, и во дворе дома, в котором проживал, его величали кроме того Чело-

веком имени Саши. Просто Сашей называть было неинтересно. Получалось бы скучно и необъективно.

Рядом с Человеком имени Саши стоял Митя (это тот, который помоложе). Просто Митя, и все.

— Да-а, брат... — сомневался Человек имени Саши, — да, брат, — говорил он, — да-а-а, не знаю, что и посоветовать. Надо бы обратиться в какую-нибудь инстанцию, да кто ж его знает, в какую. Да, брат...

— Понимаете, — старался Митя обратить его в свою веру, — рецепт на все случаи жизни — штука светлая и справедливая.

— И аккуратности требует!..

— Требует, — поддержал Который помоложе. — Потому что воспользуешься им не так, как следует, и вылезет оно людям темной несправедливостью.

— Еще как вылезет, — соглашался умудренный личным и чужим опытом Тот, который постарше. — Ну, давай, как положено, сперва по низам пройдемся.

— По каким еще низам?

— Направим бумагу в ЖЭК.

Митя грустил:

— Вы такой замечательный человек, а такое говорите. Что-то я не припомню, чтоб управдомы выдавали рецепты.

— А может, в Министерство путей сообщения грехнуть телеграммку слов... этак в сто пятьдесят? — скреб подбородок трудящийся Ягидко. — Обоснуем.

— Все равно за идиотов примут, — резонил Митя. — Сами подумайте: при чем здесь МПС?

— Как при чем! Фирма внушительная. Не менее всемогущая, чем ЖЭК. Потом, понимаешь ты, когда в жизни происходит Случай — оно всегда связано с дорогой. С необходимостью вернуться домой или

покинуть дом, поехать на свадьбу или похороны, отправиться на супостата или в сберкассу, за сантехником или понятыми...

— За понятыми поездом не ездят.

— Не учи ученого. Я для образности. Ты понимай, что все дело в дороге. А может, этот твой прославленный рецепт и есть универсальный билет в любую точку нашей...

Тут Человек имени Саши оборвал свои пояснения. На то была причина. Если бы не она, Ягидко повышал бы и повышал расположение мишени для острого сигнала «об острой нужде в рецепте на все случаи жизни». И забрался бы кто его знает куда. Но, как уже было сказано, появилось основание прервать ход мысли.

Оно, это основание, предстало перед собеседниками в виде тормознувшего рядом с ними бульдозера. Грохотание мотора было столь величаво, что Митя и Человек имени Саши невольно поморщились и попятились, а Брезентов, зная, что даже с такого небольшого расстояния не докричит, спешился. Он подошел впритык к собеседникам и, глядя в сторону, не поздоровавшись, крикнул: это, мол, двор дома номер четыре?

— А что? — крикнул Ягидко.

— Ничего! Которая у вас тут непроектированная застройка?

— Какая? — опешил который имени Саши.

Человек в нечистых туфлях посчитал, что выразился достаточно ясно, и сперва не захотел повторять.

— Которое загромождение территории,— выдергивая угнетающую паузу, все же сказал он. И удивился своей вежливости. Но на лице не отразил.

— А вы откуда, собственно? — желторото вмешался Митя.

Этот вопрос Брезентов оставил без внимания. Вместо ответа обвел «территорию» взглядом. Взгляд был тяжелым и каким-то бесстыдным. И тогда младший и старший сразу догадались, что именно интересует бульдозериста. И оторопь взяла их. И смутились они, словно оказались среди посетителей бани, в которую нагрянула экскурсия.

Брезентов тоже смекнул, что ему требуется. Оно... стояло... около гаражей, в дальнем конце двора.

— Оно? — тряхнул чубом бульдозерист (посыпался шум прибоя).

— Да,— опустил голову Ягидко.— Но знайте, мы пожалуемся руководству СМУ.

— Че-во?.. Цвирк!

— Треста! — тявкнул Митя. Подумал и передразнил Брезентова: — «Чи-во»? Та-во! Не имеете права: где у вас на руках распоряжение инстанций?!

— Да, понимаешь ты,— забурлил оправившийся от первичного смущения Человек имени Саши.

Брезентов уже сидел в кабине и закуривал «При-му» (цвирк!). Митя вскочил на гусеницу:

— Номер телефона управления! Фамилия про-раба!

— Сойди, корреспондент, не мешай. Сейчас трону вперед,— глядя по своему обыкновению мимо собеседника, пригрозил Брезентов.

Ища поддержки (а то ведь, чего доброго, тронет — вон и ручищи на рычаги, как на жезлы, положил!), Митя затравленно оглянулся на Ягидко.

— Пускай трогает,— сказал тот, строча сигнал в новеньком блокноте,— направим сейчас «молнию» в министерство.

— Путей сообщения? — криво усмехнулся Митя.

— Заче-е-ем,— зловеще протянул Человек имени Саши,— в строительное! В точку гахнем. И посмот-рим...

Воодушевленный Митя прилег на гусенице, пре-
небрегая геэсэмовскими пятнами и опасностью для
здоровья, а может даже — и жизни.

— Слушай, ты,— струхнул бульдозерист,— слу-
шай, тебе говорю: слазь. Не задерживай. Хуже
будет... — Брезентов пощелкал слабиной рычагов.

Но Митя мужественно не слушал его.

В это время из окна на третьем этаже высунулась
на голоса голова Бабтона. На лице у нее, как обыч-
но, сияло царственное, неодобрительное любопыт-
ство. Зондируя ситуацию, Бабтона для пробы упрек-
нула Митю:

— А такой был аккуратный мальчионка... Этот
зеленый змий, как он все-таки людей перекрещива-
ет. И этого уже...

— Тебя еще, Бенкендорф, не хватало! — не отры-
вая глаз от блокнота, подал голос трудящийся Ягид-
ко. — Если кто и пьян, то вот этот работничек. Да
и то установить еще впоследствии придется.

— Вишь, на троих соображают,— подмигнула
Тетьтоня вышедшей на балкон девушке в бигудях.

— Слушай, закрой форточку! — разозлился
Ягидко.

— А может, я свидетелем хочу быть? Сейчас
у тебя в протоколе распишусь! — снова глянула
Бабтона на девушку.

Обе прыснули сплетенным смешком.

Ягидко решил не обращать внимания. Тем более,
что девушка опомнилась (господи: в халате! в бигу-
дях!) и юркнула в квартиру, лишив Тетьтоню своей
поддержки. Больше девушка не появлялась: ей
предстояло еще жить и жить, прежде чем она почув-
ствует интерес к катаклизмам двора.

Какое-то время Брезентов сосредоточенно поса-
сывал холодный «бычок» и оценивал ситуацию.
Ягидко вдохновенно творил в блокноте, дирижируя

бровями игре аргументов, акцентов и каких-то одному ему ведомых «беспрецедентов».

Бульдозер рычал, как бульдог, ждущий команды: «Фас!»

Бабтоня с помолодевшим лицом ждала развития событий.

События оставались недоразвитыми ввиду того, что бульдозерист третьего класса никак не мог докурить потухшую сигарету, а Митя...

Митя в это время возлежал — хладнокровный и безмятежный, словно средневековый тиран. Он лежал в демисезонном пальто на гусенице бульдозера и смаковал брезентовское бессилие. Моральное бессилие, следует уточнить. Ведь была еще непредсказуемая, слепая физическая сила, алчущая передвинуть рычаги — и тогда...

Тогда «непроектированной застройке» хана. О себе Митя старался не думать. И ему это удавалось. Он вспоминал содержательные беседы с общественниками в райвоенкомате — и это тоже помогало. Помогало идти в недуманье о себе дальше и дальше для того, чтобы не тронутся с места.

— Ты глянь: совсем как моща из пирамиды,— не выдержала Бабтоня.— Слыши, механик,— обратилась она к Брезентову,— ты б отнес его, что ли, домой. Помоги собутыльнику: задохнется ж газами!

— А из какой он квартиры? — очнулся бульдозерист. Ухмыльнулся. Выплюнул окурок. Плечи расправил.

Митя затаил дыхание...

— Из четырехкомнатной,— стала перечислять Бабтоня.— Двое соседей. Окна на запад и восток. Теплая вода — тэцовская. Санузел несовмещенный. Телефон давно уже обещают провести в следующем квартале...

— В коридоре злая собака,— подкинул Митя.

Он засмеялся Тетьтоне, так удачно «подковоршёй» Брезентова.

Однако Бабтона нисколько не собиралась принять Митину сторону. Как всегда, в скандалах она была ни за кого, держалась наособицу. Ибо стремилась действовать в качестве катализатора, помогающего быстрее наступить долгожданной кульминации — самому интересному, ради чего, собственно, скандалы и затеваются.

Кипяток в жильце набухает, рассуждала женщина, вот и надо подживить его, чтоб скорее паром вышел. Тогда человеку облегчение. Потому скандал — целебнейшее лекарство, женщень для человеческой жизни... И когда наступает этот кипящий момент, в смысле — один на другого с вилкой или утюгом бросаются и вопят о загубленном счастье,— вот тут она, душа, как раз откупоривается и весь ненужный пар из нее долой. Покуда снова не соберется до следующей процедуры.

Почему все эти тики-миокарды и другой гриппоклюш так на нас посыпались? Из-за раздельности квартиросъема! От изолированности людского общежития! От единоличности жилплощади! А я говорю: назад, по коммуналкам! Сгрудимся, родимые, по десять, по пятнадцать вокруг одного умывальника! По двадцать — вокруг КВНа с линзой! По двадцать пять — вокруг бачка с цепочкой, на здоровье!.. Вот вам санатории-профилактории! Вот он, роддом сознательного задора и госпиталь производительности труда!

— Эй, слышь, Митька! — перегнулась она через подоконник.— А что, слабо проехать на тракторе? Кончай дурака валять — а ну, за рычаги! Покажи класс! Проедь, чтоб послышней было!

Митя не шелохнулся. Тогда Тетьтоня переключилась на Брезентова:

— А ты чего стоишь, конь ретивый? Жми на педали. Не бойся: Митька с детства боягуз, так и вскочит — попробуй, не пожалеешь. Тебе какую задачку определили, асфальт у нас перепахать? Так давай, о чём затужил! Ты на них внимания не обращай. Они тут без полномочий.

Увы, слова эти на Брезентова подействовали. Нашупала-таки Бабтоня «крантик для выпуску пара», нашупала она рычаг для акCELERирования кульминации. Остальное было делом зверских брезентовских конечностей. Газанул бульдозерист, заставил взреветь двигатель на нейтральной скорости и отпугнул Митю, отвалившегося от гусеницы, точно ракета класса «воздух-земля» от корпуса самолета.

И тогда включил Брезентов сцепление...

— Да бросьте вы это к чертовой матери, глядите! — крикнул не боязливый, а благоразумный Митя Человеку имени Саши. Тот бросил писать и на мгновение вновь растерялся.

Медленно и грозно, словно орудийная башня крейсера, разворачивался бульдозер, нацеливаясь на цепенеющий — там, около частных гаражей, — нерукотворный памятник.

Ягидко почувствовал, что теперь настал его черед не думать о себе... Человек имени Саши ринулся к гаражам.

За ним побежал и Митя.

В руке у трудящегося Ягидко хлопали листки взъерошенного блокнота. И напрасно они хлопали, так как документальная борьба против бульдозера и Брезентова уже явила всю свою бесперспективность.

Предстояла борьба морально-физическая...

Придя к финишу вторым (после Мити, не после бульдозера), Ягидко с задыхающимся сипом обратился к нерукотворному памятнику:

— Ничего, милая... Не бойся... Загорай себе спокойненько... Оно хоть и осеннее, а все ж — солнышко... Бронзовей на радость нашему... культурному досугу, гребле и здравоохранению...

Рядом с гаражами коротенькой шеренгой, взявшись за руки, стояли двое — один постарше, другой помоложе. Тот, что помоложе, оглянулся на памятник нерукотворный и обратился к нему с такими словами:

— Нам выпала нелегкая, но почетная и где-то даже радостная миссия. Одновременно я чувствую большую ответственность... — (Ягидко одобрительно кивнул.) — Ответственность в деле ограждения вас от посягательств корыстного рвача-зашибалы третьего, по-видимому, класса. Хочу особо подчеркнуть: в том, что лишенная разума, даже разума водителя, машина не пройдет,— в этом менее всего моей личной заслуги. Здесь налицо заслуга всего нашего немногочисленного, но сплоченного коллектива... Как это, погодите, как там у вас сказано... м-м... не требуя венца?.. Хвалу и клевету приемля равнодушно?.. Не ручаюсь за точность. В общем, ни хрена не обращайте внимания. Не давайте сохнуть перу. Пишите и зачеркивайте. Пишите — неаккуратно, но справедливо и светло. И живите так же. Рисуйте на рукописях рожицы и кудряшки. Пока что у меня все.

И тут же Митя почувствовал, как кто-то единомышленнически сжал кисть его свободной руки. Он повернулся и увидел... Бабтоню. Хотел окриком предупредить ее зловредное вмешательство (ибо что другое можно было ожидать?), но рот она открыла первой.

— Чу! — пальнула Теттьоня голосовыми связками.— Рази ж я знала! Это дело святое. Ты, Митя, не обижайся, что зря тебя травмировала.

— Мальчики! — перевела свой голос на командные регистры освоившаяся Бабтоня.— Мальчики, даешь живое заграждение!

И поглядели все трое вперед. И увидели стиснутые зубы Брезентова. И руки на рычагах — как на жезлах. И сквозь надвигающийся дизельный гром услышали стеганувшее душу «цвирк!».

Бульдозер, горячий и слепой, с забрызганными грязью фарами, на ползал...

В этот драматический, а быть может, и роковой момент Мите захотелось вспомнить что-нибудь светлое и знаменательное в своей жизни. Ибо с последней он на всякий случай прощался, и поэтому мог позволить себе подумать несколько секунд о личном.

Не колеблясь, он вспомнил давешнюю Тетътонину единомышленницу — девушку в халате и бигудях. Во-первых, вспомнил, что зовут ее Анной. А во-вторых — вчерашний день, когда девушка шла из магазина «Овощи — фрукты».

Митя, так получилось, тоже шел по улице. Правда, не из магазина, а из кино. Вдохновленный заграничным фильмом о любви до гроба, молодой человек догнал Анну и зашагал с нею рядом. «Конечно, эти французы малость перегнули в некоторых эпизодах,— думал Митя,— но в целом почему-то действует это на зрителя, накладывает отпечаток на его дальнейшее поведение».

— Позвольте представиться,— подавил он легкое смущение.— Митя.

— Угу,— сказала она.

— Это почем же теперь картофель? — спросил он.

— А что? — ответила она.

— Можно, я помогу вам? — Он протянул руку за авоськой, и девушка с видимой неохотой позволила взять ношу.

— Скажите, вы любите осеннеё солнце?

— А зачем вам знать?

— Мне, например, нравится.

Девушка шла, глядя прямо перед собой; отвечая на вопросы, она не поворачивала головы.

— А меня от джина воротит,— решил Митя испытать фразу из фильма.— Вот мартель — это куда ни шло.

— Я сейчас милицию позову. А ну-ка дайте сетку! — И, выхватив авоську, девушка перебежала на другую сторону улицы.

Сухая грязь покрывала фары слепого, гриппозно-горячего бульдозера, наползавшего на них... Когда оставалось метров семь и бледный, как известь на туфлях, Брезентов отчаянно, хотя и самоуверенно, сигналил (впервые найдя кнопку сигнала, а до этого считая, что нет и не бывает такового в бульдозерах), — в это самое время не утерпел вмешаться еще один не больно хладнокровный жилец дома номер четыре. Назовем его Автором по прозвищу Беллетрист.

Кинувшись опрометью к машине и показав бульдозеристу синюю книжечку — миниатюрный томик своих произведений, не произведший, впрочем, на Брезентова никакого впечатления, Автор по-каскадерски вскочил на скреп и распахнул перед ветровым стеклом полы пиджака...

Бульдозер стал.

Далее Автор пропустил мимо ушей все, что сказал и что только мог сказать в этом случае Брезентов, — художественная литература подобных междометий и фразеологии, как известно, не воспринимает.

— Виши, излишки пара выпускает,— заметила Тетьтоня о Брезентове.— Может, ослабнет мужик?

Но мужик и не думал ослабевать. Он с презрением, переходящим в тихий ужас, в свою очередь, слушал беллетристические, или, точнее, публицистические откровения Автора. Пальцы Брезентова сжимались и разжимались, сжимались и разжимались — словно получавшиеся при сжатии кулаки казались бульдозеристу недостаточно тугими и тяжелыми.

А между тем Автор не сказал ему ни одного «горбатого» слова. Автор указал Брезентову за спины мужественной троицы и поведал, что там, за этими спинами, стоит в красивом и чистом железобетонном комбинезоне — кто бы вы думали?.. Брезентов стоит. С гаечным ключом в массивном кулаке. Прозванным лицом, в частности, уверенными глазами железобетонный Брезентов обозревает дали и высоты, и думает какую-то светлую, хорошую и стилистически совершенную думу. Всей своей фактурой он, во-первых, что-то утверждает, а во-вторых, кого-то куда-то настойчиво зовет.

Тут-то и перелицевалось в сознании не железобетонного, а живого Брезентова нечто — ну, словно бы... из сугубо рукотворного бульдозер сперва превратился в полурукотворный, а затем и вовсе в нерукотворный.

Этого пагубно-фантастического зрелища Брезентов не выдержал, разразился слезным мычанием, покаялся на миру и сам себе погрозил неестественно большим (так уж он на сей раз удачно сложился) кулаком. Погрозил и невидимому (по причине расстояния, а вовсе не ввиду фантастической невидимости) прорабу Чеплячкину, который по ошибке, а также по своей темной несведущести в монументальном жанре выдал Брезентову этот самый наряд — «на снесение и сровняние».

Поблагодарив Беллетриста за интересную и содержательную наглядность, а остальных присут-

ствующих — за внимание и выдержку, бульдозерист резко дернул с места машину и, помахав на прощание таким же гаечным ключом, как у памятника, унесся «на грачи». Так в шоферском фольклоре именуются левые заработки.

Воцарилась ликующая тишина...

Ягидко вырвал из блокнота исписанные давеча листки и положил их в карман, собираясь в целях экономии бумаги сдать затем в макулатуру. Засовывая бумагу в карман, он красноречиво посмотрел на Автора, чем последнего смущил.

«Придется закругляться,— не без огорчения подумал человек, по прозвищу Беллетрист.— А жаль». Он чувствовал, что нерукотворный памятник солидарен с Ягидко. Около ста лет тому назад прообраз фигуры на постаменте зачислил краткость в названные сестры к таланту.

Своим тонким и безжалостным чутьем ко всему, присущему человеку вообще, памятник уловил Авторову мысль, и, в свою очередь, смущенно пошевелил носом, с которого свалилось взблескивающее юмором пенсне.

В это время опомнилась Бабтоня. Она обнаружила в своем кулаке руку молодого человека и вынула ее другой своей рукой — как поганого щенка из шляпы.

— Вот еще! — фыркнула Тетьтоня и покосилась на памятник: не стал ли тот невольным свидетелем ее минутной бесхарактерности по отношению к близким. То есть — свидетелем извинения перед Митькой.

Но памятник таковым не явился. Ибо представлял собой ни что иное как богиню Фемиду, у которой — и это не секрет — крепко-накрепко завязаны очи. Бабтонина богиня «жмурилась» чинно, устрашающе покачивая десятикилограммовым безменом.

Вытерев руки о передник, жрица поднялась к своей богине и с женской заботливостью потуже укрепила на ее голове повязку, а затем убралась восвояси.

Выбрасывая сгоревший обед, Тетътоя подумала: «Надо б оградку покрасить. Фемидушкину... Ну да это весной. А цветочков свежих — надо, надо...»

«Вихрем закружит белый танец, ох, и удручит белый танец...» — подпевал трудящийся Ягидко чьей-то радиоле и разглядывал нерукотворный монумент. Поборнику аккуратности показалось, что на байдарочном весле, которое гипсовая «девушка его молодости» живописно отстранила вправо от себя, — что на лопасти весла нагажено пернатыми друзьями. Человек имени Саши взобрался на постамент и счистил ногтем непредусмотренное неизвестным ваятелем украшение.

Парень Митя ограничился тем, что подмигнул памятнику, такие, мол, дела, Александр Сергеич, — и вырвал несколько шальных травинок на тропке, ведущей к нерукотворному подножию.

Хорошо было у людей на душе. Хорошо, красиво и напевно.

Ягидко и его молодой собеседник продолжили разговор о рецепте на все случаи жизни. Стояла прекрасная погода. Жизнь можно было любоваться без всяких усилий. Птицы в этот день не репетировали отлета на юг.

ТРЫН-АНТИТРЫН...

— А на что, соколик, тебе трын-трава?

— Дело деликатное... — потупился Митя.

— Ясно,— сказала Тетътоня,— ожидаешь взбучки на партсобрании?

Кузен тоже проживал в доме номер четыре. Место его работы было неведомо для пайщиков. Дом номер четыре — дом кооперативный, а Кузен всеми силами рвался к власти. Ему хотелось возглавить правление жилкооператива.

Иногда Кузена называли Вольдемаром.

Недавно, как и многие другие трудящиеся, Кузен был отправлен в колхоз для помощи в уборке урожая моркови. Обтянув ляжки фирменными джинсами, он решительно ступил на грунтовую периферийную твердь. Эта решительность объяснялась не столько желанием выполнить и перевыполнить норму, сколько обеспечить вечерний, послеполевой досуг. Что ему вполне удавалось.

Кузеновский досуг, осененный незакопченными деревенскими небесами, состоял в потреблении (а порой злоупотреблении) местного напитка. Вольдемар смаковал этнографическую жидкость, получаемую из бурякового полуфабриката, и наблюдал за одним своим товарищем по жилкооперативу, во-лею судьбы также занесенным сюда, в страну Аграрию.

Человек, о котором зашла речь, был парнем лет двадцати трех, здоровым, не в меру нахальным и разговорчивым. Его отличала лихая реакция на среду. Например, вы ему говорите, что осенью не так тепло, как летом. А в ответ:

— Елки-палки, тю, вот как у нас пели: «Надежда — мой компас земной, а удача — награда за сме-

лось». И тыды и тыпы! Заходи вечером, с тебя рубль. В подкидного играешь? Крутил я вашу морковку, дай закурить.

По вечерам этот парень пробовал свой голос, стараясь быть услышанным на всех приусадебных участках населенного пункта. Он горланил песни, с которыми большие коллективы грузятся в эшелоны. Досуг парня отличался от кузеновского размахом и энергичностью, а также объемом поглощеннego напитка.

Три дня и три ночи этот парень был этим парнем. А на утро четвертого превратился в человека не от мира сего.

Видавшего виды Кузена буквально потрясла метаморфоза, произшедшая с молодым пайщиком. Последний стал тихим и очарованным. Он мог теперь часами сидеть на ящике с корнеплодами, держать в пальцах стебелек пырея и слушать какую-то дивную музыку, доносящуюся из нездешних пространств. Ясное дело, никто, кроме него, этих звуков не улавливал, а потому даже допускалась мысль, что похожий на изваяние человек беседует с архангелами и прозревает врата, вверенные ключнику Петру... Иногда, точно очнувшись, он недоуменно и испуганно обводил морковное поле глазами, в которых полыхало что-то небесное, и, не отвечая на шутки товарищей, вновь уходил в сокровенную внутреннюю жизнь. Блаженное выражение лица этого человека в конце концов вывело Кузена из равновесия, и он жестоко напился.

Сознание вернулось к Вольдемару в автобусе, в котором морковная команда, охая на ухабах, неслась назад, в город. В этот же день, а именно вечером этого дня, на собрании кооператива Кузен был почти единогласно избран председателем...

Совпадение, скажете вы? Никакой связи между

Вольдемаровым досугом и решением сбрания быть и не может?.. Мне тоже так кажется. Но здесь приведены факты в хронологической, достоверной последовательности. А есть ли между ними связь — судите сами. Так сказать, лично.

* * *

— А эт я к вам, Тетътоя,— сказал Митя.

— Вижу, что ты,— отозвалась она, не отрывая глаз от рассады, в которой прорывала каждый нечетный листок, начиная с нижнего. У Бабтоны было хорошее настроение: сегодня на рассвете приходила к ней соседка с четвертого этажа, Савельевна, просила мигреневых капель или пенталгина. «На кой оно тебе?» — участливо впилась в нее Тетътоя. «О-о-о-х-х-х...», — ответила измученная женщина и, присев на стул, поведала о своей жизни, начиная с родословной на политико-экономическом фоне. Волнующее повествование оканчивалось трагедией — вчера вечером Кузьма Кузьмич, муж Савельевны, возвратился со службы на полчаса позже обычного. «Такого с ним еще никогда не было,— закручинилась несчастная жена,— боюсь я, Тетътоя, ох как боюсь за перспективу нашего союза. Он ведь, Кузьма Кузьмич, такой еще молодой, и все может быть, поверьте моему опыту!.. Знаете, в его пятьдесят девять еще ого-го какие случаются проникновения чувств...» — «Слышатся,— согласилась Бабтоя.— Ты вот что, соседка, ты прибегни к другому лекарству. К радикальному. Ты набери в пульверизатор спирта...» — «Ну!» — удивилась та.— «Да, заправь пульверизатор спиртом. Нашатырным. Поняла? И чуть что — опрыскивай. Чуть задержался или там что другое — опрыскивай долгоносика своего. Запомнила?» Савельевна поднялась со стула: «Спа-

сибо, конечно. Только не преувеличивайте его внешность: нос у Кузи аккуратный». — «Да я про другое... Я тебе про вредительство на семейном поле...»

Соседка успокоилась и, вернувшись домой, не замедлила прыснуть спящему Кузьме Кузьмичу прямо в усы. Оскорбленный муж, не задумываясь, отправил в канализационную систему позолоченные часы с надписью «Послужной Вере Савельевне от благодарных сослуживцев». Для гарантии он три раза слил воду и, ни слова не говоря, вернулся под одеяло. Вера Савельевна тихо заплакала. Послужной подумал, какого черта он остался вчера навести порядок на рабочем месте и опоздал в квартиру к жене Вере Савельевне.

Вера Савельевна работала приемщицей в ателье по ремонту обуви; сослуживцев у нее было трое — два сапожника и один заведующий. Они были благодарны ей за высокую технику заполнения квитанций.

Именные часы вступили в круговорот вещества в природе.

Квартира Послужных находилась аккурат над Бабтониной.

В сумраке хилого рассвета Теттьтоя взобралась на высокий табурет. Прислушиваясь к потолку, она добрела лицом. А заодно вытирала тряпкой запылившуюся пластмассовую люстру.

Наверху скрипнула по паркету какая-то мебель, опрокинулось что-то металлическое, раздалось страдание женской души: «Долгоносик лысый! Пропадай без меня! На твоем месте лучший отыщется!»

Потом в течение часа на четвертом этаже слышалась беготня то босых, то обутых ног. Слышались выстрелы полированной и вскрики мягкой мебели, а когда все наконец стихло, Теттьтоя слезла с табу-

ретки и, улыбаясь, отерла с лица пот сопереживания.

Вечером супруги Послужные ходили под руку по двору и настойчиво объясняли всем знакомым, что собирались в кино, на индийский фильм.

То было вечером. Возвратимся к событиям дневным.

Бабтоя подняла глаза от рассады и вздохнула:

— Ну, рассказывай.

— Я смотрю, вы нынче в хорошем расположении духа. Небось, кто-то лишний пар выпустил?

— Выпустил, выпустил,— серьезно улыбнулась Бабтоя,— как тут не выпустишь.

— Боюсь, что и я скоро выпущу,— со зловещей обреченностью пробормотал Митя.— Короче, я к вам за помощью, за советом...

— За советом лучше тебе к Ягидке...

— Здесь он не советчик.

— Излагай!

Помолчав, Митя потер ладонями лицо:

— В общем, спасайте, Теттоня. Спа-сай-те... — и вновь умолк.

— Ну? В чем дело? Как тебя спасать?.. Под кровать спрятать?

— Да ладно шутить... Тут полнейшая неизвестность предстоящего, а вам — шутки.

— Влюбился! — умиленно хлопнула она в ладони.— А мне что ж это... подожди, подожди... что ж мне-то, спасать от чего тебя? От здоровой семьи?

Митя дернулся, но Бабтоя махнула на него рукой.

— Ладно, все-то я знаю-понимаю. Вот только ревлюсь сегодня подозрительно много (не к слезам ли?) — Теттоня посмотрела на Митя спокойно.— А ты думаешь, можно от невзаимности спасти?

— Вот! — ужасно обрадовался Митя, аж затрясся.— Об этом я к вам и пришел. Потому что взаимности никакой. Сплошная невзаимность!

— Не паникуй, расскажи мне, кто она?

— Ясное дело, Анна наша...

— Дочка часовщика Якова?

— Дело не в Якове, Тетътоня... Дело, Тетътоня, в том, что дайте мне по блату моему у вас тринтравы.

— Т-ты что! Что задумал, глупый парень? На что тебе тринтрава?

Тринтрава у Бабтони была. Произрастала в центральном ящике зناхарского балкона.

И это было единственным противоречием в цельной натуре женщины. Поклонница совсем иного рода терапии, о коей уже шла речь, Тетътоня много времени и усилий отдавала своему знатному балкону, травам и ягодам, грибам и кустам, растущим на нем.

В чем же дело, спросите вы? «А в традиции,— ответила бы сама народная врачевательница,— в знаниях, полученных по наследству от матери, в знаниях, жаждущих перейти к дочери Миле, укатившей в снежную даль».

Описание Тетътониного балкона стоит немалых трудов и терпения. Автор же робко предлагает следующий, далеко не полный перечень:

зубоврачебный горшок — 3 шт.;

язвенная кадушка — 2 шт.;

мигреневый ящик — 2 шт.;

жаропоникающая бадья — 1 шт.;

нечихающая коробочка — 5 шт.;

шершни против задумчивости — 2 гнезда;

разное (включая сторожевого коршуна) — 4 пуда, 7 фунтов.

— Ты ж смотри,— сурово напутствовала Тетьтоя,— употреби по назначению! А как очухаешься — покажись мне. Посмотрю, послушаю тебя. Постучу, где надо. Между ребер.

— Дело в том, Бабтоня,— замялся молодой человек,— что дайте мне и антитрына, пожалуйста.

— Здрасьте!..

— Да нет, вы не поняли. Не для отступления.

— Совсем, стервец, заморчил. Сейчас собьюсь и четные стану прорывать.

— Те-тьтоя, поймите, хочется испробовать последний шанс...

— Подсыпать ей в кофе для получения взаимности?.. — Тетьтоя рубанула воздух ладонью.— Не одобряю!

Митя опечалился.

Но его внезапно осенило:

— А что, если так? Послушайте.— Он заволновался.— Вы мне даете два одинаковых пакетика. И я не знаю, в каком анти-, а в каком просто. Из одного подсыпаю ей. Из другого — себе. В итоге что?

— В итоге — либо она тебя полюбит, а ты маленько поуспокоишься. Либо — ей совсем на тебя тошно станет смотреть, а ты дойдешь до крайних рубежей чувства...

— Верно! Либо — либо.

— А мне что за интерес?

— А вам, Тетьтоя, если она полюбит,— недалеко до развития всяких событий. Кстати, и при другом «либо» — тоже ничего не теряете. Правильно?.. Что скажете?

— Сказала бы ему,— отвернулась Бабтоня. К этому моменту созрела у нее одна мыслишка.— Ты вот что, ты... выди пока. В прихожую. Стань лицом к плакату, чтоб не подглядывать.

— Меня здесь нет! — кинулся в прихожую Митя. И затах там. Наказ был исполнен в точности. Парень стоял лицом к самодельному плакату, висевшему над входной дверью и гласившему:

СВЕТ, КОНЕЧНО, ПОВЫКЛЮЧАЛА. А ГАЗ? А?..

ДЕНЬГИ, КОНЕЧНО, ПРИ СЕБЕ. А КЛЮЧИ? А?..

Дожидаясь приглашения, Митя водил пальцем по ромашкам на обоях и думал: «Кофе мы, конечно, попьем. А что потом? А?..»

Тем временем Бабтоня воплощала мыслишку.

Она достала второй пакетик и... просто отсыпала в него — из первого... Таким образом, в двух пакетиках был один и тот же экстракт трин-травы... Ох, и вредная была старушка.

— Заходи, Митя!.. В общем, на тебе. Расковыри-
вай чувства.

Раздался звонок.

— Сорок девятая квартира? — строго спросил мужчина, хоть на двери ясно было намалевано: «49».

— Вам кого? — спросила девушка.

Мужчина не ответил. Просто вошел в переднюю, но не стал задерживаться, а, бормоча: «Посмотрим, посмотрим... симпатично» — обошел квартиру.

Хозяйка в недоумении следовала за ним и, когда он уселся в кресле и забаранил пальцами по журнальному столику, снова спросила:

— Вам кого?..

Мужчина обворожительно улыбнулся, скользнул рукой по прическе:

— На воду, на газ, на электроэнергию жалоб не имеете?

— Не-ет...

— На паровое отопление?

— Вы — представитель правления?

— Еще хуже,— снисходительно улыбнулся он.— Председатель.

Девушка попросила его подождать и через две минуты вынесла из кухни кофейничек и дребезжащую чашку на блюдце.

— Сахар я уже бросила.

Девушка была простой, как песня «Белый танец».

— Догадываюсь, что мой предшественник приучил вас... — он кивнул на чашечку.— А вообще, вам идет роль молодой хозяйки!

Смушенная улыбка.

— И кофе на уровне.

Смушенная улыбка.

— И сахара не пожалели...

Еще более смущенная улыбка.

— Ну, о чем будем толковать?

— Не знаю... Может, о сантехнике?..

— Какая вы странная.— Он поставил чашечку.—

Думаете, председатели только и делают, что о всяком быте толкуют.

Еще, еще более смущенная улыбка...

— Вы думаете, человек такого положения, как я, не может просто войти в квартиру к любому из вас и быть с любым... — он пощелкал пальцами,— ну, не по-канцелярски, что ли...

Девушка почувствовала легкое головокружение. В тайниках сознания (куда она давно взломала дверь) мелькнул призрак большого человеческого счастья, и... ей стало стыдно за себя. Заныло под ложечкой, сердце сладко застучало о грудную клетку: не этого ли человека она... уже давно... ждала?

Почему бы и нет...

Вот он сидит в кресле — рука с чашечкой тверда, лоб высок, туфли что надо,— он сидит и с теплотой в голосе говорит наркотизирующие вещи:

— Начальство любит расслабиться. Начальство тоже устает. Начальству нравится кофе. С коньяком. Начальство хочет проводить досуг в приятном человеческом обществе. Начальству нравится глубина ваших глаз. Только ветер гудит в проводах. Раковину поставим японскую. Вольтаж поднимем с 220 до 260. Амперы там всякие умножим. Потому что начальство за индивидуальный подход. Скажите, вы верите в начальство?

Девушка прикрывает дрожащие ресницы и шепчет:

— Кажется, верю!.. Я верю...

За окном стихает гул автотранспорта, замирают прохожие и ворковавшие голуби немеют в столбняке... Часы начинают сбить, тики и таки путаются и звучат то медленнее, то быстрей. Кофе становится темней и сладче...

Туман сигареты делает атмосферу комнаты дремотной, мечтательно-легкой...

И вдруг — бац в пепельницу сигарета! Вольдемар вскакивает с кресла и идет в переднюю, кланяется, отступает к порогу. Он убегает.

— До вечера.

— А папа в отпуске,— испуганно говорит Анна.— Папа в Евпаторию уехал...

— Это не страшно...

Автор, по прозвищу Беллетрист, отрывается от машинки, черно-угольной, испепеленной пафосом сочинений высокого накала, и глядит с четвертого этажа во двор, с высоты голубиного полета... Он видит супружеских Послужных, Митю, Человека имени Саши, Человека не от мира сего и Кузена.

Беллетрист машет рукой Человеку не от мира сего, но тот не отвечает. Человек не от мира сего сидит в песочнике и пытается слепить из песка воз-

душный замок. Он погружается в себя, глубже и глубже, тщась перенести некую внутреннюю модель мироздания во внешнее пространство. Ладони вычерчивают причудливую геометрию.

Но песок для этой архитектуры — слишком земной материал.

Митя здоровается за руку с трудящимся Ягидко, изучающим газету, и устремляется в парикмахерскую.

Супруги Послужные фланируют по асфальтовым дорожкам, вышептывая символ любви и слез.

— Радж Капур, Радж Капур, Радж Капур... — пульверизируют они.

Пахнет обеденным вторым, разогреваемым для ужина.

Сумочка ловкого покроя у Вольдемара. Сумочка — потрогать хочется. Импортная.

В сумочке бутылочка.

Шампанского сухого.

Вольдемар возвращается из продмага. В песочнике — сельскохозяйственный знакомый. Загадка помоши города деревне. «Время разрушать и время строить...» — успокаивает себя Человек не от мира сего. «Время любить и время ненавидеть...» — в унисон долдонят Послужные. «Время молчать и время говорить...» — ласково обозревает двор Беллетрист. «Время плакать и время смеяться...» — вздрагивает Ягидко. «Время насаждать и время вырывать на-саженное...» — шушукается сама с собой Бабтоня.

«Который час? — взглядывает на «котлы» Вольдемар.— Без двадцати семь».

— Слыши,— обращается он к Человеку не от мира сего.— Слыши, друг! Окажи услугу. Подойди во-он туда, к гаражам, и скажи, пусть придет... Проси пожаловать ко мне — нет, не ко мне, а к ней — **сегодня**.

— Статую в гости звать! Зачем?

— Уж, верно, не для того, чтоб с нею говорить.
Проси статую нынче к Анне прийти попозже вечером и стать у двери на часах.

— Охота вам шутить, и с кем!

— Ступай же *.

Человек не от мира сего бредет через двор. Несколько голубей доверчиво садятся ему на плечи. Он останавливается перед памятником... Кузен нервничает, нашаривает в пачке сигарету — и забывает о ней. Потому что голуби в страхе бросаются с плечей парня: статуя... кивает.

Человек не от мира сего так и остается перед памятником. Стоит неподвижно, как соляной столб.

Не замечая его, мимо проходит аккуратно подстриженный Митя. Не «Шипром» ли забрызганы его глаза?

Около восьми Вольдемар звонит протяжно-настойчиво, как сама судьба.

Девушка, нежная, как часовой механизм, отходит от зеркала и отворяет дверь.

Кузен молчалив и строг. Анна принимает букет пугающие алых цветов.

Так же молча Вольдемар водружаet на столик шампанское в папиронской бумаге. «Вот он, самый воздушный замок в мире,— мог бы сказать Вольдемар.— Ни одна постройка из песка не сравнится с ним».

«Не сравнится»,— могла бы с готовностью подтвердить Аннушка.

Но оба молчали. Кузен это делал для вящего эффекта, для атмосферы смущения, для вибрации в руках девушки. Своей адской душой, заключенной

---

* Выделенное — из классики.

в ледяную скорлупу, он рассудил, что сейчас выгоднее безмолвствовать. Слова пригодятся позже. Белетрист не такой уж дурак, смекал Вольдемар, время молчать и время говорить... Ну а девушка онемела по молодости разума своего.

Переждав какое-то время, Кузен ловко откупорил темно-зеленый замок мечты. К тому времени на столике появились два хрустальных стаканчика — в них полилась шумящая пена.

Опорожняв свой стакан, Вольдемар взмахом бровей пригласил и девушку допить до дна. Анна подчинилась, покраснела и поставила на проигрыватель пластинку.

Тишину разогнала музыка (что-то из местной эстрады)...

Кузен поднялся. Девушка по этому поводу напряглась. И напрасно. Потому что ни танцевать, ни к разговору, ни к любым другим действиям приглашена не была. Кузен с извиняюще-снисходительной улыбкой выдернул из штепселя вилку проигрывателя. И сел снова в свое кресло.

Сидели молча. Сидели и сидели.

Внезапно:

— Позвольте представиться,— словно из радиоточки, сказал Вольдемар: так по-дикторски безупречно это прозвучало.— Вольдемар!

— Очень... приятно... Аня...

— Нет, правда? — восхитился Кузен и снял кримпленовый пиджак.— Очень приятно.

Кузен снял пиджак сидя и положил его себе на колени.

Это добавило смущения.

Девушка не решилась предложить повесить пиджак на вешалку.

— Ну что ж, Анна... — с задумчивой многозначительностью пробормотал Вольдемар.

Девушка вновь напряглась — и вновь напрасно. Кузеновская фраза намеренно не была закончена.

Кузен почувствовал, что смущение переходит в давящую неловкость. Это было отличным симптомом. Можно было развивать события.

— Вы чувствуете? — томно произнес Вольдемар. — Правда, мы как бы стали ближе?.. Руководству приятна близость. Вот вы сегодня такая... нарядная, ваши золотистые волосы, высокая шея, ваша стройность... Скажите, вы догадываетесь, что от глаз руководства ничего не ускользнет, ни один миллиметр не останется без должной оценки?

Эти слова заставили Анну прошептать:

— Может... может, послушаем музыку!..

— Пожалуй. Руководство, как правило, носит музыку с собой. Повсюду и всегда. Вот и нынче я захватил одну редкую в наших ширстах запись.

(Теперь можно бросить пиджак на спинку кресла).

— Аннушка, в высоких сферах есть мнение, что эта запись является неповторимый балдеж. Забой, одним словом, и кайф.

Кузен установил «диск-гигант» взамен эластичной голубенькой пластиночки. И — началось... Сирены электрогитар выгнали тишину за пределы сорок девятой квартиры, на лоно природы, коим был балкон Бабтони,— под крыло сторожевого коршуна.

«Сейчас произойдет танец. Сейчас свершится хореографическое выяснение его отношения ко мне».

«Хороша. Голова в прическе. Шея в кулоне. Уши не в золоте, но в локонах. Золотых. Фирмá!»

Нет, вряд ли они все это думали. По крайней мере, сознанием — нет. Одним лишь подсознанием. Ибо музыка, извлеченная из Вольдемаровой сумоч-

ки, отключала всякое мало-мальски развитое со-
знание.

Ноги Кузена топали по ковру. Руки взлетали
к потолку. Голова двигалась крест-накрест... Анна
полетела в гущу музыки, заскользила между глыбами
звучка.

Вот Вольдемар прикоснулся к ней пальцем. Вот
она сама невзначай коснулась его руки. Вот встре-
тились их глаза.

Вот их глаза расстались. А встретились руки.

Вот расстались руки. А встретились спины.

Вот расстались спины. А встретились подсозна-
ния.

— Ну как? — осведомилось подсознание Кузена.

— Руководству виднее,— уклонилось от прямого
ответа подсознание Анны.

— Я считаю, все блестяще! — пропело подсозна-
ние Вольдемара.— Между прочим, нет ли отдельных
жалоб на свет, на воду, на газ, на аранжировку, на
тембр, на уровень звука и лично на бас-гитариста,
на трубача, на сантехника, на монтажников-высот-
ников, на микшериста, на худрука, на импресарио,
на девочек-гей-о-гей, на трои фистульных теноров,
на инженеров звукозаписи, на ветер в проводах, на
щели в оконных рамках и междублочном простран-
стве?

— Нет, ах, нет. Нет, нет...

— Так в чем же дело? Чего не хватает Анне для
полного счастья?

— Вы знаете, все очень нормально. Для танца.
И для прихода полного счастья.

— Нет-нет, дорогая,— напирало подсознание
Вольдемара,— что-то вас сдерживает. Не так ли?

— Не знаю, может быть,— опускало ресницы под-
сознание девушки.— Я все чего-то, понимаете, жду...
Все зову что-то, не дозвовусь...

— Не возражаю. Можно даже сказать — одобряю,— наложило резолюцию подсознание Кузена. И призывающе воскликнуло: — За мной, в сознание!

«Автостоп» подбросил иглу вверх: одна сторона пластинки была сыграна.

В возвратившейся тишине струился корявый, отрезвляющий звук...

Анна и Кузен переглянулись: жужжал дверной звонок.

— Открою,— сказала девушка.— Должно быть, телеграмма от папы.

За дверью стоял... Ну кто мог стоять в такую минуту за дверью?.. В такую минуту ловкая на выдумки судьба не стала принимать облик разносчика телеграмм. Она явилась во плоти несчастного влюбленного.

Несчастный влюбленный переступил с ноги на ногу и робко сказал:

— Я уже так давно звоню... Музыка... Никто не слышит... У вас тут, наверное, свадьба?

— У нас не свадьба,— ответила Анна.— А вам кого?

Митя обрадовался:

— Если не свадьба, то... я зайду?

Девушка пожала плечами. Ее уже понемногу привыкли, что можно заходить, не дожидаясь приглашения.

— А мы тут, собственно, танцуем,— сообщил вошедшему хмурый Кузен.— Не помешаете?

— Ну, что вы! — уверил Митя, в которого понемногу начинал вселяться тот самый бес, который минутой позже помешает осмотревшемуся парню подумать: «Идиот! Зачем ты сюда приперся... Здесь полный порядок. Здесь аккуратно, справедливо и, если включить побольше лампочек, то будет

к тому же светло. Что ты сидишь, как дурак. Встань и уйди».

В окне догорал закат. Аня зажгла люстру.

Бес бойцовской одержимости не испугался люстры.

Кузен врубил музыку.

Митя скромно сидел на диване.

Анна и Кузен продолжили вариации на тему биомеханики.

...Вольдемаровское подсознание не сразу докричалось до подсознания Анны.

— Давайте перейдем на «ты»!

— Давайте,— ответило подсознание девушки,— давай...

— Что это за фуфло пришло? А?! — прокричало подсознание Вольдемара.— А?.. Не слышу!

Анна отключила биологическую радиосвязь.

Впрочем, не отключила, а перешла в другой частотный диапазон и попыталась связаться с Митеем... Сперва это не получалось — то и дело слышались позывные радиостанции «Промінь» и малопонятные разговоры служб Аэрофлота.

Наконец танцующая Анна услышала: «...и только вас. И не случайно этот танец — вальс...»

— Это вы?

— Да,— смущилось подсознание влюбленного Мити,— это я...

— Вам нравится то, что вы сейчас напевали? — удивилось подсознание девушки.

— Эта замечательная песня поддерживает меня. Без нее мне было бы тяжело, как художественной литературе без Александра Сергеевича.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Дмитрием... Митей.

— А меня... — начала девушка, но голос ее утонул в информационном сообщении: «...поселка молодо-

женов! Бригада обязалась сдать объект на пять дней раньше срока. Десятки молодых семей примут участие... (шум, неразборчиво)... чтобы, как говорится, стены ласкали глаз... Тугоплавким металлом — бой! С такой инициативой выступили собравшиеся за круглым столом, и вообще, Дмитрий, уходили бы вы на посадку. Киев принимает, Алма-Ата принимает, Кустанай принимает, Ужгород закрыт до двадцати трех, даю вторую дорожку, высота шесть, глубина азимута восемь, заходи справа, размах крыльев двадцать пять, не забудь выпустить шасси, кончай курить: хуже будет!»

— А вы, Вольдемар, могли бы не вмешиваться.— Анна догадалась, откуда исходит эта псевдоинформация. В голосе ее подсознания появились нотки недружелюбия.— Выключайте свою музыку.

Кузен остановил пластинку, и все трое вынырнули из подсознания.

Светили красивые звезды. Во дворе было немного жутковато, но зато приятно по причине красивых звезд. Тетя Тоня любовалась почти неразличимым облачком, спящим в тихой вышине, и скармливала коршуну ненавистную для него вегетарианскую пищу. «Что-то подозрительно долго Митя у ней,— возвращалась женщина на землю.— Видать, до кофе пока не дошло...»

Человек не от мира сего все так же в упор глядел на нерукотворный памятник.

Статуя шевельнулась.

— Слыши,— сказала она.— Который там час?

— В эфире «Кинопанорама»,— ответил парень,— так что, думаю, за десять...

Статуя ерзнула головой:

— Ишь ты, «Кинопанорама»... Подождем...

Оба задумчиво смолкли.

Сидели в неловком молчании. Анна придумывала «тематическую» фразу — чтобы как-нибудь сдвинуть с мертвоточки события. Кузеновское подсознание методично плевало в Митиного беса.

Бес на лету сжигал эти плевки. Дыханием. Кузен решил, что надолго слюны не хватит, и сказал:

— Сейчас бы в самый раз кофе.

— В самый, — чревовещнул Митин бес.

Анна удалилась в кухню.

— Слушай, а по какому ты вопросу? — развалился в кресле Вольдемар.

— По личному.

Кузен разглядывал соперника с деловитым презрением.

— Под венгерку? — попытался смутить паренька. — С «Шипром»?

Митя только открыл рот для какой-нибудь ответной дерзости, как из кухни поступил телепатический импульс:

— Вольдемар! Я жду тебя.

Вольдемар поспешил на зов.

Митя полез в карманы и пощупал пакеты — на месте.

В кухне шел разговор о преимуществах натурального кофе. Митя слышал, как Вольдемар внушал:

— ..проверь, что мы даже в самолетах отказываемся от растворимого. Интересно, этот сомнительный субъект еще долго будет здесь иметь место? По-моему, между нами что-то должно произойти, а он на каких-то непонятных правах сидит. И зловредно смотрит. Поистине каменный гость! Что за хамство, в конце концов!

— Митя, сиди! — подсознательно приказывала Анна.

Но Кузен запустил электрокофемолку — и Мите резануло подсознательный слух.

— До новых встреч в эфире, дорогие друзья! — прозвучал голос ведущего «Кинопанорамы». Тёплые слова прощания вырвались из десятков телевизоров и потому хорошо были слышны во дворе. Обладающая даром всевидения, если не всеведения, Теттоня напомнила с балкона:

— Эй, как там вас... покойный Дон Альвар! Минут через пятнадцать снимайтесь с постамента. Полночь близится... господи прости...

Послышалась отрыжка сторожевого коршуна. Не нравилась ему растительная пища, ух, как не нравилась. Потому посторонним не рекомендовалось приближаться к птице.

Бабтоня ушла в комнату, а стервятник полетал немножко вокруг балкона — сколько хватало цепи, которой он был прикован. Потом сел на бельевую веревку и, покачиваясь на ней, затих.

Теттоня выключила телевизор, направляя свой всепроникающий взор в сорок девятую квартиру...

Митя сидел по-прежнему один и находился в некоторой растерянности: как быть с кофе? Кому чего сыпать? Внезапно он услыхал внутренний голос:

— Все еще варят?

— Варят, — ответил Митя голосу. — Это вы, что ль, Теттоня?

— Я.

— Не знаю, как быть, — пожаловался молодой человек. — Жизнь внесла корректиды. Нас тут не двое...

— Да знаю, знаю, что трое... Ты, вот что я тебе скажу. Ты плюнь на это самое кофе.

— Ну и?..

— И засыпь оба пакета в бокал. В один бокал шампанского.

— А как же воздействие? Ведь получится взаимная нейтрализация: трин — плюс антитрин...

— Не давала я тебе никакого анти. Еще чего не хватало.

— Ну, Тетътоя...

— Короче, ты засыпь, а там посмотрим.

После этих слов Бабтоя отключилась.

— А знаете ли вы, кто изобрел шампанское? — спросил Митя, когда Вольдемар и Анна внесли кофе.

— Шекспир, — ответил Кузен, рассчитывая рассмешить девушку.

Девушка даже не улыбнулась, а Митя, похаживая по комнате, объяснял с вдохновенным чувством превосходства:

— Монахи французские изобрели. В подвалах провинции Шампань.

— Не учи ученого, — злобно парировал Вольдемар. — Просвети, кто изобрел «Шипр»!

Пропуская мимо ушей кузеновские издевки, Митя прогуливался по гостиной:

— ...Это уже после появились дегоржеры, ремюры...

— Как интересно! — веселела лицом Анна, нежная, как часовой механизм. — Давайте перед кофе еще немножко выпьем. Молодец, Митя, налил.

Митя наполнил стоящие на столике стаканы (а их, если помните, было два), когда был в комнате сам. В кузеновский стакан он и сыпнул экстракта равнодушия.

Анна хотела вынуть из серванта и для Мити стакан, однако не сделала этого, заметив, как Вольдемар взял тот стакан, из которого пила она. Анна взяла кузеновскую посудку и присела на диван.

— Митя, не считите за труд поставить пластинку.

Митя поставил. Это был «Белый танец». Вольдемар отвернулся к окну.

— Митя, садитесь сюда, — сказала Анна.

Митя сел, рассказывая о сортах винограда, применяемых в шампанском производстве.

— Пино-фран, пино-гри, пино-шардоне, пино-блан, трамминер...

— Митя, а мы с вами — из одного стакана...

Резкий поворот головы Кузена (из одного стакана... а мы с вами — из одного стакана...).

Девушка отпила глоток, Митя отпил глоток, девушка отпила глоток, Митя, она, он, она, он... А ведь это был стакан с разбавленным порошком тринтравы! Митя решил: будь, что будет. Уж очень ему понравилось пить с нею из одного стакана — никогда ничего подобного он не испытывал. И не подозревал, как это чертовски приятно.

Кузен, знающий, как это приятно, задрожал:

— Анна, что это значит? Ведь у тебя же полный сервант... и кухонная полка с посудой... Анна, начальство не признает вокруг себя двусмысленных отношений. Не терпит, когда вблизи серванта пьют обоюдно. Начальство...

— Слушай,— оторвался Митя от стакана,— слушай, где здесь начальство? Покажи начальство.

— Вы! — презрительно осклабился Вольдемар,— Вы, рядовой жилец! Перестаньте на своих негонятных правах валять дурака. Делайте то, за чем пришли,— и...

Кузен не договорил: «Хиляйте отсюда», потому что Митя мгновенно подчинился:

— Слушаюсь! Будем прощаться! — и поцеловал девушку по-молодежному затяжным поцелуем. Поцелуем, зовущим на край света.

Кузен решил, что в этой своего рода дуэли он сейчас произведет поцелуй, зовущий на край вселенной. И посмотрел на «котлы», чтобы засечь время.

Стрелки показывали: без трех полночь...

«Эге,— обомлев Вольдемар,— пора сматываться».

Прихватив пластинку, сумку, пиджак и бутылку недопитого шампанского, он выскочил вон из квартирьи.

Внизу уже слышались тяжелые, гранитные шаги... Председатель бросился вверх по лестнице и пурей вылетел через люк на крышу.

Он подошел к самому краю плоской крыши современного блочно-панельного дома... И — спокойно, читатель,— и просто посмотрел вниз, в глубину слабо освещенного двора,— туда, в сторону гаражей, где нерукотворное подножие с тропой и все остальное.

Странная вещь, постамент не был, как ожидалось, пустым. Кузен пригляделся и выругался:

— Чтоб тебя!.. Хиппи проклятый! Ну ничего, заслушаем разом с Митькой. И единогласно выселим!

На постаменте стоял, глядя поверх дома номер четыре в неземные царства, Человек не от мира сего. Стоял, возможно, чтобы свято место не простоявало.

— Не-е-ет, рано, рано тебе еще! — зло усмехнулся председатель жилкооператива.— Заслушаем, как пить дать, заслушаем... Ра-а-ано...

Скульптурное изображение покойного Дона Альвара поднималось по лестнице. Рыцарские латы, даром что из камня, грозно позвякивали. Взойдя на площадку третьего этажа, рыцарь увидел отворенную дверь. На пороге стояла немолодая женщина со сверлящими глазами.

— А сорок девятая еще высоко? — спросил командор.

— Высоко,— отвечала Бабтоня,— в броне-то и не дойдете, господи прости.

— Санта Мария,— вздохнул каменный покойник,— и что было лифт предусмотреть...

— В лифт вы все равно не вхожи: до пятисот килограмм допускается.

Дон Альвар собрался двинуться дальше, но Тетя-тона остановила его:

— На что вам в сорок девятую! Чего трудиться-то зря по лестнице в ваши годы? Кому надо было, тот уже провалился.

— Опоздал я, выходит?

— Да вы не расстраивайтесь, ваше благородие,— участливо обратилась Бабтоня,— вы лучше зашли бы ко мне, господи прости, чаю попили б.

— Китайского напитка?

— Зачем китайского? Грузинского, грузинского...
Заходите.

Не прошло и десяти минут, как Аня и Митя прервали поцелуй.

— А где же Вольдемар? — спросила она.

— Нет больше Вольдемара. Нет, и все.— Мите захотелось поставить пластинку-трофей, но Кузен не делал подарков людям, пьющим из одного стакана в непосредственной близости от полного серванта. «Белый танец» довертелся. Но девушка не дала умереть песне, продолжила ее личным голосом, чем выразила, во-первых, удовлетворение по поводу скоропостижного бегства Кузена. А во-вторых, готовность петь для Мити всю остальную сознательную (и подсознательную) жизнь.

Митя смотрел в окно. На стекле почти растаяло пятно от дыхания Вольдемара. Оноказалось легким облачком, спящим в нежной звездной пыли. Но скоро и облачка не стало.

— Звезды, Аня, смотри... Таких еще никогда не было.

— Ни у кого...

— Пойдем! — И молодые люди, легкие, как их собственная совесть, выскользнули в ночной двор...

Они гуляли до рассвета.

И после рассвета тоже. Потому что трин-трава не произвела на них никакого впечатления.

— Гуляют,— недоуменно кивала на окно Тетьтоя.— Как после тринэкстракта гулять можно — в толк не возьму.

— Пойду, пожалуй,— говорил дон Альвар, берясь за каменный шлем.— Чепуха это все, не бывает никакой трин-травы.

— Вы, ваше благородие, человек обманутый. Потому и недоверчивый ко всему. Чтоб я провалилась!

— Не говорите так,— уныло отвечал командор, которому в этом доме делать было нечего.

Что же до Кузена, то после фиаско, произшедшего с ним в квартире № 49, он был переизбран. Единогласно.

А Человек не от мира сего вновь превратился в лихого парня. Кузен был прав: рано, рано таким, как этот, на пьедесталы.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ ЛОГИКИ

Маленькая драма больших идей

— Наука и техника! Наука и техника!..

— Чего радуешься, дурачок? Вон техника вырыла для науки яму.

Во дворе дома № 4 доказали, что земля — плоская.
(А главное — кто доказал!)

Произошел как-то мужской разговор на научную, женщинам не интересную тему.

— А Земля-то,— взбросил брови трудающийся Ягидко,— круглая. И — вертится!

— Да что вы говорите!? Очень любопытно про такое слышать,— ответил шутливо настроенный Кузьма Кузьмич Послужной.— Вот эта вот, значит, наша земля? Территорийка наша?

— Она самая,— удостоверил Человек имени Саши.— Имеет форму груши. Ну, не бэры и не дюшес, а такой, знаете, мичуринской, скрещенной с яблоком, или, ще наглядней скажу, груши-дички! Постигаете?

— У-ужас! — сполз с лавки перед подъездом Кузьма Кузьмич.

Пыхтя, Ягидко усадил его на место, очень довольный произведенным эффектом.

— И как же она: как гайка или как контргайка? Вращается слева направо или справа налево?

— А смотря, с какого полюса определять,— поставил еще одну точку еще над одним «i» Человек имени Саши. Этих самых точек у него была прорва. Вот еще одна.— Полюса — суть самые активные противоположности.

— Например, ваша квартира и частные гаражи?

— ...Совершенно верно.

— Значит,— стал как будто приходить в себя Послужной,— значит, выходит, что с позиции вашей квартиры территория двора вращается, допустим, слева направо. А с точки зрения гаражей — справа налево?

— Постойте, постойте,— опомнился пропагандист географической науки.— Разве я говорил, что территория нашего двора вертится?

— А то нет!.. Что ж вы — на попятную?

— Я не на попятную, зачем вы меня впутываете в противоречия! Может, скажете еще, я утверждал, что территория двора круглая?!

— Утверждали,— давился азартным внутренним смехом Кузьма Кузьмич.— Выставляли ее наглядной грушей!

— Позвольте, позвольте,— испуганно суетился трудящийся Ягидко.— Ведь это же очевидно: плоская она, плоская!.. Вы еще припишите мне тезис о трех китах. Стоит, дескать, на трех морских мlekопитающих, да к тому же инкриминируйте ихтиологическую близорукость: Ягидко, мол, пропагандирует, что кит — рыба!..

«Кино и немцы»,— повторял про себя Послужной, а вслух глубокомысленно предложил:

— Знаете, уж если объективно выходит, что двор дома № 4 плоский, то давайте... выроем яму.

— Кому?

— Да себе же или кому там впоследствии понадобится. Короче говоря, такой колодец. Чтобы посмотреть на китов...

Человек имени Саши долго таращил на собеседника глаза, а потом вдруг исподтишка решил: выроем! Для чего? А чтобы защитить реальность, доказав географическую истину на этот раз «от обратного». Китов-то, понятно, не обнаружится. Вот и потянемся ниточка логики назад.

...Яму вырыли! Сперва рылось плохо: кирка и лопата никак не могли пробиться сквозь инвентарь предшествующих культур. Привлекли Брезентова, не пожалев зарплатных денег на науку, и дело продвинулось быстро.

Экскаватор (Брезентов овладел к тому времени смежной специальностью) в конце концов сделал все, что мог.

Добавили по три рубля — и машина углубила яму еще на пару метров.

— Ну как? — крикнул спустившийся на дно Ягидко.— Теперь вы верите, что никако-о-о-о!..

Незаконченная фраза свидетельствовала о том, что дно ямы, по которому разгуливал Человек имени Саши, провалилось...

Все могло кончиться печально, если бы его не выбросила на дворовую поверхность струя воды — та самая, которую фонтаном выпустил один из трех китов. «Страшный вы человек», — сказал Ягидко в следующую свою встречу с Кузьмой Кузьмичом.

МИТЬКА-ПОЗДРАВИТЕЛЬ

— Обмен подарками чем-то похож на обмен мнениями, — сообразил однажды Кузьма Послужной.

— В таком случае, не лучше ли, если каждый будет делать подарки сам себе? — в свою очередь смекнула жена Вера Савельевна. — Все равно ведь остаешься, как говорится, при своих.

С утра по небу шли снеговые тучи, а Митя сидел в своей 140-й квартире и, хмурясь, придумывал веселые розыгрыши для знакомых.

«Новый год, Новый год... С Новым годом, с Новым годом!..» — исступленно мурлыкал Митя и ни черта не мог придумать.

И вот небеса разрешились осадками. Повалил бешеный снег. Отчаянно бился в нем Брезентов, мобилизованный на расчистку транспортных артерий. И сотни брезентовских коллег тоже краснощеко боролись против стихии — и тонули в снегу, и конца благополучного не видели, и термос за термосом опорожняли. Ругани было столько же, сколько детям лыжно-саночного веселья. И вальс летучий рвался из телевизоров, и снежки летели, норовя за

шивороты и в фонари. И перегревались дизели, и почтальоны проклинали обычай обмениваться открытками, и в окнах стояли лица, завороженные снежным безумием.

Было тридцать первое декабря, и валил такой снег, что не представлялось возможным различить у памятника ни лица, ни фигуры. Была настоящая зима, из тех зим, что редко теперь повторяются... И летел, и летел снег — такой летел, что Бабтоня бросила свои морально-бытовые и хояйственные заботы, прилегла на кровать — с никелированными шарами-набалдашниками — и принялась мечтательно вспоминать, и грустить, и смущаться чего-то далекого, полуфантастического и невозможного хорошего, чего, поди, и не было никогда. Старушка шептала и впадала в зевоту-дремоту, и вновь шептала...

Звонок!

За дверью кафтан красный, змейками из фольги расшитый, шапка матерчатая, тоже красная, на фальшивом соболе, палица ореховая, валинки пре-огромные.

— Ой, ой, держите меня, как разоделся! — смеется Тетьтоня, пропуская в дом Деда Мороза.— Заходи, художественная самодеятельность, заходи, не выхолаживай квартиру.

Гость заходит — сам «сурьевый» такой, а лукавинка в бороде ватной юлит.

— Ой, Митька,— смеется Бабтоня,— холоду, стервец, напустил, с Новым,— говорит,— и тебя годком! Чтоб в вузы поступал в Новом, ты у нас парень смекалистый, хоть и напугал, дурак, сейчас меня, старую женщину.

А Дед Мороз слова ее мимо пропускает и свое ведет:

— Желаю тебе,— говорит,— всяких благ и покоя, и внуков полную горницу.

— Ну, спасибо,— отвечает Тетътсня,— спасибо, детей малых, правда, не люблю — лезут, суются, гадят, а за пожелание все ж спасибо. Все равно не исполнится.— Тетътоя вновь умиляется: — Гляди, как намазался натурально, и вырядился, и бро... — она хохочет,— брови!..

Лукавый Дед Мороз дает ей вволю насмеяться. Оба стоят в передней.

— Ну вот что,— говорит она, насмеявшись,— пойдем, остограмлю тебя ради праздничка. Грибками,— говорит,— закусишь. Грибки свои-то у меня.

— Сама, значит, солила? — поглаживает бороду Дед.

— Солила — что. Посолить каждая может. С балкона они у меня, с личного. С-под листочка прелого. Пойдем, угощу, так и быть.

Дед Мороз отрицательно качает головой.

— Да ты что, Митя, стесняешься, глупый панень?

— Нет,— отвечает,— просто не пью я, и все. И закусывать привычки не имею. Это,— говорит,— те, халтурщики, алкоголики ряженые, те так и смотрят, чтоб выглушить свою праздничную. Да на жраться. А у меня,— говорит,— не потому нос буряковый. Из лесу, хозяйка, долго шел. Да на санях. Да ветер... Спешу я. Сколько народу обойти еще!

Потрепался в таком духе Дед Мороз — трепом заштампованным-традиционным. Поблагодарил за приглашение к столу. А после объявляет:

— Подарок тебе, хозяйка, ожидается.

— От «стола заказов», что ли?

— Нет, лично от меня.

— Не пугай, дурак, старую женщину. Вываливай, что принес.

— Нешто не видишь глазами своими пронзительными?

— Если б видела, стала бы я выспрашивать всяких Митец-поздравителей!

— И то правда,— отвечает Митька-поздравитель,— никак тут не увидишь... В общем, не печалься и жди сюрприза.

— Тыфу ты! — разволновалась Бабтоня.— А скоро?

— Во благовременье,— ответствовал Мороз, Красный Нос.— За сим прощевай. Крепись в ожидании!

Ягидкина жена Кузьминична отсутствовала по причине праздничных «магазинных бегов».

— По какому вопросу? — проявил бдительность человек имени Саши, открыв дверь.

— По вопросу Нового года,— объяснил Дед Мороз.

— А-а-а, ну тогда массовикам-затейникам сердечный, значит, привет и просьба заходить в квартираное помещение, начиная новый наш, понимаешь ты, обряд — я так понимаю?.. Заходи, заходи, ты, что ли, Митя? Вот, не ожидал, не ожидал...

— Новый, говоришь? — усмехнулся гость, смахивая с валенок предложенным Ягидкой веничиком невидимый снег.— Ну, пусть новый — как тебе нравится.

Трудящийся Ягидко отступил на шаг, любуясь ряженым Митеем:

— Ну, ничего, ничего, молодец. А что — это, можно сказать, по-молодежному. Все аккуратно и хулиганства никакого. Я вот, помню, в годы моей молодой юности... — начал оно было вспоминать, но Дед Мороз торопился:

— С Новым тебя годом, человече! С Новым годом, дорогой наставник, друг всего светлого, аккуратного и справедливого! С Новым, замечательным

наш мастер высокой выучки! Рационализатор! Семьянин и домосед!

Человек имени Саши крякнул от удовольствия и слезу начал чувствовать, но не удержался и внес поправку:

— Стоп, не так. «Домосед» не годится, Я, понимаешь ты, и по магазинам-химчисткам, если надо, иду, и дворовыми вопросами занимаюсь, и товарищай по работе, гриппозных, проведую. Парки культуры и отдыха с супругой, конечно, посещаем. Особенно в случае лектория.

— Похвально,— сказал Дед Мороз, но тут же стукнул палицей в пол, дескать, вернемся к обряду.— Шел я лесом,— затянул напевно, как и подобает стреляным массовикам,— лесом хму-у-урым, сне-е-е-жным, холо-о-о-дным. Вьюга-мете-е-е-ль метет. Фи-и-и-лин уходит. Серый во-о-о-лк рыщет. Белка оре-е-е-хи щелкает... Выходит мне навстречу заяц: «Стой, дедушка! Снеси-ка в город Человеку имени Саши газетку. Поздравь от всей души и от меня лично!» Сунул мне газетку в варежку и ускакал. В общем, вот тебе новогодняя лесная газета. Прими в подарок. Непростая газетка, волшебная: что захотел, то в ней и вычитал! Тебе, думаю, доверить можно.

«Чепуха,— подумал Ягидко.— Ни на грамм серьезу, один юмор и волшебство, которого практически не существует!»

Посмотрел он в подаренную газетку и вычитал тут же: «А вот и существует. И не чепуха никакая». Изумился трудящийся Ягидко: не может быть такого факта! А из газетки ему в ответ: «Факт очевиден!»

Призадумался Который имени Саши. Зажмурился, с носка на пятку покачался. А вот, про жизнь на Марсе — слабо? Глядь в газету, а там пропечатано:

«Нет жизни на Марсе. Была когда-то, да вся вышла». Ягидко осталбенел — точно, нет, на лекции в комсомольском парке товарищ из Москвы так и разъяснял, так и указывал: нет ее и нет!.. Получается, что очень чудесная газета, хоть и с уклоном в познавательно-развлекательную сторону. «Пожалуйста,— чернеют слова на газетной странице,— можно и про серьезное...» В таком случае, хотелось бы чего-нибудь из сельскохозяйственной проблематики зачерпнуть,— решил Человек имени Саши. Посмотрел на вторую полосу и сразу же вычитал: «...не допуская потерь. А вот некий В. Кузен проявил себя в уборке моркови отнюдь не с лучшей стороны. Грустно об этом писать, но в то время, как его товарищи, не жалея сил...»

Ягидко был ошеломлен. Он оторвался от газетного листа и хотел выразить чувство благодарности человеку в красном кафтане. А заодно попросить, чтобы тот ему голову не морочил, потому что ничего подобного в природе осуществляться не может,— но не обнаружил ни кафтана, расшитого змейками из фольги, ни шапки на фальшивом соболе, ни палицы ореховой, ни валенок преогромных... Ни их владельца.

Небеса аврально разгружались.

Казалось, кто-то там пытался в последний момент выполнить годовой план. Угроза невыплаты тринацатой зарплаты заставляла пустить в ход все архивные резервные снежные «энзе».

Желтея от «Примы», дергал рычаги бульдозерист Брезентов. Он приоткрывал дверку кабины, цвиркал кипящей слюной и прокатывал 31-е число на стальных валиках ругательств. Благословляя это же число, по городу шастали Деды Морозы. Халтурные, случайные и заслуженные. Забуксовы-

вая и юзя, по улицам двигалось железо, груженное белым, бесплатным золотом. Бабтоя сгребала со стола пасьянс. Карты были липкими, как снег в самосвалах. Они открыли ей: возвращается дочь Милка с супругом. «Придется к этому сюрпризу как следует подготовиться», — решила Тетътоя и перевела своего сторожевого коршуна с балкона на плятной шкаф:

— Зри в оба!

Коршун вздыхал и от тоски поклевывал Ивана-царевича на дешевом гобелене.

Многих обошел в этот день Митька-поздравитель. Был он у Послужных, был у Вольдемара, посетил также девушку Анну. Она в это время сидела в парикмахерской под феном, и поздравителю пришлось изловчиться, чтобы подсунуть под дверь ее квартиры граммпластинку-бесконечку.

Последней перед Дедом Морозом отворилась дверь квартиры № 140.

— С наступающим, — Митя заморгал глазами. — вы кто?

— Дед Мороз, — скромно сказал Дед Мороз и оглядел Митю. Тот был одет почти так же, как и он.

Красный каftан из маминого пальто, к которому молодой человек приделал ватный воротник и привил звезды из конфетной фольги. Зимние рыбакские рукавицы. Дедовские валенки. Бумажные (не хватило ваты) борода и усы... В углу стояла палка от щетки для подметания.

— А что, по-моему, похоже, — сказал Дед Мороз.

Он был настоящий. Но... рецепта на все случаи жизни пареньку не вручил. Увы, такие рецепты проходят не по ведомству Деда Мороза.

НЕ ЗАНИМАЙТЕСЬ САМОЛЕЧЕНИЕМ!

— Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Рада за тебя, рада. Только пойми меня как следует: у вас с ним свои отношения, у меня — свои. Теща она и есть теща. Не я это слово придумала.

— Тебе лучше знать, мама. Полнотью на тебя полагаюсь. Верю, не подведешь. Укрепиши. Уплотниши. На цемент, где надо, возьмешь.

Новый год принес обитателям дома № 4 новые радости и новые хлопоты. К Бабтоне вернулась дочь Милка с законным супругом — мастером на все руки Феофаном. А трудящийся Ягидко стал творить маленькие чудеса при помощи волшебной газеты. Ну вот, к примеру, прутятся у него на пятках носки — он за газетку: чего, мол, там написано об аккуратности этого рода одежды на его ступнях? И тут же читает сообщение о том, что на ногах некоего А. Ягидко можно всегда обнаружить новые, в худшем случае, аккуратно заштопанные носки.

— То-то,— назидательно скажет Человек имени Саши и, сунув указательный палец в ботинок, удовлетворенно прищелкнет языком.— Справедливо? Справедливо. Светленькая расцветка. Аккуратный узор. Мне по вкусу. А женскому труду супруги — облегчение.

Людмила с Феофаном прибыли 31-го, поздравили Бабтоню самим фактом своего прибытия, великолепной дальневосточной рыбой-балыком, разговорчиво и вкусно встретили Новый год. А 1-го... в шесть ноль-ноль Татьяна зажгла в комнате «у детей» люстру и по-сержантски громко обратилась к зятю:

— Феофан, кончай ночевать. Тут у нас другое расписание суток. Если у вас там ночь, у нас день.

Об этом вчера за праздничным столом сообщил сам же Феофан. Бабтоня, конечно, не поверила, хоть Милка и подтвердила. Но сейчас идея разницы во времени теще понравилась — впрочем, не так идея этой сомнительной разницы, как идея перевести зятя на распорядок, диаметрально противоположный Тетьтониному и Милкиному.

Теща боролась за дочь. Если удастся сделать так, что Феофан будет работать по ночам, а отсыпаться днем, — получится стопроцентный «эффект присутствия». Муж как бы все время при жене.

Итак:

— Феофан! Кончай, говорю, ночевать!

— Мамаша, — отвечает на все руки мастер, — шли бы вы... Спать охота. Какое вам дело до того, что у нас там — день? Если у вас ночь, то спите себе спокойно... память о вас... навсегда... — зевает Феофан, переворачивается на другой бок, еще полминуты — и он вновь забудется сладкохрапым сном.

Однако вмешивается Милка:

— Мама говорит! — толкает она под одеялом мужа. Тот не обращает внимания. Тогда Милка садится в постели: — Он парень заводной, мама. Не переживай зря, он внимание обратит и встанет.

— Хорошо, — отвечает Тетьтоня. — Слыши, зятек. Хочешь, птицу ученую покажу?

— Мамаша, отстаньте, — просит Феофан. — Все нормальные птицы сейчас спят.

— А у меня птица ненормальная. Хошь посмотреть?

— Да видал, видал, — начинает заводиться зять, — видал я вашего стервятника одноглазого. Дайте сон досмотреть!

— Хочешь, расскажу, что тебе снится?!

— Не-е-ет!

— А снится тебе, сынок, про стройку. Будто идешь по колено в грязи липучей. А тут к тебе подходят из управления и предлагают на собрании слово взять...

Феофан раскрывает глаза:

— Ну, вы вроде как подглядывали в мой сон.

— Подглядывала, милый, подглядывала. От меня ничего не спрячешь. Поэтому вставай по-хорошему.

— А мне, может быть, сон важно досмотреть. Взял я слово или нет?

— Я т-те не возьму! Я т-те не возьму! — вскинулась Милка.

— Зачем досматривать? — продолжала медовыем голосом теща. — Я и так доскажу. Все равно ведь — не уснешь уже.

— Нá спор усну. Я засыпаю, когда угодно. У меня нервная система — будь здоров какая.

Бабтоня с доброй улыбкой качает головой:

— И не таких видела. Только ведь — от всего могу вылечить. И от нервной системы тоже.

Феофан плонул под одеялом, отбросил его и встал.

Человек имени Саши проснулся рано. По рабочей привычке.

Он походил по комнате в пижаме и сел в кресло. Рядом, на журнальном столике, лежала лесная новогодняя газета. Ягидко заулыбался, как ребенок, который утром вспоминает о вчерашнем подарке. О новой, ненадоеvшей игрушке.

Ягидко посидел с газетой в руках, счастливо зевая и потягиваясь.

Волшебные вещи очень нужны людям, потому что с ними жизнь кажется длиннее... И если верно, что предметы, как собаки, знают своих хозяев, то вол-

шебные вещи не просто знают их, а знают на зубок. Вот и газетка уже пропечатала в себе то, что через минуту зашевелится в Ягидкиных мозгах.

Однако, будем последовательны. Сперва Человек имени Саши вселось: господи, а ведь родимая, с весельцем которая,— поди, мерзнет на постаменте! Сейчас же, сейчас же сгодобить ей пиджачок-жакетик какой! Носочки!.. Обогреть, спаси для внуков-правнуков!..

Глядь в газетку, а там черным по белому: «...педагогичности и гуманности. В частности, заслуживает изучения и распространения опыт жильцов дома № 4 по улице Сталечугунной. Нерукотворная статуя «Девушка с веслом» неизвестного скульптора в суровые зимние холода старательно утепляется».

Выйдя из ванной, Феофан нос к носу столкнулся с тещей.

— Что ты вздрагиваешь, что ты пугаешься, Феофанчик. Подумаешь — на любимую тещу налетел в темном коридоре! А говорит: нервная система у него!

Зять повторил — система в полном порядке, ввиду свежего воздуха по предыдущему месту работы, а также физической и общественной активности. Кроме нервной, система кровообращения и прочие основные системы и узлы организма находятся в исправном состоянии. Чего и ей, Теттоне, желает.

— У меня,— сказал он,— такое здоровье, что очень могу спозаутряни хлопнуть водки, а потом выйти на мороз и сделать гимнастическую физзарядку!

— Это очень по-медицински,— восхитилась тетша.— Могу организовать. Заходи в кухню.

Бабтона долго рылась в кухонном шкафчике. На-

конец извлекла оттуда запылившуюся поллитровку, которая была закупорена бумажной пробкой.

Феофан принял полстакана, занюхал подолом майки и сказал:

— Г-г-у-у-ух!.. М-ма-эа-а...

А затем сказал:

— Теперь можно разомнуть мосла.

Он пружинно зашагал в Бабтонину комнату, из которой был выход на балкон. По дороге Феофан так хлопнул в ладоши, что спящей на шкафу «ученой птице» это показалось началом светопреставления. Или концом династии Ивана-царевича (с гобелена).

Ягидко дочитал рейд «Нам не страшен Дед Мороз», вскочил с кресла и приник к оконному стеклу. Вдали, у гаражей, виднелась фигура с веслом. Теперь она была одета в толщенную шубу а ля Остап Бендер, правда, деталей невозможno было разглядеть по причине тридцатисвечевой лампочки фонаря, зимней мглы и расстояния.

Человек имени Саши собрался успокоиться, как вдруг его внимание привлекло одно необыкновенное зрелище. На Тетътонином балконе какой-то человек, в майке и трусах, пытался делать приседания, наклоны вправо-влево, «солдатскую мельницу» и другие упражнения утренней физварядки... С отвалившейся челюстью Ягидко наблюдал, как подозрительный незнакомец принялся переставлять ящики, вазоны и другой знахарский инвентарь, пытаясь таким образом расширить пространство для выполнения оздоровительного комплекса.

Участливый Ягидко азартно присел, когда на балкон выскочила Бабтона и заорала на этого незнакомца, одетого, мягко говоря, не по сезону.

Незнакомец отмахивался от горластой женщины, не прекращая громыхать ящиками и принимать стойку «ласточка». При этом он тоже кричал ей:

— Какая живая вода?.. Ничего я не раскутываю! Не замерзнет ваша живая вода!.. Маманя, зайдите в помещение, не простужайтесь!

Тетя Тоня панически хваталась за голову, а в ответ звучали заверения:

— Ничего с вашими шершнями не случится!

— Ой, ужалют сейчас, посмотришь, ужалют, бандюга ты растакой!

— Пускай! У меня мясо железное — не прокусят!

Бабтоя металась, объясняя о «зимней консервации препаратов», а зять (Ягидко уже понял насчет этой родственности), — зять делал «прыжки соском» и невозмутимо грубил:

— А я вам говорю: лженакука это!.. В гробу я видел аллергическую лоханку!.. Не хватайте за кисти рук, никуда не денется ваша клопиная дивизия!

Когда несчастная врачевательница пригрозила, что натравит «огненную змею из клетки», Феофан уже начал сердиться:

— Уди, старая ведьма, дай комплекс докончить.

Ягидко понял, что пора принять решение... И принял его — тиснул в своей газете передовицу о «безответном, негрубомуважении тещ».

Изгнанная со своего родимого, кровного балкона, теща, как ни странно, порадовалась: «Вот и прекрасно. Очень я довольная. Профилактика никому еще не вредила. Зятек попался — просто красота! Сколько пару из меня выпустил! А в мои годы профилактическое испускание — первейшее средство».

Она решила сделать скандал затяжным. Во имя оздоровления...

Феофану, приступившему к водным процедурам, Теттоня, как бы невзначай, заметила:

— Значит, любишь насчет выпить-закусить? Ну, что ж, это естественный для мужчины интерес. Тем более, зять любит взять, как просвещает пословица...

— А что? — откликнулся растирающийся полотенцем Феофан.

— А то, голубок, что теперь ты навряд будешь интересоваться по этому вопросу... Ты думаешь, что водки у меня перед зарядкой покушал? Не-ет, родимый! Не простой водочки...

Феофан опустил полотенце, с любопытством уставясь на Бабтоню.

— Звездочка молодая шла по небу? Шла... — напевно закурлыкала теща.— Может, кометка, может спутничек... Вода темная настоялась в чугунке? Настоялась... Может, вода. Может не вода совсем... Пометец коршуновый при звездочке отстоялся? Отстоялся... Может, солью, может, пылью посыпанный... Звездочка в чугунок светит? Светит... А до дна не досвечивает... Слово сокровенное над насточкой сказано? Сказано... Вот ты и выпил... Прогрелся внутренне... А теперь — только в рот, так обратно и выплюнешь, не думай сомневаться! Только рот пополощешь... Так что с алкоголизмом у нас тут не выйдет, родненький...

Бабтоня думала — взорвется мужик. Завоет. Мебель пойдет крушить. Душу из вещей выпускать. На тещу трудовые мозоли накладывать. Чайный сервис метать в стену...

Ан нет.

Стоит себе смирненько. Даже улыбается вроде бы. (Догадливый читатель понял, что сработала газетка...)

...До самого вечера выглядывал Ягидко в окно. Однако ничего сколько-нибудь скандального за этот день на Бабтонином балконе не было замечено.

«Вот она — действенность наших выступлений», — фиксировал Человек имени Саши.

И творил разные маленькие чудеса.

Оно и вправду действовало — оружие печатного слова.

Никак не шло у Тетьюти самолечение. Как ни пыталась она вызвать зятя на перебранку, он все уклонялся. За обедом теща сунула ему в тарелку зубило.

Не помогло. Слизал Феофан с жёлезки картошку-пюре, отбросил инструмент в сторону, словно обглоданную кость, — на том все и кончилось.

Милка, конечно, испугалась. Заставила мужа градусник под мышкой погреть. Кто-кто, а она-то знала, что Феофан может сказать и что он может сделать, если в тарелке ему хотя бы волос малый попадется.

Забеспокоилась.

— Да здоров он, здоров, — проворчала видящая пациента нас kvозь Бабтона, — как сундук дубовый. Как сарай! Как дрын еловый!

— Как сарай, — с мягкой, светской улыбкой поддержал зять, словно это было не оскорбление, а так... про погоду. — Как дрын еловый. Благодарим за обед. За первое-второе-третье. Не прикажете посудку помыть?

«А вот нельзя ли про Автора Беллетриста полюбопытствовать — чем человек дышит, понимаешь ты?» — запросил Человек имени Саши свою газетку.

Та в ответ:

«Все можно. Вы сомневаетесь? Что за недоверие

к печати! Хотите знать, над чем этот сочинитель работает в настоящее время?»

«Именно», — подтверждает Ягидко.

В лесной газете появляется отрывок из повествования Автора о грамматике и ее роли в общественном питании.

В отрывке, занявшем половину газетной колонки, с положительной стороны отмечалась гибкость, свойственная взгляду одной работницы общепита на правила устной и письменной речи. Ниже мы приводим этот отрывок. Он глубоко потряс Человека имени Саши.

«Это была золотая женщина. О таких говорят — тишайшая... Она была идеальным работником почти идеальной сферы обслуживания; она была внимательна к обслуживающему. Я бы даже сказал, она принимала в нем участие. Если у нее спрашивали: «У вас свежее кофе?», то она кротко отвечала: «Да», и готовила *кофе-оно* — то, что и просил посетитель.

Иногда, впрочем, ей говорили: «Один кофе... и кусок торта», — тогда эта женщина, заволновавшись и порозовев от приятной ей грамматической категории, подавала из-за кофеварки «Омега» дрожащую чашечку. Под слоем пены толщиной в палец томился напиток, заваренный, как горючее звездолетов. Это был он, монарх внезапной бодрости, он, князь бессонницы — *кофе-он!*.. Его скромная служанка укрывала трепет лояльности в своем взгляде отчаянно красивыми, какими-то даже ненормально красивыми, елочными ресницами, из-за которых в эти минуты посетителям не хотелось признавать ничего... тишайшего, ничего полусовершенного и недомолотого. Посетители отвергали все, что было в их представлении не в полную меру. «Долой, — кричали они, — долой кофе-оно! Долой плохую погоду! Долой металлы, поддающиеся коррозии! К черту эн-

тропию и сомнительные радости! На помойку лубочную роскошь! — Посетители опрокидывали стулья и громко стучали чашками. Они представляли себе, как прокатываются по городу жиденькой волной самоупоенного ералаша.— С Новым годом!» — до вечера били они себя кулаками в грудь, вспоминая ресницы буфетчицы.

Она же собирала осколки разбитых чашек и тишише плакала, повесив на стеклянной двери табличку «Санитарный час».

С грамматикой шутки плохи. Какой-то заезжий физик-астроном, ученый из одной рисовой страны... В общем, он слегка владел (читаю со словарем иностранных слов) чужим языком и однажды зашел с сопровождавшим его энтузиастом в это самое кафе. Как и подобает иностранцу, физик говорил воодушевленно и не закрывая рта. Спутник слушал и кивал, кивал и слушал. И на ус, следует полагать, мотал.

— А какие еще у вас есть любопытные результаты? Пожалуйста, поподробнее технологию... — допытывался энтузиаст и мотал дальше.

Так они развлекались, отбывая положенное время в очереди, и, наконец, переместившись из ее хвоста в голову, перешли к вопросу о «черных дырах». Излагая свои взгляды на природу и особенности малоизученных астрономических объектов, иностранец вытащил кошелек, на котором была изображена подмигивающая левым глазом его соотечественница, и попросил... кофе-она. Буфетчица, с интересом слушавшая рассказ о загадочных небесных телах, без колебаний подготовила то, что заказал мужчина зарубежной внешности и акцента. Уж такой была эта замечательная женщина: она всегда шла на встречу.

Астроном и его спутник отошли к столику. Первый

из них пригубил... и хотел вскрикнуть, но было поздно — «она», черная дыра, заполнявшая чашечку, втянула его в себя. Буфетчице показалось (во всяком случае, так она утверждала при составлении протокола), что утопающий физик сделал отчаянную попытку схватиться за ус энтузиаста. Однако уж больно много там было намотано.

Расторопно опечатав чашечку (у него случайно нашлось все необходимое в карманах), этот самый спутник прошел в подсобку к телефону и обронил в трубку столь тишайшую фразу, что посудомойка даже открытым ртом ничего не уловила.

Но такой случай был в кафе лишь однажды. Автору доставляет большое удовольствие писать об этом уютном, приятном во всех отношениях кафе. Автор чувствует непроходящую симпатию и к самой его хозяйке — не потому ли, что когда-то получил из ее заботливых рук чашечку *кофе-вы*, стремительно переходящего в *кофе-ты*. Как там, погодите, как там, у поэта? В общем... пустое *вы* сердечным *ты* Она, обмолвясь, заменила... и так далее, кажется.

А вот ее предшественница — та частенько варила лично для себя кофе-мы-не-рабы — рабы-не-мы. Нахлеставшись вульгарно понимаемого *ею* напитка, она безбожно хамила. Но и это уже давно забылось.

Впечатлительный Человек имени Саши почувствовал приступ тахикардии и, желая ликвидировать его, быстремько сообразил статейку о дальнейших успехах, достигнутых в области здравоохранения.

Не сверяясь с газеткой (в том, что эта публикация там появилась, не приходилось сомневаться), он почувствовал себя гораздо лучше. Однако из любви к цифрам и фактам опоясал руку черной манжеткой тонометра, которую накачал грушей. Результат выхода в свет газетной публикации впол-

не Человека имени Саши удовлетворил. Давление теперь было 130 на 70.

«А ведь предшествовало,— подумал Ягидко,— не иначе, как 210 на 110».

Тем временем Бабтоня **не** прекращала мечтать о том, как бы ей нарваться на неприятности. Она сидела в кухне и, поглаживая kleену на шкафчике, придумывала способы расшевелить зятя. Потому что ей очень хотелось осуществить профилактическое пароиспускание.

Заметим, что это действительно было ей нужно: Тетътоня стала понемногу утрачивать такое свое качество, как глазастость. То, что Феофан уклонялся от скандала, она ошибочно объясняла не всеми сильными чарами печатного слова, а нечеловеческой вредностью зятя. Впрочем, за это она чувствовала к нему приступы щемящего уважения.

Тетътоня резко поднялась и достала из авоськи, вывешенной за окном, размалеванный кровоподтеками сверток. Она развернула бумагу и отрезала от замерзшей свиной печени несколько ломтиков. Эти кусочки теща уложила в кружку, которую поставила на батарею парового отопления. По прошествии некоторого времени, достаточного для разморозки, печень была предложена сторожевому стервятнику.

— У-у, подлый,— скрипнула зубами женщина,— всего Иван-царевича выклевал! На вот, подавись, ненасытный!.. Что, вкусно? Не пробовал еще у меня мясца?

Коршун, оторвавшись от персонажа русских сказок, скачущего на траченном молью сером волке,кусил невегетарианской пищи...

Бабтоня сцедила из кружки в чайную ложку бурью жидкость и напоила жадную птицу. Последняя заголготала, вспушила крылья, рванула цепь, на-

дежно прикрепленную к задней стенке платяного шкафа, и клюнула серого волка в темечко. Тяжелый от пыли гобелен обрушился на пол.

— А Феофан-то вкуснее,— стала хозяйка научать хищника.— Мяско-то сладенъкое!.. — Она изобразила аппетитное чавканье.— Косточка-то сахарная!.. Жирок мягонький...

При этом окутанная пылевым облаком Тетьютона на ощупь обошла шкаф, чуток отодвинула его от стенки и, просунув в проем руку, ослабила крепление цепи.

Затем она еще подразнила коршуна чавканьем и... кликнула зятя.

...Не гоже ли, братья, запеть старыми словами новую песнь о бое Мастера широкого профиля с подлым кровожадным коршуном — убежденным противником вегетарианства и прочей толстовщины. Начнем же не по типовому рецепту Бояна, а по былинам нового времени. Мыслию по древу растекалась наблюдавшая эту сцену Тетьютона. Серого волка на земле топтали дерущиеся. Не сизым орлом под облаками нависала над зятем смертельная угроза, но коршуном под пластмассовой люстрой. Бабтоня полагала, что возлагает свои вещие персты на живые струны зятевской души. Однако струны славу теще рокотали.

Вот ударила птица мощными крыльями в грудь Тетьютониного зятя Феофана. Покачнулся он, но устоял. Нацелила зловредная тварь острый клюв свой прямехонько в глаз-алмаз Мастеру, занесла когтистые лапы над буйной головой его... Но и на этот раз Феофан увернулся от птицы-хищника. И песню запел. Матросскую.

Потому что срочную проходил на флоте.

Вскрывая со шкафа, точно с авианосца, коршун атаковал Феофана. А тот, веселый и непокорный,

дерзко распевал: «Ты, моряк, красив со-го-бою! Тебе от роду двадца-гать лет! Па-га-га-любил тебя я всей душо-го-ю! Что ты скажешь мне ват-вет?!»

А в ванной истово тужила под душем верная жена Людмила Ярославовна. Она смачивала рукав халата водой и твердила, что желает чайкой-зигзагом полететь к белому телу мужа. Однако не летела, потому что свято верила в мудрость материнских поступков. Милка взывала к силам природы — разговаривая с солнцем, она включала и выключала электрическую лампочку. Она укоряла в чем-то ветер, вылетающий сухой горячей струей из фена. И мучила Днепр-Славутич, то напуская его в ванну, то выпуская на волю...

Когда же в Бабтониной комнате воцарилась жугковатая тишина, мать и дочь приблизились к двери, прислушались и осторожно повернули ключ.

Застав зятя живым, более того — стоящим одной ногой на поверженном враге, Тетьюня радостно обнадежилась. Решила: уж на этот раз Феофан ей спуску не даст, нащупает у нее крантик паровой, заветный.

Но муж попросил у жены поясок от халата и, связав полуживую птицу, сказал со слезой благодарности:

— Ну, маманя, с меня причитается. Поверили я в себя, как никогда до этого. Теперь кто угодно меня в разведку с собой может взять.

Медицинские чудеса, творимые Ягидко, так просто не кончились.

У жены Кузьминичны прихватило зубы. Закачалась она, затосковала об анестезии. Поддержала ворту вату с одеколоном — не помогло. Прополоскала раствором соды — еще шибче засверлило. Наглоталась тройчаток-пятерчаток — не отпустило.

Тогда жена Кузьминична заревела:

— Не пойду в стоматологическое! Боюсь бормашины! Буду пропадать так!

Человек имени Саши поскреб подбородок:

— Ты, дорогая моя Аньота, обождь. Ты доверься мне. Я сейчас.

Пошелестел своей газеткой Человек имени Саши, пошелестел и услышал, как радостно ахнула жена Кузьминична.

— Чего ахаешь? — спросил застенчивый волшебник.

— Смотри! — бросилась к нему от зеркала и широко — этак во всю мочь — улыбнулась... И трудящийся Ягидко обомлел: у женушки был полон рот... золота!

— А как приложены здорово,— она поцеловала окаменевшего супруга.— Словно родилась с коронками этими!

Залезая пальцами в рот и попробовав все тридцать два коронованных зуба на прочность, жена Кузьминична заявила:

— Гвозди могу выхватывать из табуреток.

«Это что ж получается,— испуганно думал Человек имени Саши,— это ж я не ожидал такого эффекта... это ж не по средствам полученный нетрудовой эффект. Это ж тыщи денег... Оно хоть и аккуратно, зато несправедливо...»

— Слушай,— в свою очередь испуганно спросила жена Кузьминична,— а ты уверен, что оно не поддельное?..

— Уверен,— мертвым голосом отвечал Ягидко.

Немного позже, перехватив Ягидкин взгляд, жена Кузьминична вновь заплакала:

— Не дури, Сашка, слышь, не дури! Не пойду я их рвать в Фонд мира... Не заставишь!..

После провала акции с коршуном Теттоня за-
тихла.

Подмела перья с паркета, отпила бедного птака
своими эликсирами и погрузилась всеми думами
в гнилую пучину коварства...

Однажды вечером Бабтона села за стол, постели-
ла перед собой мятую бумажонку и сотворила
следующее письмо:

«Гражданину начальнику.

От доброжелателя.

Уважаемые компетентные товарищи! Относитель-
но вас имеются интересующие обстоятельства.

Гражданин Спутный (имя Феофан), проживающ.
по адр. Сталечугунная, 4, кв. 17, является опасным
феноменом. Имеются уважаемые свидетели по по-
воду ночного поведения.

Гр. Феофан имеет особенность растворяться в за-
полненной водой ванне. Лег, понимаете, человек
в резервуар и исчез, а потом снова образовал те-
ло — как будто никуда не растворялся. Ну и что же,
почему в Академию наук не сигнализировала? Толь-
ко я считаю: необходимо сперва установить, откуда
сновок растворения и где находится в промежуток
времени до того, как снова телесно обнаруживается
в нашей воде! А если отсутствует на темных делах
по нарушению законодательства? Или в загран-
странах?

Необходимо серьезное предотвращение.

С уваж.— доброжелатели».

Под этим посланием Бабтоня вывела несколько
якобы собранных подписей.

Затем она оделась, крикнула:

— Выйду брошу письмечо! Куда письмечо? —
переспросила, хоть никто у нее не спрашивал.—
В милицию! — и действительно — вышла и бросила
письмо в почтовый ящик.

Прохожие заметили странную женщину, слегка пританцовывающую и убежденно приговаривающую:

— Ох и выпущу я пар!.. Ох пропарюсь!

Теперь у Теттьтони действительно были все основания готовиться к моральной сауне. При этом она рассчитывала воспользоваться, так сказать, казенным веничком... Бабтоня полагала, что, когда прибудет опергруппа и зять будет для очной ставки принудительно помещен в ванну с водой, а над ванной сурово-торжественно застынут вооруженные эксперты — и никакого тебе результата; а затем процедура с тем же успехом повторится снова и снова, и, наконец, раскроется клевета (*теща нарочно оставила на письме свои авторские, легко различимые отпечатки пальцев, чтобы не произошло заминки в установлении личности «доброжелателя»*), — уж тогда от зятевого непротивленчества не останется ни грамма. Короче, Феофан закатит такой скандал, какого Теттьтоня еще никому из самых гуманных, клятвенно-гиппократических побуждений в жизни не устраивала и не организовывала. А тут и у нее найдутся аргументированные нападки — и такое завертится, закрутится, паром заклубится!.. Любая коммуналка позавидует.

Само собой, и от милиции влетит. Хотя, с точки зрения процедуры, это пойдет только на пользу... Вот каких пределов достигает человеческий эгоизм!

Однако ничего подобного не произошло. И хоть через сутки Теттьтоню действительно посетили из милиции, но это была никакая не опергруппа, а не-вооруженный, худенький, застенчивый младший лейтенантник. Практикант.

Он, сутулясь, сбивчиво провел с анонимщицей беседу. При этом предлагал собеседнице папиросы

«Беломор-канал» (находясь, вероятно, под ученическим впечатлением от старых отечественных детективов), применял выражение «грубо говоря» в тех случаях, где больше подходит «мягко говоря», и, кажется, даже не довел до сведения гражданки статью Уголовного кодекса, предусматривающую наказания за клевету.

Бабтоня с каменной разочарованностью выдержала эту беседу и попросила младшего лейтенанта поговорить также с Феофаном. То есть рассказать ему о тещином проступке.

Впоследствии Феофан снова-таки поблагодарил Бабтоню.

— За что?! — простонала она.

— За то, что познакомился с хорошим человеком. Теперь очень хочу и сам попробовать во внутренних делах. Думаю там пригодиться.

— Ох и спутничка ты себе оторвала! — обняла Татьяна Милку. Прижала ее к себе, слезой обожгла.— Бедная моя, непутевая...

В общем, сорвалось Бабтонино самолечение. Виновник этой неприятности творил понемножку чудеса и ни сном ни духом понятия не имел, что Татьяна три дня в рот ничего не брала и три ночи глаз не смыкала; только приглашенный Феофаном терапевт привел ее в норму. А заодно и беднягу коршун...

А Ягидко, напуганный угрозой нетрудовых доходов, поставил газетку исключительно на службу обществу. За что снискал еще большее уважение и почет. Правда, однажды он подумал, что тратит силу волшебного слова на ерунду. Подумаешь, «Библиотеку приключений» кому-то организовал. А чей-то ребенок выбился в вундеркинды. А кому-то

шef грубить перестал. Чепуха все это, мелководье, мелкокалиберность...

И отважился Ягидко на международную заметку...

Собрался однажды с духом, зажмурился и представил себе некролог с кровавом диктаторе генерале Пиночете. Придумал и подпись: «Группа черных полковников».

В следующее мгновение на третьей полосе волшебной газеты уже красовалось сообщение о том, что проклятый диктатор уснул и не проснулся. Приказал долго пить кровь. И труп его будто бы находится в городе Сантьяго. И подпись была исполнена, как задумывалась.

Стоит подчеркнуть, что Ягидко, питая ненависть к сволочному правителю, был очень добрым человеком. И благородным. Поэтому он придумал врагу такую легкую смерть.

...М-да, грустно писать об этом. Грустно и печально... Но придется. Через сутки после выхода в ягидковской газете некролога, телевидение рассказало о новых преступлениях фашистующей хунты во главе с Пиночетом. При этом Человеку имени Саши стало ясно, что латиноамериканский тиран все еще жив-живехонек.

На лице обладателя волшебной газеты появилась улыбка страдания и тоски. Он глядел поверх телевизора, моргая влажными глазами... Если бы не очередной приступ тахикардии, несчастный наверняка бы ушел (впервые в жизни) в запой.

На всякий случай жена Кузьминична спрятала газетку подальше — чем ее и спасла. Так что и здесь, в принципе, не обошлось без хеппи-энда. А главное — позже Ягидко осудил себя на семейном совете, сказав, что чуть было не докатился (из лучших побуждений!) до терроризма: «Не наши, Анюта, это методы. Хорошо, газетка слабосильная».

КРАХ БРАЧНОЙ НОЧИ

— А стоит ли говорить о брачной
ночи, если, в сущности, речь совсем
не о ней?

...— Идите к черту.

Ах, Кузен Вольдемар, Кузен Вольдемар! Всю жизнь у него так... Ведь вы помните, как его избрали председателем жилищного кооператива. Раз-два — и почему-то избрали. Неожиданно и вопреки... Много у него было таких случаев. Тут бы заподозрить: а не доводится ли и вправду он кому-то кузеном?..

Но нет, не доводится.

Какие-то здесь совсем другие механизмы срабатывают. Их кривошипы и шатуны не имеют ни к каким иван-иванычам никакого трансмиссионного отношения.

Ну, вот, например, как Вольдемар женился.

Была у Вольдемара на почте любовь. Это уже после неудачи с Анной. Или во время?.. Нет, все-таки после. Так вот, любовь эта работала в отделе доставки. Почтальоном.

Хороший работник, исполнительный, здоровый, внешне очень приятный. К тому же женщина. Кузену доставляло удовольствие получать от нее журналы, открытки разные, письма... Ну, и он, в общем, сделал так, что всю эту корреспонденцию Семенова (так звали его любовь) собственноручно ему и передавала. Наверное, Семеновой это тоже нравилось. А что, приятно от сумки оторваться, войти в толково обставленную квартиру («начальство любит, когда хорошие известия вот так собственокрасиворучено...»), ну там — чайку с пирожным, а если по окончании смены — немножко ликера, знаменитого, тал-

линнского (ах, «Вана-Таллинн»?.. ванна?.. Таллинн?), опять-такие посмотреть журналы с фотоиллюстрациями и даже, представьте себе, газеты — надо же знать, что носишь в сумке. Уж такая специальность.

Короче говоря, Вольдемар и Семенова друг друга явно любили. Он ее посвящал во вкусы начальства, она ему тоже, наверно, что-то говорила. Может быть, о своей прошлой и настоящей жизни. По волосам его гладила, шептала всякую нежную ерунду, мечтала о нескончаемой многодетной юности, начинала уже намекать на какой-нибудь подвиг или хотя бы жертву. Как вдруг Вольдемар решил отказаться от удобства получать корреспонденцию не из почтового ящика.

Стенографическая запись прощальной сцены не велась. Жильцы слышали только громкий удар входной кузеновской двери и быстрый стук по ступенькам почтальоншиных каблуков.

А на следующий день Вольдемар вспомнил, что у него есть почтовый ящик. И спустился к нему на первый этаж.

Из ящика Кузен извлек конверт, от которого в нос адресату шибануло судьбой. На конверте красовалась эмблема одной знаменитой киностудии, куда Вольдемар не так давно отправил несколько своих фотокарточек б на 9.

Шанс, естественно, был мизерный: сейчас в кино снимают преимущественно профессиональных артистов. И Кузен это отлично знал. Но все же он рассудил, что, отправляя фотокарточки, ничего не теряет. В то же время — вдруг повезет? Вдруг его внешность кого-нибудь заинтересует? И тогда... ну, на худой конец, тогда, может быть, его наймут в каких-нибудь съемках хотя бы... консультантом в фильме о жизни начальства.

Кузен вбежал к себе в квартиру, прочитал письмо... И растерялся. Ибо таких писем, как это, наверное, вообще не бывает.

— Мур-р-равей-бор-р-ровей, кр-р-рыкуха муххха, увозно угостно зыбно рыбно, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда — видеть его не мугу, муррравей-боррровей, крррыкуха... — бормотала колдунья, готовя луч из горшка.

Колдунья хотела сжить со свету одного доброго молодца. Конечно, не навсегда, а временно.

Из горшка пошел дымок, хоть на огне эта посудка и не стояла.

— Сам уйдешь сам прийдешь только уже другой, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда — угостно зыбно...

Кузен сидел на венском стуле с гнутыми ножками и, повесив голову, под грузом слишком большого счастья, ошалело улыбался. Письмо он прочитал уже раз пять.

Сперва не поверил ни единому слову, полагая, что это издевка отвергнутой Семеновой. Ну да, взбесилась женщина и решила сфабриковать фальшивку «собственнокрасиворучно». Иногородний штемпель? Ерунда, там у них, на почте, может, и не такое в загашниках есть. Фирменный конверт? Достала... И все же Вольдемар отбросил эти подозрения, как явный нонсенс, как явное несоответствие характеру и привычкам Семеновой, чей нрав он успел изучить.

Итак, что собой представляло это послание? Прежде всего, оно носило нескрываемо любовный характер... Даже не так — лямурный... И роковой! Неряшливым, неразборчивым почерком с грациозными завитушками в письме сообщалось о сердечном пожаре, погасить который — затея безнадежная

и тщетная. Языки пламени, в котором горели договора, гонорары и вообще судьба отечественного «кинематографического искусства», пахли дорогими французскими духами. Судя по стилистическому и грамматическому накалу, пожар охватил нижние этажи, добрался до верхних и уже неистово лизал чердачные стропила. Факелами падали балки, разбрасывая мириады искр. Обрезок рельсы, в которую неистово ударяли кувалдой, взывал ко всеобщей панике. А в комнатах, наполненных угарным газом, метались кашляющие и чихающие призраки былых симпатий и ошибочных увлечений. Наконец со страшным грохотом обвалилась черепичная кровля; сложились, как стакан в стакан, этажи; и пожарные, видя, что делать нечего, зачарованно сели перекурить.

Итак, нововзошедшая кинозвезда (а если точнее, то — телерампокинозвезда) сообщала, что недавно, перебирая от нечего делать «какой-то мотлох из фототеки», наткнулась на «забракованную физиономию» мужчины ее мечты. Далее произошел скандал с режиссером, которому она заявила, что Челентано с Аленом де Лоном, вместе взятые, могут этому неизвестному мужчине ее мечты только пол помыть. Режиссер, напротив, настаивал на том, что забракованный типаж может тому же Алену «зашнуровать валенки».

Покончив в письме со скандалом, звезда извинилась за цитаты и просила телеграфировать, каким рейсом ей вылетать к человеку мечты и будут ли ее ждать у трапа.

...Кузен в который раз поцеловал письмо и почувствовал на губах ожог по крайней мере второй степени. Это благотворно сказалось на Вольдемаровом красноречии, когда он глаголом жег телеграфный бланк.

В «молнии», в частности, говорилось, что у трапа драгоценную звездочку ждут с тех пор, когда она появилась на экране еще в первой, пусть короткой, «но зато и без всех этих лишних слов» роли. Так что рейсом желательно вылетать ближайшим. Телеграмма заканчивалась убедительной просьбой пристегнуть ремень, «а также ноу смокинг».

О том, как относится руководство к тому, когда на него, точно снег на голову, обрушаются самолеты с обугленными от любви кинозвездами, пока не говорилось ни слова.

Горшок был видавшим виды. Щербатый, как корона, и местами ржавый, он содержал в себе... великую идею об исправлении семейных отношений.

Идея была воплощена в дымящейся жиже, способной дать луч.

Луч сперва никак не получался. То жижа не хотела дымиться, и приходилось лишний раз туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда ее заклинать. То заклинание бормоталось не по порядку, и от этого крышка падала на пол и приходилось начинать все сначала.

То вдруг крышка намертво припаивалась к горшку, и надо было отрывать ее совсем другим заклинанием, от которого жижа превращалась в пиво с плавающей в нем помятой трехрублевкой.

То луч вот-вот готов был «выпукнуться», но человек, для которого он предназначался, переходил в другое помещение, и, боясь промашки, колдунья гасила жижу.

— Туда-сюда, ах растуда-сюда,— кляла злую планиду колдунья, и от этого чей-то голос в горшке заводил атеистическую монотонную песнь.

Таксист достал из багажника два тяжеленных ярко-красных баула и получил от Кузена такие ча-

вые, что вытянулся по струнке; если бы у него была шашка, он наверняка сделал бы ею «подвысь». В лифте, как выстрел, раздался скрип двух кожаных модных пальто. Это Кузен вторично заключил Анджелу в объятия. Первый раз он это проделал на нижней ступеньке трапа, задержав тем самым высадку пассажиров огромного реактивного авиаляйнера. Краем глаза Вольдемар заметил, как побледнела стюардесса, и, не желая нарываться на неприятности (и так, слава богу, столько пришлось миновать всевозможных рогаток во имя встречи у трапа), в общем, избегая эксцессов со службами аэропорта и другими организациями, он деликатно, однако решительно вывернулся из рук Анджелы: «Идем же, дорогая!..»

Кузен проживал на втором этаже. Лифт давно уже там остановился, но какой-то другой, незримый и нерукотворный лифт все летел и летел вверх — очевидно, на его панели была нажата кнопка «седьмое небо».

Если бы внизу чья-то нога бесцеремонно не поступала в железную дверь шахты, люди могли бы узнатъ, сколько же поднимается кабина до седьмого неба.

Между тем снизу доносился грозный стук. Это был голос земли.

— Какое хамство! — прервав поцелуй, возмутился Вольдемар.— Не научились у нас еще стучать тихо!

На первом этаже, повернувшись к двери спиной, монотонно лягал железо Кузьма Послужной.

— Не балуй! — стал кричать он в промежутках между ударами.— Пользуешься, так не балуй!

— Милый, не обращай внимания,— сладострастно простонала Анджела, когда Кузьма Кузьмич, спешащий к ревнивой жене на обед, в конце концов

заставил влюбленных со скрипом оторваться друг от друга и выйти из лифта.— В жизни и не такое бывает,— с философской грустью добавила сна.

— Статус ин стату!.. — в ответ погрустил при помощи латыни Вольдемар.

Афоризмы древних хороши тем, что любой из них — универсален. Любой из этих афоризмов в любой ситуации производит эффект, даже если слушающие знают его значение.

С таким же успехом Вольдемар мог бы сказать: «Аве Цезарь, моритури те салютант!», или «Симилибус курантур», или даже «Сик транзит глория мунди...»

Вульгарно употребляемая латынь Кузена окончательно сломила кинозвезду.

Свадьба была назначена на сегодня.

С горшком творилось неладное. Он стремился парить в воздухе и взахлеб гундосил:

— Суеверие есть пустая, ложная вера, связанная с представлением о существовании сверхъестественных сил.— Голос с шумом набирал воздух и продолжал нараспев: — К суевериям относятся вера в судьбу, вещие сны, колдовство, гадания, приметы, разного рода пророчества, знахарство и тэ-пэ. Все виды суеверий являются пережитками древних верований, возникших на основе невежественных представлений наших далеких предков об окружающем мире, о причинах происходящих в нем явлений!.. К-хе... Может быть, есть вопросы?

Есть.

Знаете, как звали Анджелу по паспорту?.. Думаете, Фекла? Агафья? Прасковья? Харита? Евлампия? Фима?.. Нет, нет и нет!

По паспорту она была Анджелой. Родители с пе-

ленок готовили свою дочь к многотрудному сиянию звезды. Оттого имя было подобрано соответствующее. Кроме него Анджела Гарбузенко получила вилку в левую руку, а нож в правую. (Сейчас ей уже было что есть, по-настоящему пуская в ход эти инструменты).

Так что родители ни в чем не ошиблись.

Безошибочно были привиты и остальные манеры. Во-первых, томное покачивание ресниц. Во-вторых, оттопыренный мизинец, если в руке — чашечка кофе или рюмка, или штанген-циркуль (в одном из фильмов она играла фрезеровщицу). Затем, естественно, частая смена туалетов — по пяти раз на дню. Слово «пеньюар» Анджела произносила без «р», и получалось так:

— Где же мой утренний, воздушный, милый пеньюа-а?..

Иногда все это замечательным образом сочеталось в ней с деловитостью автобусного контролера.

Вот и сейчас Анджела заявила, что пойдет в ЗАГС и все устроит, а к вечеру, дескать, и распишемся. Однако ее возлюбленный лишь снисходительно усмехнулся:

— Руководство так не расписывается.

— А как же расписывается руководство?

— Руководство посыпает человека в черной «Волге» и тот через полчаса привозит оформленные документы.— Вольдемар хотел добавить: «И даже фотокарточки с якобы посещенными Дворцом торжественных событий, достопримечательностями и так далее». Но не сказал этого, понимая, что для таких фантастических фотокарточек у него слабоват становой хребет.

Тем не менее, Кузен снял телефонную трубку, набрал номер и поговорил с неким гражданином Граждановым, который через десять минут при-

был за документами, а еще через полчаса — хотите верьте, хотите нет — доставил документы назад.

Заглянув в них, Вольдемар отпустил Гражданова:

— Мы довольны вами.

Свадебный ужин состоялся в лучшем ресторане города.

Кинозвезды сразу узнали, перестали жевать, по вскакивали со стульев, грянули в оркестровый микрофон, наша, дескать, несравненная!.. присутствует... немыслимая честь... за ее бессмертное здоровье!.. горько!.. И пошли бешеные танцы.

Ужин был заказан а-ля нездешняя жизнь. Кузен и Анджела выпили по рюмке натурального столового бордо и принялись закусывать страсбургским паштетом из гусиной печени, лyonской колбасой, сыром бри, камамбером, грюйером, овощным салатом, заправленным оливковым маслом и уксусом. Были отведаны галантины, ветчина, моллюски и канапе со всевозможными наполнителями.

Минеральная вода пощипывала языки брачующихся.

Вино наливалось из бутылки, завернутой в салфетку. Когда метрдотель наливал по первой, он показал сперва бутылку Вольдемару и налил ему пробный глоток. Какой-то нетрезвый малый попытался было читать Анджеле блоковскую «Незнакомку», но уже после строфы со шлагбаумами и испытанными остряками был приглашен швейцаром и спортивного вида человеком на пару слов и больше не вернулся.

После этого зал немного отвлекся от молодых. Реже стали звучать микрофонные здравицы в честь невесты, и она получила возможность спокойно перейти к утке по-руански. А Вольдемар — к обжа-

ренному на гриле «шатобриану» с картофелем, жаренным во фритюре.

Отопырив пальчик, Анджела подняла рюмку куэтро, Кузен чокнулся с ней арманьяком.

Соусы были остры и пикантны.

Листья пальм трепетали в струях вентиляционного воздуха.

Дыша духами и туманами, Анджела потягивала свой куэтро. А затем и гранмарнье... Безупречную, а в иных ракурсах, пожалуй, неистово безупречную фигуру этой женщины стягивали упругие сиреневые шелка, которые дышали поверьями нового времени.

Светильники, хитро сработанные дизайнерами, призваны были генерировать в посетителях столь же пикантные мысли, как знаменитый каннский соус «натали». Вольдемар казался смуглым. В полутемном зале белки его глаз вспыхивали, как фарфоровые детали в санузле. В очередной раз они вспыхнули, когда женский бас заверил присутствующих: «Я пригласить хочу на танец вас, и только вас!..»

Жених послал с официантом пять рублей (н-да, не франков) — и оркестр моментально перестроился на замечательную песню неизвестного автора «Дядя Ваня».

Анджела прослезилась.

Были поданы кофе, ликер, кондитерские изделия и, в конце концов, счет.

Метрдотель сопровождал блистательную пару до гардероба.

И хоть они и так уже уходили, с видом оголтелого романтика шестидесятых годов Кузен предложил:

— Давай убежим отсюда?

— Куда?

— Туда, где ты уже прописана. Начальство любит, чтобы жена не знала хлопот насчет соблюдения паспортного режима.

Водитель заказанного таксомотора успел заснуть. Вольдемар растолкал его смятой купюрой.

Колдуны поняла, что наступил решительный момент. Горшок она уже укротила, и — самое главное — объект (так условно назывался добрый моло-дец, которого она держала на мушке) находился в неподвижном состоянии за стеной. Вот она и при-целилась, бормоча «курочное заклинание».

Молодец действительно находился за стеной. Он сидел в соседней комнате в кресле и придумывал, чем бы порадовать колдунью, чем бы угодить ей.

— Мамтона! — крикнул он ей.— Хошь, плафоны в люстре протру?

«Ишь, подлец... Я т-те протру! Сам в плафон превратишься!»

Добрый молодец по имени Феофан вооружился тряпкой-пылевкой, культурно постелил газету на стул, взобрался на него и принялся освобождать полиэтиленовые плафоны от пыли.

«Ага, ага, вот так и стой», — с видом фотографа прищурилась Мамтона, которую нам с вами привычнее все-таки будет называть Теть- или Бабтоней. В матери она нам, наверное, все-таки не годится.

Итак, женщина, глаза которой видели даже сквозь стену, целилась в зятя из волшебного ночного горшка. Заклинание подходило к концу. Еще минута-другая — и некий луч поставит на дальнейшей судьбе Феофана жестокую отметину: этот человек станет обладать «свойством исчезновения в воде».

Поистине неутомимой в своих зловредных происках была эта самая Бабтона.

Нерукотворный лифт, повизгивая и поскрипывая тросами, приближался к небу № 7. До оного было

уже рукой подать. Молодые только что прибыли из ресторана, возвращение из которого сии, как вы помните, назвали побегом.

Кто знает, для чего им понадобился этот самообман. То ли как жертва импортному Бахусу. То ли для ощущения сумасбродной красоты происходящего. А может быть, даже для простенького, близкого любому человеку юмора.

Разуваясь в прихожей, Анджела подумала: если бы тот хам не вынудил их днем выйти из лифта — неужели они так до сих пор там и стояли бы? Ведь седьмое небо начнется только сейчас...

Тетя Тоня добормотала «курочное заклинание», а зять Феофан спрыгнул со стула с радостным «Готово!».

Бабтоня дунула под крышку — и горшок благополучно дал луч!.. Однако объекта по имени Феофан этот луч на своем пути не встретил. Произошла промашка. По причине отсутствия Феофана на стуле.

Впрочем, нельзя сказать, что вышеупомянутый луч сработал впустую. Он встретил на своем пути другое препятствие.

Кузен надевал на прелестные ножки своей жены домашние тапочки и старался дышать в сторону. Ибо в его душе бушевал такой же безнадежный пожар, как тот, который обрисовала в письме Анджела Гарбузенко. Вольдемар боялся опечь ноги, обуваемые в тапочки, и вспоминал, как сперва по расчету хотел жениться на обладательнице этих конечностей. Он не без оснований полагал, что быть мужем знаменитой жены — выгодно во многих отношениях. В очень многих. Так что даже перечислять не стоит. Но потом...

Потом, когда он увидел ее не загримированной ни под какую фрезеровицу или другую нашу совре-

менницу, а спускающуюся по трапу, окутанную с головы до ног всячими поверьями,— он одной не-рукотворной спичкой совершил в себе поджог... И сейчас, когда все брачные формальности были позади, кроме одной, той самой, к которой, по мнению Вольдемара, и приближался лифт с нажатой кнопкой «5», сейчас, когда звезда исполнительского искусства находилась с ним на одной жилплощади и вся переливалась в своих шелках и томно двигала ресницами,— в общем, сейчас он решительно дышал в сторону и мысленно готовил не менее решительный монолог...

Но монологу этому суждено было явиться на свет не в устной, а, напротив, письменной форме...

Кузен взял жену на руки и отнес в спальню. Он положил ее на хрустнувшую костяной накрахмаленностью постель, поцеловал и заверил:

— Я сейчас!

Он выбежал в ванную, скинул, оборвав несколько пуговиц, одежду, открыл краны и шагнул под душ. «Дезо...», — не успел он додумать некую важную для него мысль, как вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног, в глазах бешено проносятся яркие пятна, а мокре тело непонятным образом начинает обрасти чем-то вроде шинели...

Оскорбительно серый, холодный рассвет застал Анджелу, истомившуюся в неведенье и отвращении к негодяю, надругавшемуся над ней своим подлым исчезновением, и теперь натирающую виски одеколоном «Саша» и подсчитывающую гадкие окурки в пепельнице. За эту ужасную ночь она выкурила ровно полпачки.

Саша с коробки одноименного одеколона был подозрительно похож на пропавшего супруга. Саша лицемерно корчил респектабельность и мужское

достоинство, и в висках от этого еще сильнее били кувалды.

Из ванной доносился шум душевых струек. Вода лилась всю ночь. «Я ему не прислуга», — постановила еще в начале одинокой ночи Анджела и принципиально не выключала воду.

Но сейчас покинутой, изгоревавшейся жене захотелось освежиться, и, сделав воду попрохладней, она приняла этот душегубский душ.

Впрочем, ничего страшного не произошло, кроме того, что Анджела действительно почувствовала себя лучше, ведь Бабтонин луч поразил одного Вольдемара, не зацепив ни одного волоска на кино-звезде.

Она вытерлась полотенцем, накинула махровый халат и — закрутила краны. В тот же миг — только прекратился ток воды — под душем появился Кузен. На нем была музейного вида шляпа, сапоги, а правую руку он заложил за борт шинели... Анджела в ужасе взвизгнула и убежала. Она заперлась в спальню.

Через минуту после появления необычный наряд Вольдемара исчез, и, оставшись, в чем мать родила, несчастная жертва Тетьтониного колдовства горько заплакала.

Наплакавшись, жертва облачилась в костюм, в котором вчера вечером кормила и поила свою невесту-жену в ресторане, и постучала в дверь спальни.

В ответ послышалось:

— Можешь собирать вещи и — на все четыре стороны! Между нами все кончено!

Вольдемар разозлился на такую постановку вопроса о жилплощади, толкнул дверь ослабевшим вочных приключениях плечом, но ничего ни от замка, ни от петель, ни от самой двери не добился.

Жена перестала отвечать на вопросы, мольбы, увещевания, клятвы в верности и угрозы.

Тогда он ушел в другую комнату и сел писать на ее имя объяснительную записку, с тем чтобы подсунуть последнюю под дверь.

Размазывая по лицу неуправляемые слезы, Кузен письменно сообщал:

«Любимой и незабвенной
в личной жизни и на
полях сражений жене А. Гарбузенко
от
супруга, страдальца
и бывш. императора К. Вольдемара.
Cher ami! *

В проклятом доме № 4 возможно все, и если бы это произошло не здесь и не со мною лично, то никогда бы не поверил и высмеял, как лживую неправду. Однако, только упали на мое разгоряченное твоим приятным обществом тело первые капли душевой воды, как перевернулся мир, и меня, невзирая на мое несогласие, занесло... в дорогую, мрачную карету, ползущую по отвратительному тракту и окруженную войсками. Сперва я думал, киносъемка идет, дождусь как-нибудь конца, получу свои семь пятьдесят, или сколько там платят у вас за участие в массовке, и расспрошу твоих коллег, как поскорей домой добраться. Не тут-то было! Какая к чертям массовка! Карета остановилась, подскакивают какие-то с аксельбантами и на чистейшем иностранном шпарят:

— Какие, ваше императорское величество, извиняемся, будут дальнейшие указания?

---

* Дорогой друг! (Франц.).

Чувствую, знают, подлецы, как к начальству обращаться. Тронул меня такой подход, увлек.

— А что,— спрашиваю,— произошло? Доложите обстановку.

— Обстановка,— рапортуют,— самая что ни на есть интересная. Предвидится большой шерше ля фам: перед нами неприятельская столица.

— Интересно,— говорю и всматриваюсь в очертания города, находя в нем некоторые признаки сходства с горячо любимым градом. После этого оглядываюсь вокруг и вижу изголодавшихся, недовольных военно-полевой жизнью солдат.

Догадываюсь обо всем, но на всякий случай на ухо одному аксельбанту:

— Какой нынче год?

— 1812!

Не имея никаких сомнений, валюсь в обморок.

Придя в чувство, вспоминаю, кто я теперь такой, и снова отключаюсь, потому что кто я — подумать страшно.

Пришлось им, короче, отпаивать мое величество коньяком имени меня.

Повеселев от одноименного напитка, а также от родившейся у меня интересной задумки, приказываю войскам ускорить марш и взять «неприятельский» город. С большим подъемом солдаты атаковали раскаленные по причине пожара белокаменные стены и, не встретив почти никакого сопротивления, а также произведя для устрашения выстрел картечью по Боровицким воротам, проникли в это самое что ни на есть сердце... Не стану, впрочем, более испытывать твоих, дражайшая Анджела, историко-патриотических чувств и доложу, что сразу же по расквартировании вызвал я к себе всю аксельбантско-адъютантскую сволочь, отобрал из них которые

посноровистее и распорядился незамедлительно отыскать дом дворянина Мусина-Пушкина:

— В доме никого и ничего не трогать, а лишь произвести обыск в библиотеке графа, изъять старинную рукопись, называющуюся «Слово о полку Игореве» и доставить мне. Предупреждаю: за мародерство — расстрел!

Теперь, cher ami, ты уже поняла, что вышеупомянутая задумка победила мою манию величия и императорский комплекс и состояла в том, чтобы, ориентируясь по обстановке, сделать все возможное для исправления горьких ошибок истории. Однако, как это странно... для того, чтобы избавиться от одолевавших меня долгое время порочных устремлений и замашек, мне надо было побывать в шкуре того самого... в общем, бывшего кумира...

Через полчаса бесценная рукопись была в моих руках.

— Ком се бо*, — возликовал я, — ком се бо!

В моей голове уже составлялся целый план дальнейшего торжества благородства, процветания искусств и наук, справедливого корректирования оперативных действий, но тут, дорогая, ты закрутила кран, чем прекратила подачу изъявшей меня воды, и я так несвоевременно вернулся оттуда сюда. Самое же печальное то, что рукопись вместе с настольным бельем, сапогами, шинелью, треуголкой и бутылкой одноименного напитка, которую я в момент закручивания проклятого крана держал в руках, растаяли, будучи неспособными переходить временную границу.

Увы и ах. А также — се ля ви...

Посему всемилостивейше прошу меня простить...

---

* Как это прекрасно (*франц.*).

Жизнь без тебя представляется мне жестокой и безнадежной, как ландшафт острова св. Елены.

И все-таки, не останавливающий отчаянным зовом личной жизни, имею долгом вновь покинуть тебя под водопроводными струями: битва при Ватерлоо ждет моего безотлагательного участия. В данном случае отправляюсь проследить за тем, чтобы все свершилось именно так, как и свершилось, и чтобы впоследствии (если ты не поспешишь отключить воду) я вторично отрекся от престола.

Прощай! Дело чести зовет меня.

Любящий тебя твой, надеюсь, все еще незабвенный супруг».

Листок бумаги с этим текстом был подсунут под дверь спальни. Анджела прочла, поняла и простила.

...Однако на всякий случай развелась.

ЮДОЛЬ ТАНЦА

— И что, на такие танцы можно приглашать дам? — с неподдельным интересом спросил Митя.

— Запросто, — пояснил Кузен. — Все равно они сразу же станут партнершами.

Задумался Ягидко: чему предпочтение отдать? Установке генератора вечной старости? Или — проведению вечера танцев?

Вчера к Человеку имени Саши прибежал возбужденный Феофан.

— Что ты мечешься по квартире, — заволновался Ягидко, — сядь, прекрати колотиться и доложи словами... Ну!? Что случилось-то? Может, теща — на одре зловещего самочувствия?

— Как же, дождешься от нее такого одра! — доложил словами Феофан. — Я тут... Короче, прочитайте один чертежик.

Ягидко степенно напялил очки и развернул ватман, точно государеву грамоту. Шевеля губами, он мало-помалу разочаровывался — и впрямь, как при чтении какого-нибудь пожелтевшего царского манифеста или реформы.

— У-гу... — закончил он разбирать чертеж, пососал дужку очков. — Я смотрю, тебе никак не надоест кустарницой заниматься... Думал уже, рацуху полезную мне принес. Нет, всего лишь изобретение.

Эдиссон из дома № 4 ожидал несколько иного эффекта и теперь расстроился.

— Но ведь это же даст определенные результаты, — пожаловался он. — Может, даже непредвиденные.

— Например, нобелевку? — вздохнул Человек имени Саши. — Ты, парень, кончай дурью маяться. Подумаешь: генератор вечной старости изобрел! А почему — не грудного возраста? Или, к примеру, — бальзаковского? Или — переходного?

Это были убийственные аргументы. Они наверняка бы заставили Феофана поджать хвост, если бы не дали возможности походить с козырного туза.

— Да будет вам известно, Александр Александрович, что мною произведена тщательнейшая калькуляция... А по ней выходит, что именно этот генератор — самый что ни на есть экономичный, сиречь дешевый!

— А в отношении топлива, сиречь э-нер-ги-и? — замахнулся козырной дамой трудящийся Ягидко.

— В том числе! — прищурился азартный Феофан. — В качестве топлива применяется популярный тонизирующий напиток «Пепси-кола». Так что дама ваша бита.

— А «Кока-кола» подходит?

— Подходит.

— Вот это-то и плохо.— Ягидко выудил из колоды короля, правда, неизвестно какого.— Мы не можем от них зависеть, от их, понимаешь ли, рыночной анархии!

Генератор вечной старости представлял собой обыкновенный медный примус. Но — с приставкой: пневматика плюс гидравлика, электроника плюс граммофонная труба. И сейчас партнеры, то есть собеседники — представили себе, как некая акула сжимает в плавнике, унизанном драгоценными перстнями, бутылку с темно-коричневой жидкостью, по собственной прихоти наливая из нее в топливный резервуар примуса или... *не наливая...*

Но Феофана и это не остановило:

— А король-то — гол!.. Имею в виду, конечно, некоронованных монархов прохладительных напитков.— Он сунул большой палец в рот и произвел звук выдернутой пробки.— В случае чего, мы их всегда к ногти нашим безалкоголем!

— То есть?.. — принял Человек имени Саши.

— То есть для данного генератора подходит обыкновенное ситро, кофейный напиток «Ячменный» и даже минвода «Оболонская»! Еще вопросы будут?

— Сколько можно задать?

— По одному не ошибетесь.

— Расход топлива?

— На генератор, имеющий радиус действия пол-двора, четырехлетний расход составляет... порядка... — Феофан вытаращился, припоминая калькуляцию, — одной бутылки... Везет вам, извиняюсь, в любви.

Ягидко приопустил плечи под тяжестью шестерочных погон и швырнулся под язык зернышко нитроглицерина.

Окончательное «добро» он, однако, Феофану не дал, ибо боролись в Ягидкиной душе два чувства.

С одной стороны, это, конечно, было глубокое почтение, испытываемое к технократическому гению Бабтониного зятя. С другой же — неясная, нашептанная всей интуицией опыта опаска... На мутновато-молочном дне этой опаски шевелилось чудовище всеобщей старости. Чудовище имело седобородую голову Мити и навеки застопоренно-ржавый часовой механизм девушки-старушки Анны, что указывало на попранную роль молодежи в циркуляции дворового жития. Да и мне-то самому для чего вечность, рассуждал Ягидко, я ведь почти уже до конца выполнил свой жизненный долг. Паразитировать не хочу и привычки не имею!

Впрочем, Человек имени Саши постановил с окончательным решением не спешить, все добросовестно взвесить, посоветоваться с компетентными жильцами, чтобы, так сказать, рассмотреть вопрос коллегиально. Или, как он сам сформулировал, рассмотреть вопрос во всеуслышание. Вот здесь интуиция опыта уже тянула руку «за».

А посему — быть вечеру танцев!

«А что,— подумал трудящийся Ягидко за всех, подумал в глобально-дворовом масштабе,— а что,— подумалось ему,— отдохнем, развлечемся, опять же, молодость вспомним, пообщаемся в свободное от работы, домашних хлопот и неприятностей время. Потанцуем, а заодно обсудим ряд актуальных проблем. До чего-нибудь договоримся, испытаем приятные чувства, поделимся воспоминаниями, окунемся в мир прекрасного и ненароком прослезимся от всего этого, от света наших душ, от тайнств искусства... Итак, почему бы не потанцевать, граждане жильцы!»

Ну, ясное дело, объявления. Плакатным пером, зеленой, красной и черной тушью. На дверях каждого подъезда. Лукавая витиеватость, скорбь грамматики, энтузиазм, красота и всеобщее недоумение. А затем — индивидуальная агитация. Со списком по квартирам. Категорические галочки...

Выход из квартир в приподнятом настроении по сигналу увертюры.

... — Рм-па-па, рм-па-па! Пурум-па-па!.. — увертюра.

Выход.

— Они что там, чокнулись? — Митя на ухо Ягидко. — Кого они нам прислали?

На импровизированной эстраде из трех стульев — бритый ударник с огромным барабаном и коротышка в надвинутой на глаза шляпе. У последнего — похожая на разогнутый и слегка потоптанный саксофон дудка.

— Остальные творческие коллективы уже разобраны. Так мне объяснили, — развел руками Человек имени Саши. — Всеобщее шефство: вы — нам шефы, мы — вам шефы. Все друг над другом шефы, круговая порука, миграция представителей, обмен творческим опытом с одной стороны, и жизненным — с другой.

Первые, самые любопытные звезды уже взирали с чистых сентябрьских небес на забавный оркестр-дуэт. Увертюра пошла, выражаясь по-музыкальному, на коду. То есть «на нет», под уклон; она покатилась по наклонной плоскости навстречу неизбежному окончанию, тлену и краху. И закончилась потрясающим, берущим за душу, в смысле — настораживающим победным крахом; глумясь над музыкальным инструментом, ударник вложил какую-то

грешную, донельзя приземленную мысль в колотушку, которой так отдал свой барабан, словно тот уже давно был должен музыканту энную сумму денег, а сейчас объявил, дескать, мол, никогда ничего ни у кого не брал. Дудник (как иначе его назвать, никто во дворе не знал — не трубачом же, в самом деле), так вот этот самый дудник в свою очередь попытался добиться от соответствующего инструмента всего, что этот инструмент был способен дать. Дудка зашлась каким-то скрежещущим госпитальным кашлем, и показалось, что у нее сейчас отойдет флегма.

Вышедшие в приподнятом настроении переглянулись. Теттоня сказала, что ей страшно.

Но уже было поздно. Ягидко разбивал присутствующих на пары.

В паузе после увертюры немного успокоились и организованно поаплодировали.

Тем временем во дворе стремительно вечерело. Звездные ростки напористо взламывали небесный асфальт, протискивались из него, шевеля любознательными усиками-лучами. Над гаражами поднимался тяжелый мигреневый месяц. Митя попросил у музыкантов один из стульев, взобрался на него и включил дополнительное освещение — трехсотсвечковую лампочку, свисающую на проводе над окованным железом доминошным столом без лавок (забивавшим «козла» приходилось ежевечерне выносить из дома табуретки; зато во дворе никогда не бывало варягов из других дворов и улиц, варягов, засевающих почву разноцветьем алюминиевых пробок-«бескозырок»). Что касается трехсотсвечковой лампочки, то она включалась простым вворачиванием в патрон.

И вспыхнула лампа, и стул был возвращен культ-массовых дел мастерам, и, покашляв, бритоголовый

ударник влез на так называемую эстраду и заявил, что ансамбль называется «Искривление пространства». И присутствующие почувствовали какое-то щемящее, безотчетное сожаление и постарались приглушить его мыслями о том, что все равно, дескать, отдохнем, развлечемся, опять же, молодость вспомним, пообщаемся в свободное от работы, домашних хлопот и неприятностей время. Потанцуем, а заодно обсудим ряд проблем. До чего-нибудь договоримся, испытаем, несмотря ни на что, приятные чувства, поделимся воспоминаниями, окунемся в мир прекрасного и ненароком прослезимся от всего этого, от света наших душ, от угрожающих (в чем уже не приходилось сомневаться) тайнств искусства.

— Итак, почему бы не потанцевать, граждане жильцы! — поднялся на свой стул дудник. Из-под натянутой на глаза шляпы он смотрел на граждан жильцов холодным взглядом безразличия и снисхождения. Конферанс у «Искривления пространства» был тысячу раз отрепетирован, взубрен до тошноты и протерт до дыр.

Сквозь эти дыры пробивались запахи хлорки и застоявшийся сигаретный перегар.

— Что вы нас уговариваете? — сказал кто-то нетерпеливый — вероятно, всегда на все готовый.

— Давайте вот что... — Ягидко тоже почувствовал, что, если пауза продлится, начнутся вопросы всякие, высказывания, отлучки и другая неорганизованность. А может, даже щутки. — Давайте уже начнем. Четность обеспечена, без пары никто не остался. Кавалеры закреплены за дамами. Дамы — за кавалерами. Можно произвести вступительный аккорд.

Дальнейшие события проходили под знаком такой стремительности, таких, можно сказать, аллегро и престо, что если бы не Феофан (собравший за

минуту до этого ключи у жильцов и ушедший зажигать свет во всех квартирах дома: для парадного освещения двора), то черт его знает, чем бы все это могло кончиться...

Но началось все с потребованного трудящимся Ягидко вступительного аккорда. Аккорд почти сразу же был «произведен» — впрочем, не то чтобы аккорд, а... Ударник громыхнул смертноказневой дробью, его низкорослый напарник протянул трель, похожую на потустороннее лошадиное ржание. Эхо подхватило этот выбирирующий музыкальный эпиграф и заметалось с ним по двору, как кошка по горящему дому. Пары зашевелились, неловко двинулись, наталкиваясь друг на дружку, постепенно выровняли унылый, а затем все более и более стремительный шаг, и нервной муравьиной рекой зашелестели вокруг возвышающихся музыкантов. Звезд на небе было уже ровно столько, сколько их максимально отводится для восприятия человеческим глазом,— даже обычно протестующая в таких случаях луна была не в силах ничему препятствовать.

Так, но крайней мере, казалось.

Темп исполняемой музыки убыстрялся. Барабанщик вновь отвоевывал у инструмента кровную десятку (или меньше). Барабан держался при этом молодцом: нет, и все! Никогда! Выкуси, понял?! Дудник раскатисто трубил. Где только в его тщедушном тельце помещалось столько воздуха — раскаленного, как жидкое стекло? Шляпа, стискивающая голову, не давала последней взорваться. Вместо шнурков ботиночки стягивала медная проволока: кое-кто заметил эту деталь и призадумался.

Пары не то чтобы кружились, а как-то подскакивали, взбрыкивая ногами, и — тасовались, тасовались... Словно никак не могли стать в единственно верном порядке, и как будто в этом нащупываемом

порядке был некий высший смысл и высшая гармония. Структуры взаиморасположенности возникали и отбрасывались, эмпирически вычислялись и вновь зачеркивались и, похоже, осуждались в молчаливой сосредоточенной суете.

Шла музыка. Шла тяжелая, синкопированная, противотанковая. Один из медных шнурков на ботиночках треснул. Ударник настаивал на невозможном. Перерытая обувью почва поднималась урожайстой, энтузиазной пылью. Хотелось кричать. Дамы так запустили маникюр в откормленные жареной картошкой плечи кавалеров, что о расформировании пар не могло быть и речи. Но ее в самом деле не могло быть. Наступила ночь, и в ней время от времени вспыхивали новые и новые окна: это Феофан, подбирая соответствующие замкам ключи, врывался в квартиры и зажигал люстры.

Примечательно, что никто не крикнул и даже не прошептал: «Да что же это творится, люди! А совесть-то, совесть, а?! Да нас же... нас...» Происходило дикое, захлестывающее, нарастающее в абординно-перетасовочном порядке. Серпантинны обезумевшего вальса. Клокотание варева. «Какое там прослезиться свету душ! — думали наблюдательные.— Какое там развлечься, отдохнуть в свободное от неприятностей время! Какое обсудить вопросы. Какое поделиться воспоминаниями. И какое к черту по-об-щать-ся!.. Не только между парами, а и внутри каждой отдельной пары не возникало ничего похожего на коммуникабельность, если не считать всизвихшихся в плечи ногтей. Да, мы пришли отдохнуть, поговорить, развлечься и обсудить. Какое мыслилось мероприятие! Получше семейного пирога. Какие темы, какие замечательные вопросы мог-

ли бы поднять! А вышло так, что... танцуем под... под нее... Под чужую дудку».

Танец без остановки, без отдыха, без смены партнеров. Нива-нивушка без севооборота. Сколько уже прошло времени? Полчаса? Час? Больше? Чужая дудка молчала насчет отбоя.

Барабан подносил сюрпризы. Он ухал кузовом со студентами, несущимися в грузовике по ухабам. Ух! Оп! Береги лоб! Клубилась пыль, как растрясенная рессорами песня. И это только начало: какой, к черту, отбой! Стояла ночь, люди спали в городах и поселках мегаполисного типа, они видели в сне друг друга. Хлоп! — рвалась медь шнурков.

Свиные муссоны лихорадили какие-то далекие деревушки. В море исчезали деревянные шхуны, захлебывались двигатели, слепли маяки. Суша опускалась под воду, в тишину, в неузнаваемые царства. Пообщаемся, обсудим вопросы и отдохнем?.. Дом давно уже сгорел, и пусть кошка не мечется по нему. Даже, если она — эхо.

И пусть люди покрепче держатся друг за друга.

Свистопляска посреди ночного двора, озаренного тревожным всеоконным заревом. Будь у доминошного стола лавочки — варяги ни в жизнь не присели бы на них. Подальше, подальше от таких дворов! Имеешь каплю благоразумия — прочь! Дудка, чужой, раскаленный до свечения инструмент, командует и дымится слюнным паром. Сдавшийся барабан пытается выкупить статус кво.

...Не обошлось и без нестандартных пар. На Митю и на Ягидко дам не хватило. Решая организационные вопросы, Человек имени Саши прохлопал собственную жену — получилось так, что она вцепилась не в мужины плечи, а в пиджак дворника Мезоненко на ватной подкладке, вышедший из моды

лет сорок пять тому назад и поэтому теперь достаточно модный. В общем, трудящийся Ягидко танцевал с парнем из ПТУ Митей.

Оба они танцевали бы вполне спокойно и благополучно: музыкальный террор не давал окружающим возможности смущать парочку традиционными подначками. Но этот же звуковой деспотизм и убивал благоденствие Мити и Человека имени Саши. Выделявая какие-то безумные, не по возрасту хамские анттраша, Ягидко силился запустить в массы актуальной проблемой, требующей немедленного обсуждения. Он хотел, например, крикнуть: «Почему мусоросборочная машина, я вас спрашиваю, создает по утрам такой дикий шум?! Люди, которым во вторую смену, не имеют возможности нормально завершать индивидуальный отдых!» Ягидко знал доподлинно, что Послужной ответит ему: «А которым в первую, зато не опаздывают и красуются фотографиями на видных местах!» Затем подключилась бы и Теттоня: «Жилец должен идти по терниям быта, иначе в условиях урбаники и мало-подвижности он не жилец! Слушайте меня: Ягидко проводит чужую линию! Нам не нужен его голос; мы не будем к нему прислушиваться! Таких, как он, нужно соскабливать с общественного паркета железной метлой скандала!» Далее Человек имени Саши выступил бы с новыми аргументами апологии тишины, и таким образом получилось бы обсуждение. Обсуждение актуальной темы. Но — вы помните? — как выразился накануне Ягидко? «Доложи словами», — сказал он Феофану. А сейчас он и сам был не в состоянии докладывать словами. Наркотизирующие стенания чужой дудки не предоставляли никому ни слова, ни полуслова. Предоставлялось круговоротение, по своей идеальности напоминавшее нечто круглогодично-календарное.

Вспотевший не меньше танцующих Феофан обходил уже последние квартиры и делал это с угасающим рвением. Оглядывая из чужих окон юдоль танца, он все сильнее чувствовал тревогу: отчего никак не наступит пауза? И что за бешенство охватило всегда таких рассудительных соседей? И почему теща, обычно действующая «наособицу», ничем не выделяется из этой сумасшедшей толпы?

Ноги Бабтониного зятя тоже слегка пританцовывали, и сперва он не придавал этому особого значения, полагая, что «бацает по своей личной воле». Но на одном из этажей попробовал остановиться — **а н не тут-то было!** Попытался принять стойку «смирно» — ноги сгибались вприсядку. Не так чтоб уж очень лихо, но все-таки...

Тем, кто внизу, поближе к «эстраде», — им было похуже. Для них не существовало не только «смирно», но даже «разойдись». Над ними довлело какое-то безобразное, извращенное «кругом». Притом кощунственное. Притом перманентное, как ремонт в огромном старом помещении.

И лучи проходили сквозь пыль, напоминающую футбол на чердаке. И было нечеловеческое старание. И был грохот.

В подсвеченных облаках появлялись и исчезали оцепеневшие в ужасе лица супружов Послужных, Кузена, Бабtonи и ее дочери Людмилы, дворника Мезоненко, девушки Анны, старого писателя с четвертого этажа, Ягидкиной жены Кузьминичны и многих других присутствующих. Пары копытили землю и уносились, влекомые непреодолимой силой. Словно чудовищная пружина, к которой были прикреплены фигурки людей, сорвалась с предохраняющего крючка и теперь высвобождала вложенную в ее кольца энергию.

А Митя думал не о пружине, а думал он, что

упорное круговращение напоминает затачивание карандаша. Глобально-дворового карандаша-монстра. Но зачем затачивается и кому он нужен такой башенный, такой многотонный и нелепый — на это уже не хватало ума в ускоряющейся свистопляске...

Вращающиеся поближе к центру, поближе к так называемым музыкантам, видели, что дудник мето-дично приседает, выкачивая, как из помпы, звуковые вихри. Во внезапной паузе можно было бы услы-шать, как дребезжат оконные стекла, а в кухнях от вибрации движется по шкафчикам посуда, как с кастрюль сползают крышки, выкатываются в ко-ридоры и заканчивают движение центростремитель-ными спиральями. Но внезапной паузы не предвиде-лось. Похоже было, что в мире все внезапное исчер-палось. Ибо сгорело в топке музыкальной магмы, способной сейчас перекричать даже пожарную сире-ну. Но никто с этой сиреной сюда не мчался, ибо внезапность исчерпалась, а с сиреной мчатся в сто-рону внезапности... Голос барабана переменился, стал тяжелей и как бы освобожденней: барабан умер.

Барабан умер и, не сопротивляясь, давал возмож-ность выворачивать свои карманные темные глуби-ны. Барабанщик помещался в них во весь рост и пу-тешествовал, как спелеолог в пещерах. Его колотуш-ка запылала факелом, с которым этот человек углубился в лабиринты, украшенные сталактитами окаменевших долгов. Колотушка поднимала со стен стаи слепых птиц и летучих мышей, но изнанка скончавшегося инструмента пугала барабанщика не больше, чем опытного прозектора.

«Ничего себе вечер танцев!.. — в тысячный раз повторяли про себя жильцы дома № 4.— Ничего себе отдых и развлеченье». Уже никто не сомневал-

ся, что это никогда не кончится... Теперь уже — никогда!

Те, что поумнее, постарались расслабиться, не помогать своим ногам — ведь ноги и так несли. Эксперимент дал отрицательный результат: «расслабившиеся» быстро убедились, что занимаются самообманом. Калории сгорали в мышцах, как солома. Отдых после рабочего дня был что-то уж больно активным. Лишь самые мужественные находили в себе смелость смотреть на лица окружающих; лица были покрыты масками из черной жижки — пыль смешивалась с потом и оплывала под воротники. Танец продолжался, продолжался, продолжался. Танец, не поставленный балетмейстером. Танец, генетически заданный, танец, начавшийся в добиблейские, хаосно-космические, искривленно-пространственные времена, в те времена, когда еще не было времен и народов, «пепси-колы» и планет, слова и дела. Танец, оставшийся в наследство от предыдущей Вселенной. Танец продолжался, продолжался, продолжался. Музыканты больше не возвышались: стулья под ними вросли в грунт по самые сиденья.

Чтобы не думать о страшном, Митя мучительно припоминал затуманившуюся таблицу умножения; Бабтона — мысленно пела колыбельные. Апробация заточенности карандаша была возложена на пэтэушника Митю: он подчеркивал наиболее сомнительные места в повторяемой таблице, ставил «нотабене» и жирно-красные восклицательные знаки. Существуй хоть что-то, похожее на коммуникабельность, Митя украсил бы таблицу умножения «гулями», которые «сели на воротях в червоных чоботях». Потому что математика утратила признаки абстрактной дисциплины, получив наконец возможность намотать онучи, обутаясь в красные сапоги и усесться на вратах.

На вратах, от которых был ключ только у Феофана.

Пыль скрыла происходящее и от звезд, и от месяца. Светила больше не контролировали события во дворе дома № 4. Чужая дудка и покойный барабан получили полную свободу действий и орудовали безнаказанно в отгороженной от внешнего мира вотчине.

Но как же так?! Звезды и луна — это ладно, а вот куда, простите, смотрела в это время... милиция?

Милиция смотрела за порядком. Как и положено. Поэтому претензий никаких быть не должно.

Но, простите, о каком порядке может идти речь, если во дворе дома № 4 проходил вечер танцев!..

Это ничего не значит. Во-первых,

а) весь этот пресловутый вечер продолжался по принятому на земном шаре измерению времени всего лишь четыре минуты;

а во-вторых,

б) согласуясь с какими-то, до сих пор неоткрытыми законами природы, звуки этой, с позволения сказать, музыки за пределы двора не проникали.

Вот в чем вся штука. То, что происходит всего лишь четыре минуты, к тому же раз в тысячелетие... — за этим, знаете, уследить практически очень трудно. Претензии отклоняются, кстати, и потому, что все, начиная с пятой минуты, превосходно уладилось. Без какого-либо вмешательства извне. И даже все остались довольны. И на последующих вечерах танцев вспоминали как приятное и радостное, от чего всегда хочется прослезиться...

В пылевом облаке тасовались пары. Симметрии в рисунке танца не предусматривалось. А без нее не выходило ни кружев, ни тем более орнамента во всеобщем движении — столь привычных в выступ-

лениях заслуженных танцевальных коллективов. Да и вышивать было не на чем: стараниями барabanщика и дудника канва рвалась в клочья. Однако никто по этому поводу не выражал никакого протеста. Люди чувствовали полное изнеможение и, повторяя, пытались забыться — кто в немом исполнении колыбельных песен, кто в ревизии математических аксиом, кто просто при помощи сна, погружаться в который, как известно, можно и в вертикальном положении, на ходу. Воздух, которым дышали танцующие, состоял преимущественно из мелких частиц глины, органических соединений, паров воды, выделяемых разгоряченными телами, но более всего — из... музыки. Ее флюиды, вытесняющие из атмосферы двора молекулы кислорода, несли каждая в себе информацию об исполнителях, об их творческом и жизненном путях, о привычках и характерах, о высокой сыгранности и даже о мелких бытовых удачах и неурядицах, сопутствующих любому человеческому существу. Кузену вся эта информация была не только неинтересна и скучна, но и угнетающее противна. А вот Послужные мотали ее на ус, поскольку вообще интересовались «окружающей конъюнктурой». Так, им стали известны имя одного завмага и магическая формула, открывающая доступ в его подсобку: «Зинаида Васильевна велела кланяться...» Как видим, в этом вечере танцев было не только плохое... Радость супругов Послужных омрачалась только тем, что воспользоваться поклоном всесильной Зинаиды Васильевны, к сожалению, не удается: окончания вечера танцев (об этом также информировали флюиды) не предусматривалось.

Танцы продолжались, продолжались, продолжались!

Аксиомы земного времязисчисления были опорож-

нены и выброшены, как пустые банки из-под ставриды. В этом «веселье» для танцующих прошли годы...

На Феофана, как уже отмечалось, музыка воздействовала слабее, чем на жильцов, находящихся непосредственно у «эстрады»: сказывалось расстояние. Но и он чувствовал, что бегает с этажа на этаж уже довольно значительное время.

Все люстры в комнатах, выходящих окнами во двор, были зажжены. Мраком была наполнена только квартира Феофана — он оставил ее напоследок, потрафляя Бабтониному скупердяйству. Старушка страсть как боролась за экономию электроэнергии, учиняя в семье образцово-показательные свары.

Глупый, гениальный, странный человек, похоже, не отдавал себе отчета в том, что теща его больше никогда не возвратится со двора; он разулся в прихожей, хоть и не любил ходить по дому в носках — но этого требовал устав Тетьтони.

Включил люстры и кухонный абажурчик и устало выглянул в окно. Глаза сразу же запорошило пылью. Позвякивая связками ключей, раздувших карманы подобно брюшкам умерших рыб, Феофан затанцевал в ванную — умыться. Но с полдороги вернулся... Ибо только сейчас до него дошло: а ведь не танцы все это! И не музыка!.. Он снова выглянул в окно, однако вновь увидел только подсвеченные пылевые облака, а то, что происходило внизу, на земле, было скрыто от его взора и потому казалось еще более чудовищным, чем являлось таковым на самом деле. Феофан понял, что единственный, кто спасся,— это он. А остальные находятся в безвыходном положении, с волей, парализованной «музыкальным» дурманом.

Засоренные глаза Бабтониного зятя очистились

горючими слезами. Рванув ворот импортной тенниски, он двинулся в прихожую с намерением присоединиться к товарищам... Но — не присоединился. Потому что «так он и сам погибнет, и других не спасет».

«Надо оказать им хотя бы первую помощь! — пританцовывал Феофан на одном месте, как человек, которому приспичило.— Но какая же первая помощь годится для данного случая?» Он решил: все-таки санитарная.

Перерывая тещи балкон, изобретатель ощутил всю глубину своей медицинской невежественности; назначения хранящихся там веществ, растений и животных тварей Феофан не знал; его тщетные, слепые действия увенчались лишь тем, что проснулась жутковатая семейка шершней.

Феофан отпрянул. Но насекомые без вреда для него повели в воздухе хороводик-водоворот, как и люди, проклиная чужую дудку. И поставил Феофан свой генератор на подоконник — пневматика плюс гидравлика, электроника плюс граммофонная труба. И ражим рывком кинулся в кухню к холодильнику. Не найдется ли хоть полбутылочки «пепси-колы»?

Не нашлось...

Даже эрзацев никаких, как назло, не было. И тогда принял мессия оперативное, боевое решение — набрал кружку обычной воды из-под крана, влил ее тонкой струйкой в резервуар примуса и, отбивая зубами чечетку страха, навел граммофонную трубу на центральную часть пылевого облака... «Риск-к-ккованно? — стучали зубы Феофана.— Д-да, риск-к-ккованно!.. Но друго-го-го-го-го выхода не вижу: подъезд выходит-т-т-т во двор, так что, если побегу в прод-д-д-дмаг за «пепси-колой», меня сразу засосет в та-та-та-танец!»

В конце концов, решил Бабтонин зять, посмотрим, чем нас потчуэт водопровод...

И были выведены рычаги на запуск. И насосик «закачал давление» в примусный резервуар. И щелкнула пусковая кнопка. И засвистело в граммофонной трубе трансформаторным раздражающим свистом. И зачавкала и засербала гидравлика. И пукнула трижды пневматика. И ощущил в себе Феофан силу неистовую, и воспарил к полыхающей люстре, сбросив груз многих ударных напряженных лет...

...и когда улеглась пыль, люди обнялись со счастливыми лицами и вслушались в серебристую тишину вечернего города, в робко-далекие автомобильные сигналы и медовые телевизорные увершевания из соседнего двора. Окосевшие от своей музыки ветродуи бежали, никем не перехватываемые и без сопровождения улюлюканьем, которое было бы в данном случае вполне логичным. И правомерным.

Но жильцам дома № 4 по улице Сталечугунной было сейчас не до этих злых волшебников. Усталые, но счастливые, они возвращались домой: ведь благодаря одаренности Феофана и гениальному отсутствию в Бабтонином холодильнике напитка «пепси-кола», а также талантливой дозировке хлора в водопроводной воде, присутствующие в радиусе действия генератора сбросили по пятнадцать лет и более, почувствовав, как по жилам заструилась энергия *вечной молодости!*

Итак, все понемногу расходились по подъездам, в центре же двора остался стоять умиленный Сан Саныч Ягидко. К груди он матерински-нежно прижимал младенца.

Человек имени Саши легонько пощекотал мышь («Идет коза рогатая за малыми ребятами!..») и махнул рукой Феофану. Тот с ловкостью десантника, отличника, притом боевой подготовки, сиганул из открытого окна и через миг стоял уже перед Ягидко, которого звала с балкона помолодевшая, но встревоженная жена Кузьминична:

— Ты что это там, а? — кричала она голосом, в котором чувствовались слезы.— Ты это там откуда ребенка взял?.. Иди, кобель старый, домой, разговор будет!..

— Я ж говорю: везет вам в любви,— загыгыкал Феофан.— Ходок, ходок!..

— Да царь ты, дурак ненормальный,— притопнул Ягидко.— Что мне теперь делать после твоих экспериментов? А еще говорит: «вечной старости»!

— Другое горючее. Вышло так, что — молодости...

— То-то и оно. Как, скажи, мне теперь ей доказывать, что это — не мой?

— Как не ваш! Похож! Вылитый отец!

— Эх ты! — плонул Человек имени Саши.— Совсем отупел на почве гениальности. Да это ж — Митька!

Феофан ахнул и затылок почесал не без крепкого словца: точно, Митька, кто ж еще!

Звездам и эта потеха пришлась по душе — их стало еще больше, чем прежде. После сокрушенного молчания Ягидко сказал с твердостью:

— В общем, будем растить Дмитрия. Это ясно. Только... вот что... Давай застопоряй свой этот граммофон.

— Так вечная ж молодость!

— А зачем нам вечная? Ты что думаешь, Митьке всю жизнь интересно в пеленках провалиться? А детский сад, а школа, а деятельность, а шагать

в ногу со временем! Застопоряй, говорю. Сбросили
немного лет — и спасибо! Оно и так вроде незаслу-
женной манны небесной.

Феофан понурился и уже почти согласился с аргу-
ментами Человека имени Саши. Но тут раздался
еще один голос. Высокий, звеняще-скандальный,
сердитый:

— Ах ты ж мучитель проклятый! Ах ты ж душе-
губ ненасытный! Да чтоб твои железяки все поло-
пались!..

И так далее.

Голос этот принадлежал феофановской теще, Баб-
тоне. Она вышла на свой любимый балкон, а там...
Там вместо ее любимых шершней (она схватилась
за вполне здоровое теперь сердце) копошились
какие-то поганые личинки...

Закончилось все тем, что разъяренная врачева-
тельница столкнула генератор вечной молодости
в окно. Трах-та-ра-рах! — разбрзлся он вдребезги,
а Митя через шесть с половиной лет пошел в первый
класс.

СОСЕДКА СВОИХ СОСЕДЕЙ

Атеистическое

— Скажите, кто крайний?
— Здесь нет крайних людей.
— А что же есть?
— Крайние меры.

Поимку Сатаны назначили на пятницу. Во-первых,
число выпадало соответствующее случаю (13-е),
а во-вторых, чтоб не нести страшного впечатления
на производство — за выходные авось рассосется.

Необычному мероприятию предшествовала боль-
шая подготовительная работа.

— Как его извлечь из-под земли? — рассуждал трудящийся Ягидко.— Повестку туда не отправишь, дескать «предлагаю явиться... во столько-то, туда-то, с формой номер такой-то на руках».

Посмеявшись и над другими «отпадающими вариантами», повеселившись вообще и пошутив в частности,— столкнулись с интеллектуальным явлением психического свойства, называемым обычно озарением.

— Да как же мы сразу не догадались,— воскликнули народным хором,— обратиться к Бабтониному зятю! К мастеру на все руки Феофану!.. К энтээрсовцу!

...Энтээрсовец Феофан почухал затылок и сказал, что может сгодить некий протонный капкан низкой частоты и широкой амплитуды. Правда, для этого потребуется покупка некоторых радиодеталей, так что желающие принять участие имеют право сброситься по десятке.

Возражений не было.

Предвкусив успешное окончание подготовительной работы, все сразу разволнились, на неопределенный срок отвлеклись от телевизоров, а запасы продовольствия стали пополнять исключительно по привычке, да и то расхлябанно.

— Произошло что-то психологическое,— возвестил Кузьма Послужной.

Это было научным объяснением того, что теперь курящие затягивались глубже обычного, тихие вовсе затихли, рассеянные путали день с ночью, а задумчивые так ушли в себя, что рисковали вывернуться наизнанку.

Естественно, данное явление распространялось только на посвященных, иначе говоря, на лиц, сдавших по десятке.

Вот их список, составленный Тетътониным зятем:

Митя	10.
тр. Ягидко	10.
Послужные (2 чл. семьи)	20.
дев. Анна	10.
Кузен	25 (разменять и вернуть 15 сдачи!) (обещался в четверг)
Беллетрист	

Читатель заметил, что в списке не хватает как минимум еще двух имен — самого составителя и его эксцентричной тещеньки. Причина данного отсутствия в том, что свой пай Феофан вносил не превращенной в деньги работой по созданию аппаратуры.

Что же касается Бабтони, то ее намеренно решили в участники не зачислять: того и гляди, пустит все наスマрку.

— Имеет склонность к злословию и подстрекательству,— был вынесен единодушный приговор.— Отстраняем автоматически.

Выуживать дьявола из преисподней сперва намечалось в клубе ЖЭКа. Тут был двойной расчет: с одной стороны, что ни говори — подвал. Значит, ближе к подземным недрам. С другой — в случае чего, можно на скорую руку устроить проклятому товарищеский суд и строго и принципиально спросить. За все.

До суда, впрочем, дело не дошло. Феофан объяснил, что этажность в данном конкретном случае роли не играет, и вообще... такое мероприятие не значится в темплане клуба. Так что и по шапке могут врезать.

И вот наступили долгожданные день и час.

— Даешь князя тьмы! — поздоровался Митя с открывшим ему дверь Феофаном.

— Слушай, что вы задерживаете? — сказал Феофан.— Где этот старый балбес? Уже все в сборе.

— Ягидко? Так он же сегодня в школе выступает. Перед пионерами. Но, наверно, сейчас уже придет, он человек аккуратный...

— В общем, будем начинать без него,— отрезал Бабтонин зять.— Тут уже проявляют нетерпение. И вообще, в любую минуту теща может нагрянуть.

В одной из комнат Бабтониной квартиры сидели сдавшие по десятке. Люди нервожно, как бы с предвкушением того, что сейчас их позовут к именинному столу, переговаривались. Люди чувствовали себя как на празднике, как на премьере, как перед спуском нового корабля на воду. Вера Савельевна Посторонняя была пугающе напудрена. К тому же она надушилась тяжелыми и резкими, как мешочные удары, духами. Между ее губ была проведена тонкая черта помады. Иногда с них слетало: «Возьмем за рога...»

Но именинное впечатление гибло, едва взгляд падал на стоящий посреди гостиной холодильник «ЗиЛ».

Большой старый холодильник находился не только в центре комнаты, но и в центре внимания. Потому что это и была ловушка для Сатаны — на холодильнике стояла средних размеров коробочка, вроде как от обуви, с несколькими переключателями и колесиками настройки. Все дело было в этой коробочке, от которой тянулось пять-шесть проводков к задней, запыленной стенке «ЗиЛа».

— Ну, что? — спросил зять Феофан.

«С богом!» — подумал Вольдемар и перекрестился в кармане.

— Поехали? — спросил Феофан и, так как теперь все сидели не шевелись и молча, сам себе ответил: — Поехали!..

Он подошел к холодильнику и распахнул дверцу. Все увидели: внутри пусто. Зять еще полчаса назад вынул продукты и полочки и сложил на кухонном шкафчике.

— Врубаю сеть!.. — Он закрыл дверцу и включил вилку в штепсель.

Холодильник задрожал и заурчал. Супруги Послужные обнялись, как в лодке, которую подносит течением к водопаду.

Тем временем зять продолжал:

— Вывожу ручку реостата... шестнадцать... тридцать девять... семьдесят ровно!..

Пример Послужных оказался столь заразителен, что ему последовали остальные. Под электронный свист коробочки обнялись Анна и Беллетрист, а также Митя с Кузеном.

Коробочка посвистела, посвистела... Наконец в холодильнике что-то увесисто ухнуло, а затем стало стучать, как из застрявшего лифта.

— Наверное, все? — пожал плечами Феофан. — Я, в общем-то, не уверен... И к тому же тут были нужны японские батарейки, а оно, как назло, кроме элемента 373 «Орион-7», ничего под рукой не оказалось...

Из холодильника уже доносился угрожающий грохот.

— Это... Может задохнуться... — с видимым усилием разомкнул уста Митя.

— А если рано? — возразила Вера Савельевна.

— Он-то прибыл... Но, может, еще не весь?.. Может, подождем? — заволновался Феофан. — Может, копыта на полдороге?.. Ну, ладно, рискнем. В порядке, так сказать, эксперимента.

И открыл человек дверцу холодильника.

И отпрянули в страхе остальные шестеро. И некоторые из них, не размыкая объятий, даже вскочили

на мягкую мебель. И вывалившееся из холодильника исчадье ада стояло на четвереньках. И безумен был взгляд его. И на какой-то миг все горько пожалели о дерзости своей затеи.

И тогда Кузен вынул из-под пиджака иконку антикварную. И навел ее на дьявола. И смущил он тем самым последнего. И сказал тот:

— Ну, знаете!.. Вы эт-то что же!

— Он пошутил,— сказал во всем последовательный Беллетрист.— Впоследствии он раскается. Ведь мы призвали вас сюда совсем для другого...

— Вы что, тоже с ума сошли? — спросил Сатана и в свою очередь задрожал.

Это вызвало в сдавших по десятке очередной шоковый импульс, возвративший им способность соображать. Вот все и сообразили, что их так напугало: они ожидали увидеть черта с рогами, копытами и бородкой, а он явился в облике всем им известного человека по фамилии Ягидко.

— Чего вы хотите? — спросил дьявол в образе Ягидко.

— Объясним в порядке очередности,— взял на себя инициативу Митя.— Начнем, наверное, с Феофана, как с основного, так сказать, инициатора и вообще воплотившего...

— А почему не с нас! — перебила его Вера Савельевна.— Я, например, женщина. Мне — карты в руки.

— Да,— сказал ее муж.— Она женщина и так же, как и все, сдала деньги.

— Какие деньги? — не понял Сатана. Но ему не ответили.

— Давайте уже начинайте,— оторвался от приборов зять Феофан.— Не известно, на сколько хватит батареек.

— Правильно,— поддержала Послужная и обра-

тилась к князю тьмы.— Короче говоря, мы согласны подписать с вами купчую на предмет наших душ, а взамен, как положено, вы нам... Ну, в общем, что там положено?

— Положено,— объяснил Кузен,— раздать нам каменные доски с кабалистическими знаками, которые будут осуществлять воплощение наших законных желаний.

— Ах, вот оно что! — наконец сообразил Сатана и присел на дно холодильника.— А больше вам ничего не надо?

— Ну как же,— затрепыхалась Вера Савельевна.— Можно, кто захочет, и наличными. Мы, например,— она взглянула на мужа,— согласны.

— Подожди, Вера,— сказал тот.— Как, интересно, у вас,— обратился он к черту,— на предмет сбросить годков двадцать?

— А сейчас не ваша очередь! — возмутилась девушка Анна.— Я, между прочим, тоже женского пола, и передо мной вы не возьмете.

— Без очереди не давать! — поддержала ее общая масса присутствующих.

— А он мой муж! — стукнула по журнальному столику Вера Савельевна.— Он, может быть, за мной занимал! Мы вместе!

Поднялся большой галдеж: «С начальством такие ухищрения не проходят!»; «Да ладно вам, на всех хватит!»; «Батарейки!.. Батарейки!.. Заряд скоро кончится!»; «И я того же пола!»; «Заберите двадцать лет — и я уйду! Мне ж без сдачи!»; «Слушай, ты!»; «Слушайте, вы!»; «А ну, не напирайте!»; «Вы что, Зимний берете?»

Все кричали, толкались, размахивали сумками и дипломатами. Митя разборонял и за это получил пару раз под дыхало. Анна разрыдалась, кто-то ее утешал, кто-то выдвигал ящики серванта в поисках

жалобной книги... Митя выкрикивал, что сейчас придет Человек имени Саши и... и... не потерпит такого безобразия. Кто-то включал и выключал свет, но и это не действовало. Хорошо было бы пальнуть из нагана в потолок...

И тогда Беллетрист вздернул вверх кузеновскую иконку и:

— Господом-богом!!.. Да будьте же вы, в конце-то концов, взаимовежливы!.. Христом-богом... — и осекся, заметив, каким хмурым и зловещим стал Князь тьмы.

Между тем все притихли, опустили авоськи, привели одежду в порядок...

— Не подобает... — заговорил дьявол.— Никакой аккуратности и почти никакой справедливости. Вот вы, Кузьма Кузьмич, вы же старый и порядочный... Но в такой день... В день продажи души можно же быть хоть немного, хоть на ноготок умнее?.. В такой-то день!

Молчание и пристыженность...

Подействовали на людей речь дьявола и сам искрометный вид его. Подействовали так, как если бы это не черт был, а настоящий Ягидко — уважаемый труженик, борец за все светлое, справедливое и аккуратное. Ибо только ему до сих пор удавалось заставлять соседей стыдиться молча.

Однако самое интересное и изюмистое в этой истории то, что в ловушку действительно угодил никакой не Сатана, а Человек имени Саши, в чьем образе, как полагали участники мероприятия, явился нечистый. Почему так произошло? Скорее всего — из-за батареек. Нужны были, в самом деле, японские.

Что же до Человека имени Саши, то не мог же он допустить, чтобы Митина вера в Ягидкину принципиальную нелюбовь к безобразиям была подорвана.

Ибо как такому молодому Митьке-Дмитрию без веры?

Вот и решил старший проявить мудрость — раз уж так получилось,— заместить сатану, а, главное, провести мероприятие организованно.

— А вы,уважаемый Вольдемар,— продолжил сторонник индивидуального подхода в приведении аудитории в порядок,— вы же носитель такого широкого культурного уровня, что палец в рот не клади — откусите... А вот принесли предмет культа и обрядоотправлений.

— А вы... а вы... а вы... — Так он подверг каждого из присутствующих моральной гигиене. Затем объявил справедливую очередьность, приготовившись удовлетворить запросы каждого (естественно, в разумных пределах, для чего придется ссылаться на лимиты, межведомственную усобицу и т. п.).

Но как же, спросит читатель, с запросами самого Ягидко? Ведь и он значится в списке, а значит, и сам не с пустыми руками собирался уйти!

Наплевал на это Человек имени Саши. Наплевал он и на свою десятку. Потому что есть вещи поважнее прямой материальной выгоды.

Первой оформляться Сатана определил Веру Савельевне.

И только позажимала женщина на пальцах количества интересующих ее благ, только, подпудрившись, подступила она к дьяволу, только разомкнула свою узкую черточку помады, готовясь толково и доступно для любого черта обрисовать занимающую позицию, а, главное, не продешевить,— в это самое время вернулась домой Бабтона.

Хозяйка изумленно оглядела присутствующих. Присутствующие так же изумленно оглядели ее, полагая, что на самом деле это не Тетьтоня, а еще одно

мифическое существо. И, поскольку сидящий в холдильнике Сатана глядел на пришедшую со смущением, переходящим в откровенное раскаяние,— все решили, что это явился сам господь-бог или доверенный архангел его.

— Живо хлеб-соль! — шепнул Вольдемар девушке Анне, но ее крепко держал за руку Митя.

Бабтона опустила две полные хозяйственные сумки, с которыми до этого стояла как вкопанная, и сумрачно спросила у Сатаны:

— А что это ты, сердешный, здесь делаешь?

— Не виновен я,— взмолился тот.— Не по своей воле угодил в электронный капкан.

— Он... это... истинно глаголет,— подтвердил Митя.

— «Глаголет»? — призадумалась Тетьюния.— Слушайте, вы что, сектанты?..

— Никогда! — удариł себя в грудь Кузен и, опустившись на колени, поклянчил: — Вы пришли и уйдете, а нам тут... в юдоли... хлеб насущный... скажите, можно сделать с вас фотоснимок?

— Зачем? — еще больше насупилась Бабтона.

— Известно, зачем,— криво улыбнулся Митя.— Он знает, что за такой снимок ему обеспечен рай на земле! Но я думаю, что, скорей всего,— ад...

Обличительные слова молодого человека немногого расшевелили трижды пуганую за сегодня публику. Посышался опасный дискуссионный ропот.

— Послушайте,— обратилась ко всемышнему Верне Савельевна. Она понимала, что в любом случае уже обеспечила себе геенну огненную.— Послушайте, вы не могли бы прийти немного попозже? Не осложняйте обстановку, дайте нам закончить то, чего мы, по правде говоря, еще и не начинали... И вообще — что за странная манера: этот воплощается в одного соседа, тот в другого. Знаете, этак мы сов-

сем запутаемся! Я теперь уже не знаю, может, Митя — вовсе не Митя, а Мария из Магдалы? А мой муж — пророк Исаия! А я сама — не знаю даже кто... Как, интересно, после всего этого мы выйдем на производство? С какими чувствами и какими подозрениями?!

Высвободив руку из Митиного кулака, вперед выступила девушка, нежная, как часовой механизм.

— Я хоть тоже прекрасного пола,— обратилась она к Вере Савельевне,— и тоже рассчитываю на первоочередность в реализации десяти рублей, но все равно странно мне слышать, какие вы говорите вещи Ему,— при этом она указала на Тетью Тоню.

— Ты что на меня емukaешь? — удивилась в который раз Бабтоня.— С каких это, интересно, пор ко мне сюда приходят емукать!.. За кого это меня здесь принимают?

— Как за кого? — вставил слово и Кузьма Кузьмич.— За это... этого... всевышнего, в общем.

— С ума они, что ли, походили! — воскликнула сбитая с толку хозяйка квартиры.— Да что ж им, неизвестно, что ли, что всевышний у нас — девушка Анна!

После этих слов Кузен побледнел и фанатически уставился на девушку. А Вера Савельевна воскликнула:

— Ну! Что я говорила!.. Теперь должно оказаться, что Беллетристушка наш — никто иной, как Матфей, Марк, Лука и Иоанн, вместе взятые.

— Подожди ты, психованная,— продолжала, между тем, Бабтоня.— Я говорю, что на последнем, пятом этаже Анька живет, а я — на третьем.

Кузен перестал глязеть на всевышнюю в масштабах парадного девушку, а Беллетрист истерически рассмеялся. Однако, после того, как Кузьма Кузьмич по-деловому уточнил:

— Так вы что: не в облике? Вы взаправду? Вы обыкновенная Тетътоня-Бабтоня? Соседка своих соседей? Тю... — После этого все по-настоящему испугались.

Испугались, как признался бы каждый из них, нехорошим, пуганным страхом...

Ибо... судите сами: приходит домой ведьмоватая пожилая женщина, полноправная здесь хозяйка (лицевой счет оформлен на нее), — и застает непрощенных гостей, настроенных бог знает как, занимающихся бог знает чем и говорящих черт знает что.

Ощущение идиотичности ситуации пронзило всех, в нее попавших. Начиная с незадачливого гениального Феофана и кончая жалким благородным авантюристом Ягидко.

На последнего и навела Бабтоня комсомольские прожекторы своих глаз:

— Ты мне так и не ответил, что ты делаешь в моем холодильнике? Может быть, ты решил стать на старости лет моржом и по причине летнего тепла задумал устроить тут себе лежбище? Но разве у тебя нет собственных домашних условий!? Если нет, то давай, раздевайся. Здесь все свои.

— Бабтонь, вы не очень с шутками на него налетайте, — попытался уберечь ее от неприятностей Митя. — Видите, кто перед вами? Да он же всех нас тут одним движением брови может... низвергнуть в кипящую лаву ядра нашей планеты...

Тетътоня собралась задать и Мите какой-нибудь оскорбительный вопрос, однако Человек имени Саши интересовал ее сейчас больше.

— Это я сейчас кипящая лава планеты! — заявила она. — И если вы здесь собирались для того, чтобы предложить мне обмен этого трухлявого окорока на мои продукты, то можете давиться им са-

ми... Я же чувствую, в конце концов, что вы здесь по поводу какого-то обмена.

— Да,— гордо сказал Феофан.— Но насчет другого.

— Вот как? Интересно... — агрессивно улыбнулась Теттьоня.— Может, насчет обмена жилплощади? Не удивлюсь, если зять решил избавиться от тещи. И Ягидко для этого, конечно, очень кстати. А холодильник ему заместо трибуны, с которой он объясняет, куда и про что надо сигнализировать. А эти все,— она исподлобья глянула на десятирублевщиков,— наверное, уже предлагают варианты?

— У нас,— Послужная наставила на Бабтоню ладонь,— знаете, свои варианты. И обмен происходит качественно другой. А вы все перебиваете не-приглашенным присутствием! Ясно?

— Ах, ты ж... — выразилась не для художественной литературы грубиянистая Теттьоня.

— Просто свинство, понимаете,— удивился муж оскорбленной жены.— Вы же, ваше Сатанинское величество, или как вас там, вы что, не можете удалить отсюда эту неучастницу?! Эту несдатчицу входного взноса!

По комнате забегали возбужденные присутствующие. В поддержку Кузьмы Кузьмича они заскандировали: «Пусть ис-чез-нет! Пусть ис-чез-нет!..» Вольдемар кричал это, гоная на кровати с никелированными набалдашниками, как на батуте. Феофан, задетый за все живое, напрочь забыл об аппаратуре и размахивал руками. Вера Савельевна плакала и пила против слез поданную кем-то «пепси-колу». «Пусть ис-чез-нет! Пусть ис-чез-нет!»,— кричали все, кроме хозяйки лицевого счета и пока еще не развенченного дьявола. Митя дирижировал кричащими.

Этот крик стоял до тех пор, пока Бабтоя не пригрозила вызовом милиции.

— Вот сейчас пойду и вызову,— сказала она.

— Чепуха,— ответили ей.— У нас тут вот кто есть,— и показали кто рукой, кто взглядом на Сатану.

— Не чепуха,— ответил последний.— Лучше всем нам уйти. Милиция в бога не верит. Милиция верит в правопорядок.

И все пошли к Мите, который пообещал услать родителей в кино. Холодильник Сатана посоветовал не брать: сойдет Митин.

Спускаясь по лестнице, Кузен спросил у нечестного:

— Как вам моя душа? Имеет товарный вид?

— Не очень,— посочувствовал дьявол.

— Так что же я — впustую целый день сегодня слушал Хренникова, Штрауса и Вивальди? — не поверил Вольдемар.

— Таким, как вы, надо марш Шопена почаше слушать,— заметил ко всеобщему удовольствию Кузьма Кузьмич.

Компания, шедшая к Мите, была довольно веселой. Произносились шутки. Люди чувствовали себя непринужденно.

Особенно же порезвились они, когда, закончив процедуру сделки с Сатаной, стали заталкивать его в Митин малогабаритный холодильник...

Оставшись в квартире одна, Тетътоня удрученно покачала головой, надела передник и навела порядок.

Убедившись, что все окурки выброшены, покрывало на кровати аккуратно разостлано, а холодильник снова заполнен продуктами и поставлен на место, она сняла передник и подошла к окну. И тотчас же

ее невзрачный, с грибным узорчиком халат превратился в белоснежный хитон; волосы, связанные на затылке в пучок, расплелись, вспыхнули золотом; а за спиной качнули воздух два огромных крыла.

Ангелица привычно поискала у себя в перьях, вскочила на подоконник и прыгнула в небо. Воспаяря в солнечную высь над Сталечугунной улицей, незримая, она послала воздушный поцелуй Бабтоне, которая в этот момент выходила из продмага с кошелками.

У ангелицы радовалось сердце, что настоящей продажи душ не произошло, но огорчался карман: статьи под рубрикой «Молитва позвала в дорогу» не получится. Факты, сообщенные в анонимной молитве, не подтвердились. Ангелица была старшим корреспондентом отдела культа газеты «Вечерний звон».

ТРЕТЬЯ КАТЕГОРИЯ

Об этом Кузен догадался давно — еще когда изучал в средней школе химию: «Где больше кислорода, там легче сгореть».

В это летнее утро во дворе дома № 4 было людно. Находившиеся в отпуске, на пенсии и на каникулах дышали свежим воздухом — прохаживались по двору, занимались выколачиванием ковров, чтением газет и разговорами.

Группка людей у 2-го подъезда обсуждала проблему благоустройства территории. Пенсионер Ягидко в который раз нацеливал мощную диоптрию своих очков на частные гаражи в дальнем конце двора:

— Что с боксами будем делать, я вас спрашиваю?

— Частные гаражи — частность,— отвечали ему.— Надо обобщенней взглянуть на наш двор.

— Обобщенно двор у нас очень даже неплохой,— не соглашался Ягидко.— То есть в целом. Но интересно, как вы собираетесь обобщать? На основе какого взгляда?

— А вы не догадываетесь? — постарался как можно искренней удивиться Кузьма Послужной.

— Я, может быть, и догадываюсь,— слегка обиделся пенсионер,— но вы скажите сами!

— Давайте спокойно найдем самый актуальный взгляд,— вмешались и другие голоса.— Давайте беседовать конструктивно!

Голоса эти принадлежали каникулярному пэтэушнику Мите, супруге Послужного Вере Савельевне, молодому человеку приятной наружности Кузену и др.

Среди этих голосов не было и не могло быть голоса Бабтони. На примере этой пожилой женщины становится легко доказуемой истинна, гласящая, что такую абстрактную моральную категорию как характер подарить нельзя. О Бабтоне и говорили: «Характерец у нее — не подарок...» Короче, ни в чем конструктивном она со своим характером участвовать не умела. Она умела вмешиваться. И мешать.

Кузьма Кузьмич постучал шариковой ручкой по железному штакетнику, и голоса стихли.

— Давайте рассмотрим наш двор с точки зрения... экологической,— предложил он.— Согласен, что в общем и целом нам есть чем полюбоваться, где погулять и чем подышать. Все это так. Но обратите внимание, сколько у нас еще неозелененной территории, не засаженных цветами пядей, не награжденных скворечниками деревьев!

— Не так уж много,— заметил для объективности Митя.

— А я поддерживаю Кузьму Кузьмича! — взволнованно вступилась его жена Вера Савельевна. — Экология нашего двора — неоднозначна. Да, есть у нас места под солнцем и места в тени. Да, есть у нас заповедные клумбы. Но ведь наряду с этим имеются как лучшие, так и худшие воздухи.

— И ульев у нас нет! — озарило Кузена.

Но его идея поддержки не нашла:

— Перебор, — сказали Кузену. — Не на то давайте направлять внимание. Хватит с нас шершней Бабтониных...

— Разные воздухи! — схватился за поджидавшуюся им ниточку пенсионер Ягидко. — Вы вот попробуйте возле гаражей подышать! А особенно — за гаражами! Там же некоторые автолюбители сливают мазут! Там же всякой, извините, дряни хоть отбавляй!

— А вы там дышали? — оппонентски осведомился Послужной.

— Идемте, и вы со мной не станете спорить... А почему, кстати, Кузьма Кузьмич, вы так защищаете эти несчастные боксы? У вас что, машина там личная?

— Вам прекрасно известно, — отчеканила Вера Савельевна, — что у нас с мужем никаких машин нет.

— Так что ж он защищает!

— Да не защищаю я, — тоскливо завертел головой Послужной. — Я хочу, чтоб мы сейчас — в целом и комплексно... ну, так сказать, с птичьего яолета охватили...

— Пошли к гаражам, и ты там с человеческого роста хватишь носом...

— Давайте не переходить на личности! — запротестовал Кузен. — Вон идет Пилагеев, спросим у него. Пусть доложит нам.

Сантехник Пилагеев частенько ошивался около гаражей. То ли в поисках пригодных к употреблению железок, то ли еще в каких поисках, то ли потому, что у самого в одном из боксов стоял «жигуленок»-фургон.

Пилагеева окликнули. Он не отреагировал. Окликнули снова.

— Ну? — вместо приветствия спросил Пилагеев. Вид у него был до того ошеломленный и потерянный, как если бы сантехник обнаружил, что ему не хочется опохмелиться. Впрочем, сравнение — неподходящее: Пилагеев представлял собой натуру цельную, спонтанные и необычные чувства были ему чужды.— Ну...

— Скажите, гм... Пилагеев,— обратился к нему Ягидко,— вот, вы же часто бываете в районе гаражей... Как вы находитите...

— Так вы уже знаете, что я нашел! — сантехник как стоял, так и сел на штакетник. А потеряность его усугубилась.— Значит, оно... все правильно?!

— А что вы нашли? Что «все правильно»?

Пилагеев почувствовал, как сквозь него проходит сверло подозрительности.

— Там... Я... — Дрожащая рука сантехника заползла во всклокоченную шевелюру, словно хотела и всего Пилагеева утащить туда и спрятать там... — Это... застрелиться и не жить...

Сантехника обступили, беспокойно переглядываясь. Он долго не мог говорить, затем забормотал в том же духе:

— Я туда, а оно... Надо это... эвакуацию...

— Что «эвакуацию»?.. Да что же случилось?.. — тщетно пытались добиться от него мало-мальски ясного объяснения.

Люди постарше огорчились участвовавшемуся у них сердцебиению. Митя и Кузен вначале пожимали

плечами и глуповато улыбались, но вскоре и сами почувствовали желание взять Пилагеева за плечи и встряхнуть: «Да объясни все толком, черт подери! Очнись! Что ты там в конце концов нашел — авиабомбу? Дьявола с рогами?..»

— ...а оно без второго конца! — вдруг крикнул сантехник и чуть не перевалился через штакетник. Его удержали под локти. Кривясь от некой душевной боли и, чтобы притупить ее, кусая губы, Пилагеев доверил аудитории страшную тайну: — Вот здесь есть, а здесь... нету!

Все были подавлены последним сообщением, хоть и не совсем было понятно, где и что есть, а где и чего нет.

— А ну идем,— сказала решительная Вера Савельевна,— покажешь.

— Н-нет! — сантехник вновь едва не опрокинулся за ограду.— Я туда больше не ходок. Там безвозвратность...

— Пойдемте, браток,— поддержал Послужную Человек имени Саши.— Объясните все на месте. А то все загадками, загадками. Ну-ка, Митя, Кузен, берите его, если самолично не хочет!

Вокруг Пилагеева стало сжиматься кольцо. Он увидел просвет в кольце, понял, что этого просвета через доли минуты уже не будет, и метнулся туда.

— Уйди! — крикнул надрывно и убежал.

Сантехника проводили глазами, пока он не скрылся в своем парадном. Затем, как по команде, повернулись в другую сторону, тревожно рассматривая дальний конец двора с гаражами.

Небольшая шеренга гаражей в дальнем конце двора была похожа на ряд молочных зубов у семилетнего ребенка, когда некоторое их количество выпало, а «щербатины» еще не заполнились зубами второго, более долговечного поколения; гаражи бы-

ли из разного материала — по большей части кирпичные — и разной высоты. В одном месте зиял проем: раньше там стоял транспортабельный металлический гараж, хозяин которого получил новую квартиру, и, естественно, это имущество забрал с собой.

По коньку одной из крыш медленно шла кошка.

Больше ничего примечательного в той местности не наблюдалось.

— Ладно! — рубанул Митя по общей растерянности.— Обойдемся без проводника!

Это было правильным решением. Все кучно двинулись за Митеем.

Солнца в этот момент как бы не существовало — ни температуры его, ни даже яркого света. Птички синкопы отскакивали от идущих, как горошины от каменной глыбы. Ни сочной зелени каштанов люди не замечали, ни заповедных клумб, ни асфальтированных чистых дорожек. Идущие сосредоточились на предвкушении того страшного, что сейчас должно было предстать их взорам.

Воображение не щадило нежных душевых струн. Оно попирало вежливость и удушало доброжелательность. Живопись воображения была такой: нечто косматое, хромое, огнедышащее, обутое в кирзу, с боеголовками вместо зубов и щупальцами, оканчивающимися волчьими капканами.

— А может — белая горячка?! — не замедляя шага и не поворачивая головы, крикнул Кузьма Кузьмич.— Может, на самом деле ничего подобного?

— Может,— ответил кто-то мужественно.

— С Пилагеевым может быть все что угодно,— добавил еще кто-то, почти не разжимая зубов.— Но наше дело — убедиться. А в случае необходимости — принять меры.

— Какие?

— Надлежащие.

Это ободрило. Шаг стал уверенней.

Продолжали идти тесно.

...И вот он, проем на месте снятого бокса. Прошли в него и оказались на загаражной территории. Ша-ряющие взгляды, ропот: «Где?.. Вы видите?.. Нет... Какое-то стекло... Щебенка... Наврал...»

Дыхание замедляется.

— Тыфу!

— А «скорую» Пилагееву все-таки надо б вызвать.

— Да пошел он!..

— А вы не бросайтесь людьми. Нужно и в его положение войти.

Ягидко потянул ноздрями:

— Чувствуете?!

— Что?

— Не чувствуете? Перегарчик!..

— Откуда? Пилагеев дома сидит.

— Да не тот,— помахивая на себя ладонями, Ягидко прошелся по скрежещущим осколкам.— Бензиновый, бензиновый перегар.

— Есть,— признал Послужной,— немного.

— Немного?! — азартно округлил глаза пенсионер.

— Немного, немного,— подтвердили остальные присутствующие.

Все равно Вере Савельевне показалось здесь не очень уютно.

— Плохо здесь,— поежилась Вера Савельевна.— Вон дохлый голубь...

— Ничего,— постарались приободрить женчины,— благоустроим.

И вновь солнце оказалось на своем месте. И голоса здравствующих птиц заколотили в барабанные

перепонки. И все было бы совсем хорошо или почти хорошо, если бы внезапно не закричал диким, истошным криком Кузьма Кузьмич...

Бедное солнце. Оно вновь померкло.

Известны три категории испуга. Тот или иной индивид может испугаться:

- а) за себя;
- б) за другого (других);
- в) за всех.

Приключения группы жителей дома № 4 на местности, обезображеной мотками ржавой проволоки, мусором, битым стеклом и прочими приметами свалки, с нашей точки зрения, примечательны тем, что здесь люди в трудную для них минуту испытали не столько первую категорию испуга, сколько благородную вторую и еще более благородную третью.

Началось, впрочем, с душераздирающего крика, выразившего страх «за судьбу собственной жизни» (так позже выразился К. К. Послужной):

— Ааррр-э-о-о-о!..

Минутой ранее К. К. Послужной присел на край какой-то ржавой трубы, подстелив, конечно же, газетку. Труба была метров пять длиной, сантиметров сорок в диаметре и лежала она горизонтально.

Все оглянулись на крик и увидели, что Кузьма Кузьмич лежит на земле и делает руками в стиле брасс... Если бы не вопль ужаса, пенсионер Ягидко вероятно бы подумал, что Послужной хочет показать, как здорово здесь — здорово, как на пляже.

Кузьма Кузьмич уже не кричал, а с молчаливым упорством отгребал, слегка поранившись, камни, пыль и битое стекло. Иногда он оглядывался на скульптурную группу (она называлась «Испуг второй категории»), одними глазами моля о помощи. Ягидко, как было отмечено, не подумал ни о море, ни о реке: не до мыслей, согласитесь, было. Осталь-

ные окаменевшие жители дома № 4 также ни о чем не подумали.

Когда же абазия миновала, Мите пришло в голову, что труба «под напряжением» и Послужной замкнул на себе электропередачу.

— Нужно чем-нибудь изолирующими... например, палками... — сказал Митя, проявляя знание техники безопасности.

Митя и Кузен засуетились, забегали в поисках деревяшек, чтобы как-то оттащить, оторвать Кузьму Кузьмича от железной трубы, хорошо проводящей электрический ток. Ноги Послужного до уровня колен находились в отверстии трубы. На глазах его поблескивали слезы. Вера Савельевна тоже заплакала и протянула к мужу руки.

— Только не руками! — с суровой компетентностью остановили ее.— Высокое напряжение!

— Опасно для жи-и... зни?.. — разрыдалась несчастная жена.

Послужной выбивался из сил. Он вырыл уже две канавки. «Вот так подчас мы сами роем себе могилу», — подумал Ягидко.

— Зачем ты... роешь? — насторожилась сквозь слезы и Вера Савельевна.— Ты что-то хочешь этим доказать?..

Ничего не отвечая, Послужной с каким-то нечеловеческим, поистине рыбьим упорством продолжал свой заплыв посуху. Нет, что-то... что-то все же было не так — никто из присутствующих до сих пор никогда не видел, как ведет себя человек «под напряжением», но всем показалось, что Кузьма Кузьмич для данного случая слишком боеспособен, что ли... И вроде не те делает движения.

— Больно? — спросила Вера Савельевна.

Муж не отвечал.

— Ну скажи же что-нибудь! Не мучай!

Молчание.

— Почему ты не хочешь со мной поговорить!?

Ритмичные взмахи руками.

— Эгоист!.. Ты не любишь меня... Да! Теперь я все поняла.

Когда Митя и Кузен подоспели с обломками каких-то стульев, человек, лежащий на животе, почувствовал приход второго дыхания.

— Дура,— второе дыхание возвратило ему дар речи.— И вы оба — дураки.

С Послужным охотно согласились... потому что никакой умный никогда еще не видел, чтобы человек изо всех сил старался двигаться вперед, а между тем двигался назад; ноги Кузьмы Кузьмича ушли в трубу уже по бедра.

— Да помогите же наконец! — рассвирепел Послужной.— Ни под каким я не под напряжением!

Все заколебались — окаменеть снова или не окаменевать.

— Даю честное слово! — Познавая непродолжительность второго дыхания, К. К. Послужной выругался.— Торжественно клянусь!...

— Господи, да что ж это мы в самом деле! — словно очнулся Человек имени Саши и взял недавнего оппонента под мышки. Обиду подавила и Вера Савельевна, впряглась. Молодые люди также в стороне не остались.

Тянут-потянут! Тянут-потянут! Вытянуть не могут... Вытянули.

Сказка о репке благополучно окончилась. Пострадавший приложил к рукам листья подорожника. Начинается сказка о трубе. О том, как сказал сантехник Пилагеев, что «вот здесь есть, а здесь... нету».

Отчего же все-таки Послужной испугался, закричал, а затем слова не мог вымолвить? Отчего сам

не мог выбраться из трубы? Отчего хамил и вопреки законам природы двигался в направлении, противоположном вектору своих стараний?

Вот ответ.

Нашли трубу. Труба как труба, много везде разных труб, и удивляться, казалось бы, нечему.

Увы! Было, было чему удивляться.

Труба активно всасывала воздух — этим и объясняется движение Кузьмы Кузьмича назад. Всасывание воздуха было подтверждено и бросанием к отверстию (подходить близко к нему теперь остерегались) легких предметов и троллейбусных абонементных талончиков, нашедшихся в карманах. Описывая дугу, кусочки бумаги влетали в темноту отверстия.

Стоп. Исчезая?.. Да. В том-то и дело. Из второго отверстия ничего не вылетало. Даже воздушной струи...

Задача для учебника по научной фантастике: в один конец трубы вливается столько-то газа, из второго вылетает ноль. «Вот здесь есть, а здесь... нету».

Обнаружив это противоестественное явление (не слишком ли много их уже было за один день?), жители дома № 4... нет, не окаменели: они уже устали превращаться в статуи, терять дар речи и т. п. Жители дома № 4 приняли несколько здравых решений. Во-первых, всем захотелось убедиться, нет ли у трубы некоего отростка, уходящего под землю,— в него-то и мог попадать воздух... Митя сбежал к дворнику за лопатой.

Дворник Мезоненко пожелал лично присутствовать.

В результате его присутствия, точнее — умелых действий лопатой, было установлено:

никаких дополнительных отростков труба не имеет;

зато имеется еще одна задача для упоминавшегося учебника... Дано: труба прочно «висит» в пространстве, ни на что не опираясь.

Когда Мезоненко выгреб из-под трубы мусор, смешанный с землей, труба так и осталась в прежнем положении, не сдвинувшись ни на сантиметр. Ни по вертикали, ни по горизонтали...

...Что поделаешь — не написан еще учебник по научной фантастике. И предмета такого пока ни в начальной, ни в средней, ни даже в высшей школах нет. Выпуска хрестоматии по «НФ» тоже все еще не намечается.

И слава богу. Потому что герои этого повествования припомнили учебники по обычной физике — и... разгадали феномен, с которым столкнуло их желание «благоустроить экологию двора».

Итак, было определено, что перед взорами просвещенной публики находится не вся труба, а только ее часть. Остальная, невидимая для присутствующих на загаражной территории часть располагается в другом «временном пласте» — то есть, где-то там, у наших потомков. В далеком (а может, и близком) будущем.

Окончание трубы соединено с хрононасосом.

— Зачем же они берут у нас воздух? — выслушав эту теорему, спросила Вера Савельевна.

— «Берут»?.. Воруют!! — взмахнул руками К. К. Послужной, да так, что поотлетали присохшие листья подорожника. Правда, их все равно можно было уже снять.

— Совершенно верно,— согласился Ягидко и прошколол огромное временное расстояние сверканием диоптрических то ли плюсов, то ли минусов, сквозь которые он смотрел на мир. В конце этого расстояния, где-то рядом с хронопомпой он увидел: — Про-

странство, отравленное и обезживленное всякими химическими отходами пресловутой ци-ви-ли-зации!.. Атмосфера коричневого цвета!

— Вот они и хотят подышать нашим воздухом,— мрачно резюмировал Кузен.

Люди стояли понурясь. Опустив головы. Но чувствовалось, что где-то там, под этой подавленностью, тлеет бикфордов шнур паники.

— Ужасно, ужасно,— взялась за виски Послужная.— Вы заметили, что последнее время просто нечем дышать?.. Вот дышишь, дышишь и чувствуешь не воздух, как раньше, а сплошную пустоту!

— Да что вы выдумываете! — резонно возразил Митя.— Полчаса назад вы говорили о воздухе совсем другое... — Он сделал последнюю и почти безнадежную попытку погасить вышеупомянутый бикфордов шнур. Да и самому не хотелось верить в то, что потомки дойдут до такой жизни, когда приходится воровать воздух у предков.— Прошу внимания! Ничего еще не доказано. А если это вовсе не труба из будущего, а... а... сгущатель воздуха?! Наш, нынешний. А?.. Для нужд водолазов там, или — космонавтов. Я читал про такой аппарат в «Технике — молодежи».— Митя покраснел, потому что сказал неправду. Ничего подобного он нигде не читал. Да и нет никакого «сгущателя воздуха»...

Но надежда появилась.

— Надо простучать трубу,— сказал дворник Мезоненко.— Может, в средине — компрессор?

(В средине трубы, вот так запросто висящей в воздухе!.. Но почему бы и нет?)

Черенком лопаты — чтоб, не дай бог, не угодить, как Кузьма Кузьмич, во всасывающее отверстие — дворник тщательно простучал трубу. Звук везде был одинаково колокольным, а труба, стало быть,— полой. Надежда рухнула.

— Ну как? — прозвучал веселый вопрос.

Это пришел Пилагеев, чей страх то ли миновал, то ли нуждался в переходе в иную степень или категорию... Губы его то и дело вытягивались в судорожной улыбке, а колени поочередно, а иногда и разом подгибались — от этого казалось, что сантехник пританцовывает.

— Ну так как? — повторил он.— Жертвы уже есть?

— Да! — несколько театрально произнесла Вера Савельевна. Эта не очень натуральная интонация (мелодраматичная, сентиментально-патетическая и все такое) тем не менее четко информировала о созревшем испуге *третьей степени*.— Это мы все! — Она нарисовала в воздухе окружность, имея в виду земной шар с его человечеством, фауной и флорой.

— То-то я и смотрю, что вы стоите все здесь такие... как при последнем слове.— Губы его по-прежнему резиночно вытягивались в сумасшедшую улыбку, словно испытывалась их прочность.— Вот почтайте кто-нибудь вслух... — Он протянул Ягидко металлическую прямоугольную пластинку, на которой что-то было напечатано.

— Только без паники,— покосился Человек имени Саши на Вера Савельевну, ибо понял уже, что это за пластинка такая. Это был плакат, известный каждому человеку, привыкшему читать все, что прикрепляют гвоздями или канцелярскими кнопками к дверям парадных.— «Струйка воды, толщиной...»

Ягидко вынужден был сделать паузу, потому что фраза «Без паники», а еще больше «Струйка воды...» заставили всех переполошиться.

— Читать? — он учительски выждал воцарения идеального порядка и как бы нехотя стал читать сначала.— «Струйка воды, толщиной в спичку, дает

утечку до 480 литров в сутки. Резкое дерганье за спускную ручку сливного бачка приводит к его поломке и утечке воды до 12 000 литров в сутки».

Банальный текст был воспринят как мрачное откровение. У Пилагеева очередной раз подогнулись колени — теперь уже окончательно. Он сидел на земле, силясь что-то произнести. Улыбчивость сняло ударом при падении.

— Какова же утечка воздуха! — Послужной прочитал непроартикулированную сантехником мысль.

После этого началось то, что предвидел, но что не смог предотвратить Митя.

Началась паника...

Все заметались, забегали, что-то друг другу крича.

Тут уж, почувствовав неладное, объявилась Бабトンя. Она осведомилась, в чем дело, и, обведя землю и небеса холодными глазами мачехи, вздохнула:

— Так вот он, значит, какой — апокалипсис. Ну, ничего, и на него управу найдем.— После чего ретировалась в дом.

Третья степень стала вытесняться *первой*... Многие пока еще не прочувствовали опасность этой подмены.

Все, даже самое кроткое и безобидное в этом мире, приобрело зловещий вид. Живописные ракурсы двора, открывавшиеся бегающим, не веселили глаз. Птицы, солнце и прочие атрибуты счастья вновь перестали даваться восприятию.

Дворник Мезоненко кричал:

— А ну мы на нее воронку! А?

— На кого это «на нее»? — грудью выскакивал из-за жены К. К. Послужной.

— Непонятливый ты жильтер,— досадовал Мезоненко.— Трубу!.. Воронкой прихлопнуть. Отверстие! Специальной такой воронкой. И чтоб прикрепить хорошо. Вот, значит... А к тонкому концу этой самой

лейки-воронки -- шланг на него натаскиваем. Вразумел?!

— Шланг. Ну и что?..

— А то!.. И благоустраивай, кто хочет. Пожалуйста.

— Вы что — с ума сошли?

Пробегая мимо, Кузен советует:

— Не нужно переходить на личности.

Мезоненко и Послужной стоят лицом к лицу и смотрят друг на друга, как два мартовских оленя-самца.

Вокруг них — суматоха, похожая на вращение электронов вокруг ядра атома. Одни кричат: «Какие же все-таки принимать меры?» Другие: «Надо заявить! Не надо заявлять! Необходимо просигнализировать! Это ничего не даст!» Третьи поднимают на ноги сантехника Пилагеева. Он тут же валится.

— Нет, не сошел,— минут через пять после вопроса отвечает Мезоненко.— А на другом конце шланга — сплюснутка такая, вроде как у пылесоса. Ну и вот, бесплатно пылесось себе и двор, и за гаражами, и под парадными, и проезжую часть. Теперь понял?.. То-то. Что захотел, то и благоустроил.

— Это чтоб они, значит, пыль нашу глотали? — спрашивает Бабтоня. Как крейсер, она идет своим целеустремленным курсом, мешая круговороту паники.— Слабо!.. Мы им вот поинтересней специи предложим. Враз дышать перезахочут.

Бабтоня подходит к трубе, ставит на землю кошелку, присаживается на корточки. Из кошелки появляются на свет кулечки и баночки.

— Дустик? — спрашивает Ягидко.

— Ванильный порошочек,— сладкоголосо говорит Бабтоня и ссыпает содержимое поллитровой банки так, что оно влетает белой ленточкой в зияющее отверстие трубы.

— Ванилином испугать хочет! — (удивление, как видим, возможно и при панике).

— Ты хоть и грамотный,— отвечает унылой улыбкой Бабтоня,— но не образованный. Если такую порцию положить даже на очень большой пирог — то ты так свой кусок плунешь, что только с собаками обнаруживать придется.

Ядром атома становится Бабтоня, по ней корректируется орбита вращения электронов. Она в центре круговорота, являющаяся центром внимания.

— А теперь корички немного,— звучит напевный автocomментарий. Она развязывает цветастый мешочек и посыпает «гурманам из будущего» ржавую струйку корицы.

Далее — очередь за лавровыми листьями, которые в материых хозяйственных руках сперва измельчаются, а затем летят все туда же — в неизвестность будущих времен.

Действия Бабтони заставляют присутствующих притормаживать, паниковать менее вдохновенно.

Бабтоня сыплет в трубу молотый перец, заливает уксус, зашвыривает чайной ложечкой горчицу.

— Не смеши людей, Антонина,— говорит ей Ягидко.— Осталось, по-моему, только бутылку «Пшеничной» распечатать да хлеб-соль покрошить.

— Действительно, понимаешь ты! — поддержал Человека имени Саши Послужной.— Мало того, что воздух наш лопают, так вы им, можно сказать, месячный рацион специй предоставляете... На чью мельницу, я вас спрашиваю, уксус льете?!

Бабтоня делает успокоительный жест рукой:

— Не психуйте. Это я им только для... первого впечатления. Сейчас основным продуктом угощу.— Она наклоняется к кошелочке, достает еще всякие всяности и вздыхает.— Эх-х!.. Для клопов-тараканов личных берегла...

— Хлорофос? — отгадывает Митя.

Ему приходит в голову счастливая идея. Теперь-то уж панике хана. Идея должна успокоить даже самых неугомонных. По замыслу она и Пилагеева поставит на ноги:

— Друзья-товарищи! Внимание! — ликующее разводит руки пэтэушник.— Да разве ж пугаться нам следует? Нет и нет! Мы должны радоваться и считать нашу находку счастливой!

Кто переглядывается, а кто не обращает внимания.

— Это же выход! — не смущаясь продолжает Митя.— Нам фактически предоставлена возможность избавить окружающую среду от всякого наносимого ей вреда и ущерба...

— А не кажется тебе, Митя, что если мы станем, как ты говоришь, радоваться, то от этой самой среды не останется даже гвоздя ржавого? — с укором и непониманием смотрит на пэтэушника Вера Савельевна.

— Не кажется,— с улыбкой отмечает Митя этот укор.— Объясняю: в найденную нами, в частности, сантехником Пилагеевым, трубу следует... что?.. Следует вместо Бабтониного хлорофоса сбрасывать...

— ...вредные отходы! — наконец догадываются присутствующие.— Отработанные нефтепродукты!..

— И прочее загрязненное и загрязняющее! —резюмирует молодой человек.— Со всей планеты.

Паники как не бывало. Овация. Рев восхищения. За неимением шляпы Ягидко подбрасывает и ловит, подбрасывает и ловит очки. Кузен подбрасывает Митю и орет: «Шампанского!» Бабтона подкидывает кошелку с убийственными снадобиями. Солнце вновь щедро ощипывает свою корону, птицы дерут

горло, деревья вырастают метра на два, на три, щелкая распускающимися и распускающимися почками.

— ...Па-а, ра-ра-ра-а, па-ра-ра, па-ра-ра-а! — патефонно поет за гаражами Вера Савельевна. Слов она не помнит, но это не важно, она помнит мелодию. Не важно и то, что ее супруг вальсирует с тетей Тоней. Ревности больше нет. Есть любовь и многое другое: голубое такое, захлестывающее, несущееся куда-то, закручивающее все в золотые спирали мечтательного перманента... Голубо-о-о-е, ро-о-озовое... И кому-то вдруг становится страшно.

Кому же именно?..

...Глаза. Не округленные ужасом, нет. Сощуренные в предчувствии боли. Это предчувствие и представляло собой страх, категория которого значится под порядковым номером два или три...

Чьи же это глаза и чей же страх?

Право, не имеет значения. В невероятных историях, то и дело происходящих с жителями дома № 4 по улице Сталечугунной, каждый раз проявляется в конечном счете поразительное единодушие — несмотря на первоначальные расхождения во вкусах и позициях. Вот и сейчас человек, которому суждено остаться на этих страницах инкогнито (ибо, повторяю, на его месте мог оказаться любой другой жильец дома № 4), остановил флюидами своего предчувствия всеобщее ликование, превратил голубо-о-о-е и ро-о-озовое в более отчетливые и реалистические краски, наступил на горло песне Веры Савельевны и был превосходно понят без слов.

Но к словам, на всякий случай, все-таки счел нужным прибегнуть.

— Они же — дети! Наши дети! — с горечью воскликнул инкогнито.

Замолчали, замерли птицы и люди. Никто не дубасил ковров, не гремел гаражными замками. Солн-

це уткнулось в тучку (вылетевшую из заводской трубы). Пошевелилась одна только Бабтоя: неуютно ей бывало в моменты всеобщего согласия.

— А у меня, к примеру, нету детей,— заявила, шмыгнувши носом.— И у Послужных. И у Митьки. И у управдома Павла Фикусовича — также.

— Не слушайте ее,— прошептал пенсионер Ягидко.— У меня хоть не только дети, но и внучка есть, но... — Он не нашелся, какой дальше привести морально-этический аргумент.

Но его активно поддержали товарищи:

— Дети — это народное добро и надежда! — провозгласили они. Провозгласили, раскаявшись в едва не совершенном против добра и надежды преступлении.— В детях взойдет то ли все наше лучшее, то ли все наше худшее.

— Взошло уже... — злорадно ухмыльнулась Бабтоя.— Родителей — и тех грабят. Дедушек-бабушек...

Что было ответить на это?

Кое-что нашлось:

— Дети на то и дети, чтоб ошибки и промахи допускать. Подрастут — поумнеют. Так что давайте крикнем в трубу что-нибудь строгое, педагогичное, но отеческое. И отойдем отсюда, а то вдыхаем, понимаете ли, кислород, а выдыхаем черт знает что — углерод какой-то. Детям озон полезно поглощать!

Ну что ж... Настал черед предпоследней неожиданности.

Повернулись все к трубе, стали в две хоровые шеренги — крикнуть нечто знаменательно-педагогичное, наполнили для этого легкие (правда, не без угрызений совести: дополнительный расход детского озона), наполнили, значит, легкие... да так и выпустили бессловесный воздух:

— Ф-уф-ф...

Потому что... Ибо... Так как... По той причине, что... В виду того, что...

труба...

исчезла...

Подхватили на всякий случай Пилагеева под руки, оглядели пристально загаражную территорию — нет трубы, как и не было...

Бабтоня тихонько прокляла свой ванильный порошок. Впрочем, у каждого в душе завозилась совесть.

* * *

— Семьдесят второй участок,— невесело доложил голос из динамика.— У нас тут... В общем, пришлось сворачиваться...

— Причина?

— Обнаружение поглотителя. Разоблачение с остро отрицательной реакцией... Согласно инструкции, нами произведен экстренный хронодемонтаж.

— Все?.. Ну ладно,— руководитель хроногазограммы отключил селектор и со значением посмотрел на сидящего рядом главхимика.— Второй случай за последние полгода.

— Что поделаешь... — вздохнул главхимик.— Сам знаешь, поглотители — не выделяторы. Если выделяторы озона надежно упрытаны подо льдами Антарктики, то поглотители без определенного риска не выкачают из прошлого даже тысячи кубометров загрязненного воздуха. Ну как их маскировать будешь?

Руководитель вызвал секретаря, попросил привести кофе.

— Знаешь... Давай еще раз обмозгуем. Давай!

— Боишься, план сорвут эти демонтажи?

— План... Конечно, боюсь. Предки ведь наши... Дедушки-бабушки.

ДЕРЕВО-ДРЕВО

— А нельзя ли получить все нату-
рой?

— Ты, Кузенушка, свою натуру
противную уже получил где надо.

— Ладно,— решил он не обижать-
ся.— А просто денежными ассигна-
циями?

— Про ассигнации еще не решено,
а вот купюрами — это пожалуйста...

Приходит однажды к Бабтоне Вольдемар и расска-
зывает, что видел сон, смешной до неприличия.

— Дайте,— просит,— этому циничному сну свое
объяснение. Истолкуйте его, как положено.

— Рассказывай, милок,— неохотно и неласково
предлагает Теттоня и присаживается, кряхтя, на
табуретку.

— Снится мне, будто иду в ломбард сдавать ка-
кого-то близкого и прямого мне родственника. То ли
отца, то ли брательника, то ли дядю родненького.

— И что, приняли?

— Нет, в том-то и дело, что не приняли... Вот та-
кой вот сон.

— Хм... А чего говоришь: «смешной»?

— Насмеялись надо мной. Оценщики ломбард-
ские.

— Понятно,— задумалась Теттоня, закачалась
на табуретке.— Не знаю, как это трактовать...
Слышь, а необычного, такого, знаешь, особенного
чего-то не запомнилось?

— Как же, как же,— вспоминает Вольдемар,—
было. Было такое. Когда зашли мы, значит, в этот
просторный зал-вестибюль, обратил я внимание, что
на родственничке, а именно на пиджаке его две
пуговки застегнуты, а две расстегнуты. Одна через
одну.

— Да ну! — поднялась Тетьтоя.— Что ж ты сразу смолчал про такое?!

— А что — существенно?

— Не то слово... — и прищурилась, завистливо грозя ему пальцем.— Ну и Вольдема-а-ар! Знаешь, сукин сын, какие сны подглядывать... И как тебе в руки все само плывет, не понимаю...

Топчется, переминается с ноги на ногу Кузен. Никак не может догадаться, что приплыло на этот раз.

— Внесите ясность.

— Ты... вот что я тебе скажу, голубок. Не сон это был никакой. А было это, как говорится, руководство к деятельности. Только ты не бойся.

У Вольдемара вздрогнули поджилки, и он без приглашения опустился на освободившуюся табуретку.

— Пронюхал ты в своем сне,— продолжала Тетьтоя,— про бумажное дерево... А делать надо вот что. Сновидение твое прописывает: вырви из записной книжки страничку, на которой семь телефонов семи твоих приятельниц. Скрути ее трубочкой плотнее и на закате посади в детском песочнике.

— Чтоб проросло, то есть? А как насчет поливки?

— Насчет нее — польешь чашкой кофе. А затем, голубок, еще и помочишься.

— Да что вы, гражданка, как там вас, Антонина, не знаю отчества!.. — рассердился Кузен.— Руководство таким не занимается!

— Ты, дурак, слушай внимательно. И запоминай. Понял? Я тебе про другое руководство объясняю — насчет посадки бумажного дерева. А то если что не так сделаешь, то не бумажное тебе дерево вырастет, а, чего доброго, крапивное или чугунное... или с телефонами всякими понавешанными, с кукишами и змеями.

— Ладно,— согласился человек в кожаном пиджаке.— Говори, что надо делать!

— Да ничего больше не надо делать. Свершишь, что я сказала, и уходи. Погуляй, побудь где-нибудь, посиди. А часам к трем ночи оно и взойдет...

...И взошло. Неукоснительно.

Шурша, как салфетка на губах пообедавшего людоеда-великаны, наполняя этим усердным шелестом ночь, потянулось деревце к блистающему молодому месяцу.

Небеса были прохладны, высоки и величественны. Зачарованно бороздили их городские комары-одиночки. Величественно было и выросшее дерево — метров на сорок пять ушла его мощная верхушка от юдоли ослепительных надежд и затемненных парандых со щербатыми коронами лампочек, расстрелянных хулиганем из рогаток.

Почти безмолвна была городская ночь. Лишь доносились издалека сталечугунные голоса заводов и фабрик, вжикиали, проносясь по улицам, «скорые помощи» да прощупывали переулочную темноту патрульные машины милиции. Дерево цвело, цвело, наполняя двор ароматами писчебумажного магазина, пасты шариковых ручек, свежих типографских оттисков. В дворовом небе дерево раскинуло могучую крону — ее наполяли трепещущие лунные тени, ропот бумажной листвы и тайны, тайны... В прохладном сумраке, опоясывая диковинное расление обручами траекторий, носились предназначенные только для него насекомые — печати и штампы с деревянными рукоятями, жужжащие, словно хрущи. На ветвях ворковали бумажные голуби, а самолетики из промокашек то чирикали, как воробы, то кричали, как попугай:

— Пер-р-вая комната напр-р-право!

- Пр-р-р-риглашаются заведующие отделами!
- На подпись к Петр-ру Гр-р-р-ригорьевичу!
- Пр-р-родиктуйте пр-р-риказ!
- Копир-р-рки подлежат уничтожению!

Если бы не редкие звезды, проглядывающие сквозь бумажную листву, канцелярская суматоха «пернатых» и «насекомых» свела бы на нет всю романтику. Но не поддавшиеся лунному сиянию звезды, в частности Полярная, Альдебаран и все созвездие Тельца, решительно вонзали в межлиственное пространство свои миллиардолетние шпаги. Шла битва бренного с вечным. В данном случае бренным были светила, которые, как утверждают ученые, на самом деле уже, по всей вероятности, закончили существование... Вот только их свет, свет...

Реальное было пропитано ирреальным.

Стояла ночь судьбы, как сказал поэт.

И вообще.

Да: вокруг дерева летало всякое фантастическое жучье.

Да: вили гнезда и выводили птенцов невозможные птицы.

Да: словно коты, охотились за ними нарукавники.

Да: этих котов пугали змеи магазинных чековых лент...

...Но то, что собой представляло дерево само по себе — без всех перечисленных прилатков,— эт-то, любезный читатель, превосходит любой вымысел, ибо стоит выше вымысла, ибо вымысел суть сказка, ибо сказка суть ложь, ибо ложь суть неправда, а правда всегда берет верх.

Митя тоже был оповещен. В числе других. Потому что Бабтоня, во-первых, не давала Кузену никакого честного слова насчет языка за зубами. А во-вторых,

если бы и дала такое слово, то взяла бы его обратно: на то она и хозяйка своего слова.

Итак, дом обо всем знал.

Ровно в 03 ч. 00 мин. все, кто мог, вышли со стремянками, табуретками и простынями, связанными как для побега из старинной тюрьмы.

Кузен этому ужаснулся, попытался качать права собственника («а вы его поливали? производили обрезку? унавоживали?»), но было поздно.

Митя, глупый парень, вышел на улицу с опозданием на 20 минут, когда все уже

- а) взобрались;
- б) развернули уборку листвы, цвета и плодов;
- в) набивали до каменного сжатия авоськи, модные ридикюли и огромные матрасные чехлы.

Люди работали споро и в молчаливом напряжении: вскрикивали только в тех случаях, когда их торпедировали майские жуки, оставлявшие на щеках четкие оттиски: «Копия», «Нотариальная контора № 131», «Райгастрономторг» и т. п.

У Мити защемило сердце: он понял, что опоздал.

— Гиблое дело,— махнул он рукой.— А может, все-таки?.. А вдруг?.. — И Митя после колебаний решил попытать счастья.

Только молодой человек принял позу сжатой пружины, готовясь прыгнуть повыше на ствол, только присел, готовясь катапультироваться от земли, как его окликнули.

— Вы не могли бы меня подсадить?

Это сказала старушка в тренировочных штанах. В руке она держала большой старорежимный чемодан, в котором, если бы очень захотела, могла бы поместиться сама.

— А вы, вообще-то... не из нашего двора,— удивленно заметил Митя.

— Вообще-то не из вашего,— жалобно согласи-

лась старушка.— Но что же делать, если в нашем таком не растет?

Митя почувствовал озноб нетерпения. Над головой вскрикивали шепотом, шепотом же ругались и шелестели, шелестели.

— Действительно, что же делать? — растерялся Митя.— А что именно вас интересует?

— Меня интересует только музыка, и я пришла за нотами. Я, видите ли, даю уроки игры на щипковых: балалайке, арфе, дутаре, лютне.

Митя уважительно подсадил старушку из чужого двора. Затем взобрался сам.

Вместо листьев и цветов на этом дереве росли казначейские билеты, а проще говоря, деньги. Зеленые трехрублевки, синие пятерки, сентябрьски желтые рубли, выцветшие сотенные, рябиново-яркие десятки. Впрочем, ассигнации здесь не доминировали, просто они первыми бросались в глаза. Митя погнался за Кузеном, но тот никак ему не попадался. Люди вприсядку передвигались по толстым ветвям, многие уже нарядились в вещи из бумажной ткани, сорванные на чудо-дереве. Люди отбивались от диковинных птиц и насекомых и осторожно переругивались с мифическим народцем, населяющим крону. К числу оного, во-первых, относились русалки, очень похожие на секретарш. Они беспрерывно преграждали всем путь, сурово сообщая: «Приема нет!» и «Пал Палыч уехал в главк!» Лешие тыкали немытыми пальцами в электронные калькуляторы и бормотали галиматию о каком-то балансе и вкусе человечьего мяса. Жители дома номер четыре стронились этих существ, карабкались выше, ловко свешивались к нижним ветвям с листьями, тянулись к верхним, совершали прыжки и раскачивались, вспоминая виденные по телевизору приемчики, ма-неры чемпионов на гимнастических снарядах.

Однако, сколь ни усердствовали супруги Послужные, Бабтоня с дочерью и зятем, Анна и Ягидко с женой Кузьминичной, а также все остальные — корона дерева была такой необъятной, что ощипать ее всю не смогла бы даже дивизия учеников старушки, любезно подсаженной Митей.

— Уж лучше щипать гусли, кантеле и дутары, — сказали бы они.

Но их, к сожалению, здесь не было. А потому с дерева срывалось все, составлявшее его покров. Этим покровом были лотерейные билеты, фотокарточки киноартистов, бланки заявлений на отпуск, театральные программы, командировочные предписания, мишени с концентрическими кругами, школьные сочинения на тему «Катерина — луч света в темном царстве», всевозможные рапорты, книги, извещения о почтовых и телеграфных переводах, бумажные стаканчики, коробки из-под тортов, пухлые папки с надписью «Дело №», облигации займов, почетные грамоты, обертки конфет, заявления об уходе по собственному желанию, игральные и географические карты, истории болезней, выкройки, вузовские и выставочные дипломы, паспорта велосипедов, радиоприемников и стиральных машин с гарантийными талонами, квитанции об уплате штрафов, брачные свидетельства и свидетельства о рождении, афиши, записки в президиумы, избирательные бюллетени, средневековые индульгенции, стенгазеты, обои, проекты резолюций, планы-схемы, папиросные гильзы, почтовые марки, семейные фотоальбомы, похоронные цветы, доносы, акварели, офорты, гравюры, эстампы и репродукции живописных полотен, летописи, описи имущества, повестки в прокуратуру и райвоенкомат, водительские права, газеты, журналы, филармонические абонементы, хлебные карточки, памятки всевозможным участни-

кам, чужие письма, проездные месячные билеты, поздравительные телеграммы, больничные листы, санаторные карты, справки обо всем на свете, удостоверения всем на свете, сберкнижки, институтские шпаргалки, мандаты, ресторанные меню, рулоны туалетной бумаги, визитные карточки, проекты освоения газовых месторождений, донесения и сводки, чеки гастрономов, виды городов и курортных местностей, отчетный доклад профкома кирпичного завода, папирусные свитки, инструкции к эксплуатации, направления на анализы и прививки, акты о сдаче различных объектов, протоколы, объяснительные и докладные записки (одна из них начиналась словами «*Cher ami!*»), талоны на бензин, исполнительные листы, пропуска, почему-то не было салфеток («И здесь их нет», — отмечали те, кто искал), спирали серпантина, кульки (в том числе с надписью «Аэрофлот»), расписки в получении и о невыезде, плакаты манифестантов, блокноты, рукописные объявления, въездные визы, новогодние и первомайские открытки, наряд «на снесение и сровняние», незабудки для выпускников, конверты, закладки для книг, малярские пилотки из газет, картонные пыжи, бумажные тигры и змеи, страховые полисы, таблички, прейскуранты, коробочки, акции, векселя, путевые листы и так далее, и тому подобное...

— Добрый вечер, добрый вечер, — здоровался Митя с соседями. Они были слишком заняты для того, чтобы отвечать на его приветствие. А он смущался, полагая, что его «добрый вечер» после трех часов не годится. Однако «добрая ночь» — такого приветствия в нашем быту нет, ибо в нашем быту ночью полагается спать.

Но поскольку быт жителей дома № 4 состоял из сплошных исключений, никто не спал. Все были взвуждены, как после доброй чашки кофе. Одни —

после кофе-оно, другие — после кофе-а ну!, а, к примеру, Вольдемар — после чашки кофе-он.

Митя посмотрел вниз и покрепче ухватился за ветку: земля была так далеко, что лучше было глядеть вверх. Митя посмотрел вверх и заметил, наконец, Кузена.

Кузен сноровисто дрался к верхушке, обутый в «когти», которые применяются для лазанья по телеграфным столбам.

— Шалишь! — сцепив зубы, проговорил Митя и устремился вслед за Вольдемаром.

Несколько метрами выше молодому человеку повстречался трудящийся Ягидко. Тот тоже занимался сбором «листвы», которую складывал в портфель.

— Еще одна грамотка, и еще одна грамотка,— говорил Человек имени Саши,— и еще одна грамотка...

Подтянувшись, Митя взобрался на следующую ветку.

По ней, балансируя папками для бумаг, ходил взад-вперед Автор по прозвищу Беллетрист.

— Ну, хоть какая-нибудь биография Шекспира должна же здесь расти? — спрашивал он, раздвигая то тут, то там бумажные заросли.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Митя.

— Кое-что есть,— счастливо улыбнулся Автор.— Вот в этой папке. Даже балансировать стало трудно.

— Что же вы положили в эту папку?

— Гоголь,— погладил рукопись Беллетрист,— Николай Васильевич. Вторая часть «Мертвых душ».

— Нормальный ход поршней! — подивился Митя удачливости писателя.— Я тут тоже где-то рядом видел одну книжицу... Где ж она, ч-черт... Ага! «Трехколесная лошадь» называется,— Митя сорвал книгу и протянул Автору,— не заинтересует?

Беллетрист покрепче ухватился за свисающую украинским рушником перфоленту, чтобы не упасть.

Митя полез выше. Тот, кого он преследовал, успел оторваться на значительное расстояние.

— Боже мой!.. — донеслось снизу восклицание Беллетриста.

Митя поднимался выше и выше. По его фигуре сбегали вниз лунные блики.

Блики струились повсюду, как крепчающая свежесть ночного воздуха. В их телевизионном мерцании возникали фигуры и лица людей. Митя обратил внимание, что все, да и он сам измазаны какой-то сажей. Но это была не сажа, а следы от копировальной бумаги, летающей и висящей повсеместно, как жухлая прошлогодняя листва. Митя усердно карабкался, и расстояние между ним и Кузеном стало сокращаться. На очередной ветке Митя, впрочем, снова задержался. По ней шастала старушка. Та самая, из чужого двора. «Странно, как она могла обогнать меня?» — подумал он.

— Как дела? — спросил Митя.

— По-моему, я не на той ветке, — пожаловалась старушка. — Все, понимаете, какие-то анонимки или, наоборот, ноты правительства. Не обошлось даже без скрещивания, вы только подумайте! — Она указала пальцем, испачканным копиркой, на глянцевый листок. — Нашлась даже анонимная нота неизвестного правительства! А вот овалов нигде нет.

— Это каких же?

— Черненьких или полых. С возможным присоединением к ним штилей, хвостиков, вязок.

— Короче, музыкальных нот для звучания при игре, — уточнил догадливый молодой человек.

— Как минимум, — ответила музыкантша.

Митя был рад, что не ошибся в старушке. Не набивала она карманов трешниками, не собирала гер-

бария из сочинских путевок, не рылась в чужих досье. Музыка облагораживает!

«Музыка облагораживает, а Кузен настораживает», — мысленно проворчал Митя. Потому что

а) Кузен, как и старушка, как и сам Митя, не хватал что попало, а имел в виду нечто особенное (скорее всего, то же, что и Митя);

б) если Вольдемара не обогнать, если не обойти его в спортивно-честном (возможно, финишном) рывке, то все пропало! Ей-богу, не всегда все кончается хеппи-эндом.

Митя наяривал всей своей допризывной мускулатурой. Он двигался, как скоростной гостиничный лифт. Понемногу он настигал преследуемого и поднялся уже на такую высоту, с которой можно было смотреть вниз, не рискуя почувствовать головокружение и тошноту. Ибо земля давно скрылась под исполинской разлапистой кроной.

«За сколько оно выросло, это фантастическое дерево? — прикинул Митя. — Минут за 10—15, что ли... А если оно так же быстро исчезнет? И вообще, сколько стоять ему назначено? Вдруг сейчас хрысь-дрысь — и расшибусь я в лепешку? Может, спуститься подобру-поздорову?..»

Преследователь посмотрел вверх. Преследуемый был уже так близок, а месяц так беспрепятственно освещал верхнюю часть дерева, что Мите удалось рассмотреть Вольдемара в деталях. Одна из них, этих деталей, привлекла особое внимание преследователя — у Кузена под задницей болталась квадратная брезентовая сумка. То был парашют.

Тогда Митя почувствовал свое моральное превосходство и продолжил восхождение.

Голоса большинства жителей дома № 4 доносились уже снизу. Однако кое-кто находился и по правую и по левую руку от Мити и выше. На нена-

дежном суху сидел, болтая ногами, Человек не от мира сего. Он срывал листву и пускал ее в порхающий прощальный полет.

— Осень,— говорил он и, согнувшись, следил, как кружится бумага.— Осень...

— Май,— старались переубедить его.— Слышишь, май!

Впрочем, не только листва летела вниз. У самой Митиной головы просвистело что-то увесистое. Это был желудь. Через минуту он разбрзлся об асфальт. Роль желудей на этом дереве выполняли пресс-папье.

До Кузена уже долетало Митино дыхание. Дыхание пахло карамелью «Золотой ключик», любимой Митиной карамелью.

Вольдемар не знал, а Митя знал, что делать. Наш герой готовился честно, военно-спортивно-комплексно обойти преследуемого. А Кузен не знал, что делать, и поэтому стал срывать пачки конфетти и устраивать преследователю Новый год.

Неожиданный праздник засорял Мите глаза и сбивал с дыхания, отдающего «Золотым ключиком». Но Митя не прекращал продвигаться вверх и уже мог дотянуться до кузеновского парашюта.

Вольдемар все так же не знал, как быть. Поэтому для усиления праздника принял палить в Митю из елочных хлопушек. Однако и это не произвело на молодого человека никакого угнетающего, кроме радостно-карнавального, впечатления.

— Серпантином свяжу! — пригрозил Кузен.— Огнями бенгальскими забросаю! Боя курантов не услышишь!..

— Давай, давай! — смеялся Митя, продолжая погоню.— Ты, Кузенчик, лучше за кольцо дергай! Прягай с парашютом своим, пока не поздно!.. А что, небось, побоялся бы сделать затяжной?

— Прочь! Прочь! — кричал Вольдемар.— Ты мое дерево не сажал и не мог посадить! Я, я имею телефоны Анджелы, Фросси, Агнессы, Марии-Луизы, Надежды, Веры и Любы!.. Ах вы, мои пупочки,— стонал Кузен,— ах вы ж, семеро-семечко!..

Ах, он хотел красивой жизни, этот Кузен-Вольдемар, он карабкался, он полз за ней по вертикалям и горизонтальным, он вытягивал ей навстречу губы и истекал слюной, пахнущей шампанским, кофе-он, импортными и экспортными благами. Надолго слюны не хватало, и потому он полз навстречу той жизни, которая отдавала всем перечисленным. Но уже другая жизнь, таинственная и здоровая, доходила своей головой ему до пояса, не оставляя почти никаких иллюзий на предмет первенства.

— Остановись! — кричал Вольдемар.

— Упадешь! — кричал Вольдемар.

— Разобьешься! — шипел все тот же Вольдемар.

Митя поравнялся с ним, и на какой-то миг оба они задержались, с трудом переводя дыхание. Верхушка, у которой это происходило, была тонка и умопомрачительно раскачивалась. «Сейчас он меня сбросит»,— мелькнуло у Мити.

То, что позвало Митю на дерево, росло метрах в трех выше — на прутике, на волоске, которым оканчивалось дерево. Молодой человек сделал отчаянный рывок, ожидая, что соперник-конкурент схватит сейчас его за одежду.

Но в этот момент Кузен тоже сделал рывок. Однако совсем в другом направлении — по ветке, которая находилась справа от Мити.

— Выходит, наше противоборство было сплошным недоразумением? — разочаровался Митя.

— Тыфу! — в свою очередь, но с облегчением разочаровался Вольдемар. И принялся ощипывать динары, фунты стерлингов, эскудо, тугрики и т. п.

Митя полез выше, под тяжестью его тела верхушка согнулась удилищем, испуганно ахнул Кузен, Митя схватился за маленький квадратный листочек, заболтался на удилище пойманной рыбой, и... оторвавшись, полетел вниз!

Митя падал, в последний раз встречаясь на лету с дорогими лицами соседей. Ему показалось, что это прошедшая жизнь проносится перед ним за миг до смерти. Лица выражали крайнюю озабоченность. Он еще подумал: от его ли полета они такие или по другой причине?

Отвечать на свой вопрос Мите, как вы понимаете, было некогда.

Он падал.

Но слух о том, что Митя сорвался и сейчас летит вниз, опережал Митино падение. Кто-то на нижних ветвях уже предлагал предотвратить беду таким образом:

— Бросаем на землю весь этот хлам! Все бросаем! Пусть падает на мягкое!

— А как быть с твердой валютой? — растерялся Кузен.

На него не обратили внимания.

Все без исключения бросили авоськи, сумки, мешки и кошельки. Выхватили из карманов и из-за пазух вороха мяты бумаги и ее швырнули вдосып...

Но эта спасительная акция уже ничему помочь не могла. Митя упал первым, опередив самые тяжелые, не говоря о легких, предметы, столь благородно отвергнутые ради его здоровья, а может, и жизни в целом.

Митя упал первым. И не в песочник.

А на асфальт...

Когда все спустились посмотреть на Митю... Когда все, кроме Вольдемара («А у меня другая группа и резус противоположный...»), еще соскальзывая по

связанным простыням, решились на донорство — лишь бы только была в нем необходимость! (А ее-то как раз и не было)... Когда бросились звонить «03»... Когда все это произошло...

Когда это произошло, уже, оказывается, занялся рассвет.

Не завизированный петушиной песнью, но привычным сталечугунным позевыванием пробуждающегося мира, рассвет заставлял таять звездные леденцы, окрашивал белье на верхних балконах в розовое и звал из двора во внешнее пространство. Могучая власть рассвета обещала долгую, наполненную яростными событиями жизнь.

Сумрак двора был нежен и чист. Человечество дома № 4 в эти минуты относилось к новому дню с пониманием и без суеты.

...И все-таки, войди сейчас в этот двор кто-нибудь посторонний, он непременно счел бы многое из увиденного или услышанного по меньшей мере странным. Но — смотря кто вошел бы.

— Так встречают рассвет, наверное, только жители нашего двора,— сказал кто-то из этих жителей.

— **Не** только вашего,— улыбнулась старушка-музыкантша. В нашей истории она занята исключительно ради последней реплики.

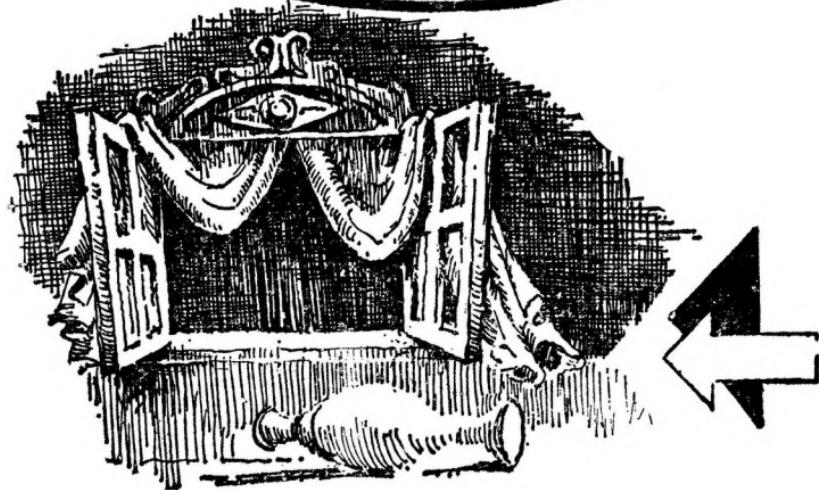
Начинался почти непредсказуемый день. Символом которого был Митя.

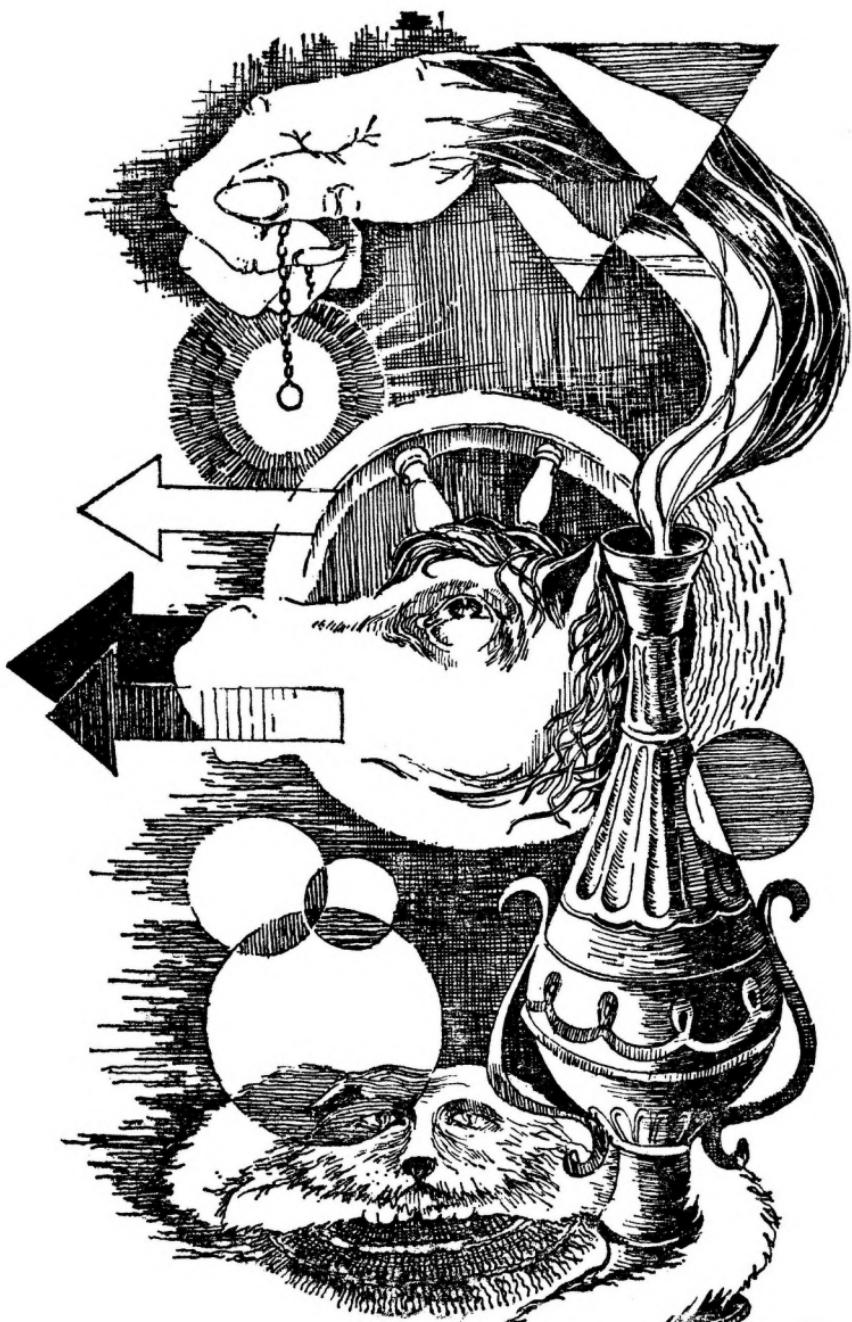
Молодой человек стоял совершенно невредимый, без единой царапинки на теле и в душе. А в ладони у него лежал счастливый трамвайный билетик. Вот его номер: 3 3 5 8 0 3.

— Это он, это он,— улыбался чудом не разбившийся Митя.— Рецепт на все случаи жизни... Да?

— В некотором, конечно, смысле,— скептически уточнил Ягидко.— Протяни-ка мне, Митечка, свой пульс.

Сказки о вещах
времени

ТРЕХКОЛЕСНАЯ ЛОШАДЬ

Этому человеку приходилось просиживать во многих приемных, занимая очередь за изобретателями вечных двигателей.

Когда же этот человек, изложив смысл своей заявки и не встретив ожидаемых энтузиазма и поддержки, выходил, его провожали наэлектризованными лицами, а затем перемигиванием: точь-в-точь как перпетууммобильтца...

Он слышал за спиной смешок...

Ни силы природы, ни силы общественных отношений не могли воспрепятствовать его упрямству. Дождь ли, снег, ветер, мороз трескучий — этот человек все шагал по улицам. Из одной инстанции в другую. С предприятия на предприятие. С этажа на этаж. С ковра на ковер. От стола к столу.

И всякий раз за спиной — смешок.

По радио передают: ураган, выходить из помещений не рекомендуется. Возможно опрокидывание киосков. Возможны смерчи. А он в плаще своем смешном, в шляпе старомодной уже проносится над площадью — портфельчик к груди прижал и шепчет:

— Сидят..., сидят... в очках закисших каких-то... сидят... засели...

Воздушный поток вносит его в окно одной из приемных — изобретатель радуется: может, здесь повезет?

Но и здесь надежда угасает, плавно и неотвратимо, как театральная люстра после третьего звонка.

Отводят глаза в сторону. Слушать не хотят. Изобретатель надрываеться:

— Трехколесная лошадь,— кричит он осипшим голосом,— это... неизбежно! Мир прийдет к ней! Ее создадут! Она появится! Почему же вы не хотите уже сейчас как следует задуматься о ее проектировке?!

Отводят глаза в сторону, поднимают к потолку.

— Даешь трехколесную лошадь! — кричит изобретатель.

Когда за ним закрывается дверь, люди, слушавшие его, смеются:

— Уморил, малохольный.

Но он уже в другом месте демонстрирует свои чертежи.

— Поймите,— объясняет изобретатель,— вещи неотделимы от живого. Очень часто вещи «срастаются» с живым. И очень часто они дополняют и даже вытесняют живое.

Многозначительно переглядываются, стискивают щеки, как арбузы,— не засмеяться бы.

— Поймите... издавна, еще со времен колесниц и телег, лошадь, как бы это сказать, работала в паре с колесом. Колесо было сзади и все догоняло и догоняло ее. Вы поняли мою мысль? Еще немногого — и пробьет час, когда колесо и лошадь... сольются, то есть, соединятся. Колесо ее догонит! Ибо оно, в конце концов, быстрее лошади.

Изобретателя вежливо выпроваживали. За закрытой дверью приговор всегда был один и тот же:

— Чокнутый.

— Запустим трехколесную лошадь в серию! — открывал очередную дверь этот человек.

Занкаясь и путаясь от тысячекратного повторения

одних и тех же постулатов, он объяснял, объяснял,

объяснял:

— А почему именно *три* колеса, спросите вы...

— Не спросим.

— Ну, допустим, спросите. И тогда я отвечу: потому что наша цивилизация — ребенок. Дети на каких велосипедах катаются? Правильно! На трехколесных!.. А почему, спросите вы, человечество — ребенок?

— Да не спросим!

— Допустим, спросите. И тогда я отвечу: потому что человечество познает мир, разрушая. Нет, конечно, оно и создает, и возводит. Оно созидает. Но ведь и разрушает сколько. А теперь пусть скажет мне тот, кто хоть раз наблюдал младенца, — не занимается ли дитя тем, что постоянно бросает из колясочки игрушки? Не пытается ли стянуть скатерть со стола — вместе с чашками и тарелками? Не крошит ли пряник на пол? Ну, и так далее... Вот и не пытайтесь меня уверить в том, что не три, а какое-то другое количество колес необходимо на данном этапе!

— Всего доброго,— говорили изобретателю,— счастливого пути, скатертью дорожка!

Он уходил, но иногда через минуту появлялся вновь, чтобы напоследок бросить:

— Трехколесную лошадь — в массы!

...Бедняга бегает по инстанциям. Из лифта в лифт. С этажа на этаж. С ковра на ковер. От стола к столу. Чертежи его рассматривают из вежливости. Он очень долго сидел над этими чертежами. Полжизни на них ухлопал. А сейчас уже вторую неделю бегает — из одной организации в другую. И свет ему не мил. И не замечает ничего вокруг — только мысленно представляет себе лошадь, у которой три колеса и одна свободная нога.

— Давайте воплощать!.. Давайте приближать будущее! — тщетно призывает он экспертов.

— Вы что... того? — говорят ему, теряя терпение.— Оглянитесь вокруг! Очнитесь! Откройте глаза!

Очнувшись, этот человек оглядывается вокруг и видит, как по улицам гоняют похожие на самокаты лошади — три колеса и одна свободная нога. Вместо привычных когда-то автомобильных гудков — ржание.

— С дороги! — кричит изобретателю один из седоков с трехколесной гнедой, раскручивая над головою бич.

В ОЖИДАНИИ СЛАДКОГО СТОЛА

Обыватель — житель на месте.
Из словаря В. Даля

Бутылка темно-красного вина «Украинская ночь», слаще которого бывает только смерть. Два торта — брикетник и наполеон, конфеты, печенье, цукаты. Вишневый компот и чай. Яблоки. Орехи. К этому приучены. Этого ждут. Даже неожиданно открыв, что время остановилось, ждут сладкого стола. Как будто он располагает высшей неотвратимостью — острой, прожигающей застывшее, стеклянное время.

Милая, потрепанная грозами история компания. Ах, как она поредела, эта компания! Шутка ли, своих родителей и своих детей пережила она. Сумрак и цветение десятилетий пронеслись; бывали голодовки, была неизвестность оккупации, стреляющая карусель смен правительств и карусель рассеивания тоскливых семейных драгоценностей... Киев

1918 года... Все, все было. Но всегда, собираясь вместе на свадьбах, на похоронах ли,— эта говорливая, надоедливая компания получала на закуску свой сладкий стол.

Болезни вышибли самых шумных и веселых в ее застольях, так с грохотом выкатываются подпорки из-под безответственно громоздкого сооружения. Грязит рухнуть — не рушится. И — сладким столом сопровождается выкатывающееся бревно.

Мне всегда хотелось отойти подальше.

Не помню уже, какой повод собрал их на этот раз в нашем доме.

— Подагра... — рассказывала мамина двоюродная сестра, по мужу Селедкина.— Подагра... подагра... подагра... давление... подагра...

— ...агра... агро... — говорил всеобщий дедушка Бармалей Нафталиныч,— комплекс... комплемен-тус...

Успешно закончился тур закусок. Уже и «горячее» было заглохено, обглодано, вымокано кусочками французской булки (как в этой компании принято, по старой памяти, называть булку городскую). От водки на лимонных корочках серые лбы озарило румянцем. Все пили, как обычно, не отказываясь, но и особо не налегая, если не считать моего отца, на продукт. И если щеки стали эластичней, то не столько от выпитого, сколько от веселой работы челюстями. Итак, наступило междублюдье. Главная пауза. Время разговоров, дожевыванья, последних новостей с опозданием на тридцать лет и ковыряния в зубах. Мужчины раза два выпили еще между собой. Мама начала с тревогой поглядывать на отца.

— Анька, я в норме,— гоняясь сигаретой за убегающим огоньком спички, сказал отец. И, уловив в чьем-то разговоре слова «Я как инженер...», с на-

слаждением бросил: — Мещане вы, а не инженеры! Пере-так... сбыватели!..

Мать в ужасе закрыла глаза, но никто ничего не заметил. Во-первых, за этим столом принято говорить не слушая, а во-вторых, в центре внимания оказался один опоздавший родственник; разыскивая конку, он угодил в метро, и сейчас его усаживали ошарашенного, придвигали к его тарелке «селедку под шубой», клали своей вилкой шпроты и колбасу:

— Наступи, Антон.

Итак, ничего мало-мальски примечательного не происходило. Что-то сбоило — там, в шестернях событий, в трансмиссии, и не все еще об этом догадывались. Вынужденный чем-нибудь занять себя, я любовался вечно выпадающей из общего контекста парочкой — огромной сорокалетней красавицей Марией и ее микроскопическим мужем, вратарем Котей. Любовался не потому, что эта самопоглощенная, двуединая улитка так уж меня очаровывала, — просто, повторяю, приходилось вынужденно коротать время.

Еще в мои студенческие годы были приняты крутые меры — дабы пресечь мое несносное стремление «отойти подальше». Специально для меня, вечно отлынивающего от родственных застолий, были заказаны этакие изящные, хромированные кандалы, которые прикрепили ко всем шести столам в шести домах, включая и наш, где собирались мои любимые родственники. «Теперь ты понял, что такое родственные узы?» — благостно-строго спросили много лет назад, впервые защелкнув браслеты на моих запястьях.

А прочем, в Марии и Коте было что-то манящее, что-то примечательное. Прежде всего — уникальная в этом кругу способность жить «внешней» жизнью. Если все остальные, по моим наблюдениям, функ-

ционировали, оживали только собравшись за столом, а в остальное время не знаю, то ли спали, то ли блуждали в пространстве на своеобразном «автопилоте», — Мария и Котя действовали всегда. Несмотря на свой ничтожный рост и вовсе не ничтожный возраст, Котя был вратарем! Я не интересуюсь футболом, и поэтому не могу вам точно доложить, в какой команде он играет (скорее всего — в дворовой). Но он вратарь (пусть простит меня его супруга, выражаяющаяся не иначе как: «Мой Котя — голкипер», — это слово она, вероятно, любит за... крепость, такую же, как в словах «шкипер» и «карцер»), — итак, он голкипер. И это составляет смысл существования изумительной, пышной Марии. «Она его за муки полюбила...» Она подобрала этого коротышку на каком-то стадионе и, как ей казалось, утолила его боль анальгином и любовью. С тех пор Мария не отпускает его от себя никуда — разве что к воротам; ветры пронзительного столетия поднимают с плохоньких полей пыль кладбищенской глины, свисток заставляет игроков то замирать, то вновь бросаться друг на друга, мяч бьют ногами, как человека, а Котя стоит на воротах так, словно за спиной у него — Мария или, по крайней мере, рай.

Я считаю его опасным для общества человеком, ибо он доказывает, что чудеса на этом свете бывают: Котя никогда не пропускает голов. Никогда.

Как он, бедный, падает! Падает, прижав к сердцу мяч. Костлявый, падает с треском, как брошенный оземь стул; поджав ноги, кубарем катится по утрамбованной родной земле, подхватывается, чтобы выбить мяч в поле, и, блаженный от боли, хромает назад, к воротам. Неживого приносит его Мария домой.

Всю ночь она прижимает к себе, огромной и мягкой, это избитое воробышко тельце, покрытое синя-

ками и ссадинами. Мария заряжает Котю, как мощная электростанция батарейку карманного фонарика. Коте снится трава в росе и сладкий ветер первой любви. Утром этот счастливый человечек стремителен и прыгуч. Он может сжать кулаки до крови из-под ногтей. За завтраком жадно смотрит в прекрасные усталые глаза Марии, и...

...и я чувствую черную, как рентгеновский снимок, завись.

За столом не происходит ничего существенного: сладкое все еще не подано. «А не остановилось ли время?» — задумывается компания. Пока суд да дело, негласно решено доедать и допивать — благо, стол ломится. Селедкина произносит тост за здоровье именинника, желая ему (а кто он, кстати?) долгих лет жизни и исполнения желаний.

Вилки втыкаются в потускневшую буженину, поизгивают о фаянс и фарфор. Тетя Маня с несимметричным лицом (похожая одновременно на трех выдающихся в истории цивилизации людей: в профиль — двое, анфас — еще один), тетя Маня, пыхтя, достает из ридикюля пузырек и наполняет свою рюмочку. И — залпом.

Отец уже не закусывает. Отец курит одну за другой и смывает румянец с лиц присутствующих. Мужчины послабей кашляют. Дедушка Нафталиныч воспринимает это как деликатный сигнал.

— Такой... такой... такой... человек... человек... — дедушкина верхняя губа трястется, как у кролика, — кинул... покинул... покинул... безвременно осиротил... ни пу... пера... ни... то есть... то есть... то есть... земля... земля... земля... пухом... полагается до дна... вечная... вечная...

Пьют стоя. Все строги и абсолютно (не считая отца) трезвы. Говорят о покойном хорошее. (Господи, да кто же покойник-то?!). Женщины нюхают

носовые платки, вытирают насухо глаза и закусывают. Сладкого стола все еще нет. Ни дать ни взять, остановилось времечко. И, словно протыкая его, как корку льда, выходит из-за стола, а затем из комнаты тетя Маня... Необходимость движет ею, принуждает старенькую больную тетю «выйти» (в начальной школе это так и называлось для каждого из нас — «выйти»; но здесь не школа, не школа...). Ведь тетя Маня наливалась из аптечного пузырька укропную воду.

— Позвольте,— протестует очнувшаяся Мария (как она красива!). Она вся — счастливое возмущение.— Позвольте, мы же совсем забыли о молодых!

Аудитория откликается одобрительным удивлением.

— Да, да! — радостно негодует стол.— Горько!

— Го-орько! — хлопает в ладоши Мария.— Го-орько! Го-орько!..

Гром аплодисментов, двусмысленные здравицы, смех, визг, перепархивающие с рюмки на рюмку бутылки. За всей этой сумятицей и толкотней невозможно разобрать, кто же там целуется под «горько». Внезапно вижу отца, обхватившего руками голову и покачивающегося,— то ли в отчаянии, то ли в безумном счастьи; но его закрывают спины чокающихся через стол. И вот уже я сам кричу ослиным, срывающимся голосом: «Го-о-о-орько!.. Го-о-о-орррррр!...» Хочется бежать, обнимать, гладить чьи-нибудь плечи, но цепочки натягиваются и непускают. Все задыхаются, волна грохота постепенно спадает. Выпив, смаочно крякают и садятся.

И вот уже никакой суеты. Покой и довольство.

— А это... — звучит голос зашедшей сюда, в тишину, голос тети Мани.— Это... Наполеон-то...

Губы у нее дрожат. С тревогой смотрим в полные обиды и страдания тетини глаза.

— ...и брикетник тоже... — кое-как возвещает она.— Зацвели!.. Заплесневели... И компот... Я только что из кухни... И яблоки в мошмаре... винной...

— Нет,— шепчет мама,— нет, нет! Нет!.. — Это похоже на несогласие человека, в которого прицепились из винтовки.

— Вы лжете! — презрительно бросает в тетя Ману лицо Котя.— Мы вам не верим.

Котя уничтожительно измеряет взглядом тетю Маню. Его примеру следуют остальные. В осуждающем молчании слышатся свистульки: уснул отец.

— Вы пьяны! — бросает свой камень и дедушка Нафталиныч. Камень едва не сбивает тетю Маню с ног.

— От лекарств?! — она прединфарктно оседает на стул.

— Вы пьяны и кощунствуете,— со скукой человека, которому уже давно все ясно, повторяет Бармалей Нафталиныч. Тетя Маня ему не интересна (лет тридцать назад, правда, считалось, что он за ней приударяет). Вот уже лет пятьдесят, как он устал от жизни, ему ничего не хочется. Ничего, кроме невыносимого вина «Украинская ночь», слаще которого бывает лишь смерть. Ничего, кроме кусочка наполеона, шоколадной конфеты, яблока и компота. Ничего, кроме чая с вареньем, цукатами и орехами.

Но переход к сладкому столу затянулся.

И все принимаются за слежавшиеся салаты, а я, изменения своим правилам, беру слово и — шутки ради — предлагаю выпить за здоровье новорожденного... Ожидаю дурашливого хохотка или, что вероятнее, выговора. Но — женщины уже сююкают и чирикают, захлебываясь от нежности, а мужчины благодушно посапывают, налегая на закуску. Мама, как обычно, плачет, сопереживает роженице. Эти

слезы не производят угнетающего впечатления — они как майский дождь:

— Пусть ей там икнется, голубушке нашей... нашей... нашей... кесарево се... се... лечение... мучение... молодюсенькая...

Кстати, мы все, сидящие за этим столом, прибыли на этот свет в результате «кесаревого сечения». Вот только мой отец родился без посторонней помощи, под открытым небом, в страду; его мать, быстро отмучившись, поднялась и вернулась к жнецам за-канчивать работу.

Застолье между тем продолжается, продолжается. Никто не теряет веры в неизбежность сладкого стола. Ожидание длится вечность, и в конце концов присутствующие образуют общество «пятого дня»: если через пять дней сладкий стол не будет подан, его будут ждать еще пять дней и так далее... Через некоторое время из этого общества выделяется более оптимистическая группа — второго дня. Таким образом, в жалком фанатизме стали проглядывать черточки ожесточения. В довершение всего меня усадили за пианино. И поскольку я попытался оказать сопротивление,— поступили так же, как в случае с моим местом в застольях. Приковали.

Позванивая кандалами, я исторгал из пианино испуганного, галопирующего, трижды перевранного Иоганна Себастьяна Баха. У меня оставалось еще много уверенности в том, что тетю Маню все-таки не бросят в костер инквизиции — разум и милосердие наверняка восторжествуют! Но вместе с тем налицо были все жуткие признаки того, что гости уже никогда не уйдут.

ОНА И ОНА

Жили-были старая мать и очень старая дочь.

У них была комната на третьем этаже трехэтажного дома и полкухни. Соседи — муж и жена — вот уже год строили на другом континенте химический комбинат. На праздники от них приходили открытки с изображением оазисов. Так что и вторая половина кухни была в распоряжении старой матери и ее дочери.

Они жили на свои пенсии и имели сбережения.

Деньги без пользы не тратились — мать и дочь покупали в магазинах и на базаре продукты. Если бы последние обладали способностью радоваться, то должны были бы только тем и заниматься: старая мать и очень старая дочь готовили на совесть. Мать имела дополнительную, однако не слишком утомляющую ее крепкие ноги повинность — уходила заряжать пятилитровый сифон из нержавеющей стали. Но этим их жизнь не исчерпывалась.

Вечера обычно выдавались звездными и не по-городскому тихими. За тюлевой занавеской, которая называлась фиранкой, незыблемо стоял на положенном в небесах месте салатово-янтарный серп. Но и этим не исчерпывалась жизнь, потому что, собрав и помыв посуду после себя и умнейшего кота Василя, волнуясь и предчувствуя, предвкушая тайну, мать и дочь возвращались к столу, долго усаживались, разравнивали до какой-то лишь им ведомой идеальности скатерть... Несколько минут сидели в немом оцепенении... И вдруг начинали красиво петь старинные песни, которых дочь помнила множество...

Аромат упавшей на мир росы немного загораживал Василь, дремлющий после ужина в форточке, а может быть, подстерегающий кукушку, прилет которой обещала то одна, то другая песня.

Кота, большущего, полусибирского, не морили голодом с целью истребления мышей, напротив — за ним ухаживали так, как этого заслуживал представитель сильного пола; и все-таки горожанин Василь, никогда не видевший и не слышавший кукушки, поджидал эту птичку — имея право, как и любое другое существо, в котором тлеет хотя бы искра интеллекта, сокровенно печься о несбыточном.

Мать и дочь пели на редкость слаженно, разводя каждую песню в два параллельных голосовых руслица, в которых струилась ткань украинского неба, расшитого либо звездами, либо птицами, либо хмарками-облаками... Пели, не глядя одна на другую, потому что каждая давно умела отгадывать, о чем думает другая, даже не глядя на ее лицо и даже в абсолютной темноте, которой, впрочем, у них в комнате не бывало и ночью из-за турецкого месяца, караулящего окно. Великая грусть стремительно высвобождалась из старых слов, заставляя петь свободно и безошибочно, не перескакивая через куплеты, и только в паузах промакивать стоящие в глазах слезы.

В этот час на улице замедляли шаг прохожие, некоторые очарованно останавливались, глядя на окно, отчего Василю делалось неуютно и он поеживался. Но и этим жизнь не исчерпывалась.

Старая мать и ее очень старая дочь молчали, пили газированную воду и переживали переход казацкого войска через болото, устланное пиками и седлами. Тела люстра, которую не требовалось выключать, чтобы проверить, на месте ли месяц. Незаметно для самих себя вновь принимались петь, отражаясь в стеклах, которыми были прикрыты развешенные на стенах розы...

...развешенные на стенах несколько неземные розы, вышитые крестиком.

Бывало, что Василь мягко спрыгивал на подоконник, оттуда — на паркет, пересекал комнату и усаживался на коврике под дверью. Мать просила:

— Василю, а ну зажурись!..

И тогда он покорно опускал голову и покачивался из стороны в сторону. Старая мать и очень старая дочь в полголоса начинали о судьбе, о Дунае и о роковой поездке молодого казака за эту несусветно далекую речку. Песня рвала сердце, и наступал момент, когда казалось, что кот на коврике вот-вот поднимет голову и допоет вместе с хозяйствами.

Умение Василя кручиниться они никому не демонстрировали, не находя в этом ничего забавного и считая его редкую для кошачьего племени покорность проявлением ума, достойного суеверной, опасливой любви.

Так существовали две старухи, простирая в ночь слепящие лоскутья разглаженных душ, огромные лепестки песен; крыша над ними не протекала, и похоронить друг друга было на что, и тайн в диковинно изменившемся мире, который их окружал, хватало. И множество скользящих, мелких радостей не обходило стороной их комнату в третьем этаже и обе половины кухни. Все было очень хорошо. И уже одно это всерьез настораживало.

Однажды мать и подумала об этом с детской мудростью. И не ошиблась.

В подвале волочился липкий сквознячок, зловеще отсутствовала очередь и цвели все до единого кактусы. Старой матери это не понравилось, она поставила на оцинкованную стойку сифон и ушла, сославшись на то, что хочет узнать последние новости в расположеннном поблизости продовольственном ларьке. Нетрудно догадаться, что, подойдя к ларьку, она только попрекнула фасующего сахар юношу змеиной наружности.

Попрекнула больше по рассеянности, чем из убеждения, больше вспышкой взгляда и горемычным вздохом, чем легко втыкающимися булавками слов. И, конечно же, ни в какие новости влезть сейчас не собиралась, а покружилась, покружилась по гадкому двору, пытаясь отвязаться от при克莱ившегося к ней в подвале сквознячка. Заранее отсчитав в этом брезгливо кружении мелочь, старая мать положила ее в раскисшую руку зарядчика, поспешно взялась за сифон и была такова. Поглощенная своими предрассудками, она даже не заметила, что сифон, хоть и покрылся неминуемыми в процессе наполнения брызгами, но... в весе почти не прибавил.

...И настал час пачкать едой и отмывать посуду, комкать у глаз носовые платки и разравнивать скатерть, петь и молчать! Хоть, впрочем, все могло произойти и в преддверии этого часа.

На пустынном столе, на подносике стоял сифон. Возжаждав, очень старая дочь потянулась к нему стаканом, а мать поспешила нажать на краник. Очень старая дочь уже подготовилась выпить залпом, морщась от удовольствия, граммов двести воды, отышатась от кислящих во рту иголочек и благодарно подивиться: «Ух, свежая!».

Но не тут-то было! Вырвался гремучий дым, на скатерть посыпались искры, а стакан — на пол и — взребезги! Из сифона пронзительно свистнуло, задрожали оконные стекла, старую мать отнесло на диван, а очень старую дочь повалило со стула. Все это произошло в две-три секунды, а когда аспидного цвета облако всплыло к потолку, женщины увидели мерзкого старика, сидящего у них на столе, едва не плачущего и трущего лоб, как после удара камнем. Старой матери и очень старой дочери то ли послышалось, то ли старик проскрипал: «Ох уж эти мне перепады давлений, а ведь я гипотоник».

«С прибытием! — нашлась иронично поздоровать-
ся мать.— Вот и напились мы водички...» Но старик
ее опередил. Очнувшись, он быстро спешился со
стола, страшным усилием, для чего ему даже при-
шлось притопнуть ногой в шлепанце, озарил лицо
казеннейшей улыбкой, заметил лежащую на полу
очень старую дочь, переозарился столь же казенным
испугом и, как-то по-особому щелкнув пальцами
обеих, прижатых к груди рук, водворил очень ста-
рую дочь на стул (с которого она тут же по своей
воле вскочила, переметнувшись к матери на диван).

Затем необычный гость обрушился на пол, усерд-
но творя ритуальное приветствие, подметая седень-
кой бородкой паркет и поднимая с него непонятны-
ми словами пылинки. «Бусурман проклятый из
Азова!» — мелькнуло у одной. «А мо', из Кафы!» —
резонно уточнила другая. А Василь шмыгнул в фор-
точку и засеменил по карнизу.

...Да, еще не раз в своей долгой жизни вспомнят
старая мать и ее очень старая дочь грязного стари-
кашку в тюрбане, против которого очень старая
дочь хотела прочитать наизусть «Отче наш», но не
помнила дальше слова «иже», и это «иже» только
комаром покусало чужестранную нечистую силу,
вообще же старик торжествовал, восхвалял аллаха
за освобождение из сифона, в который он угсдил
в капле апельсинового сиропа, шептал: «Я — джин!»
и, расточая лицемерные комплименты, предлагал
любые услуги, любые сокровища, зрелища и вол-
шебные царства.

Но этим их воспоминания не исчерпаются. Потому
что очень старая дочь в конце концов откликнулась
на навязчивые предложения джина, сказав:

— Так уж и быть. Верни прошлое и гуляй от-
сюда!

Отвратительный старик захихикал, хоть показа-

лось, что он захочет; не став впустую щелкать пальцами, взметнулся под потолок, вытянулся, стал узким, как змея, и, оттолкнувшись от стены пыльными пятками в шлепанцах, вылетел, извиваясь, в форточку. Старой матери и очень старой дочери то ли послышалось, то ли джин проскрипел в небе: что вы, дескать, знаете о прошлом, считайте, впрочем, что ваш приказ я выполнил. Странная мать помнит, что после этого она первым делом вынесла сифон на лестницу, опасливо щурясь, заставила его выдохнуть вялые остатки дыма и, развинтив в кухне, промыла тремя чайниками кипятка. Тем временем очень старая дочь сменила скатерть и открыла окно, чтобы проветрить комнату. Выглянув на улицу, она не увидела ничего нового, то есть старинного: ни повозок, ни лошадей, ни даже кур, пьющих из лужи.

Разгружалась, опоясанная очередью, автоцистерна «Живая рыба», но очень старая дочь не послала свою легконогую мать за карпами: приближался вечерний час. Час хранить и тратить, обнимать и избегать объятий. Вышитый гладью месяц был на страже. День — сырой и едкий, зашарканный прохожими — по заведенному порядку сменялся теплым безмолвием. А предчувствие таинственной боли, похожей на мучительное счастье, принуждало хлопотливо суетиться, выходить в скучный коридор, вносить из кухни ужин, садиться к столу и тут же вскакивать к комоду, дергать ящики, набитые носовыми платками, пахнущими утюгом, и разглаживать, разглаживать скатерть... Огромность вечера била из комнаты во внешний мир. И возможно, эта лавина мешала Василю, загороженному фиранками, прыгнуть с карниза на форточку, и он терпеливо сидел по ту сторону, пока наконец блаженно не прошел: «Ку-ку... ку-ку?...» Поразительно, а ведь даже этим жизнь не исчерпывалась.

ОТ АВТОРА

Эта книга написана давно. Лет семь-восемь назад. Нет, она не «из стола». Она из очереди. Издательской. (Об этом, пользуясь благами гласности, я могу сказать через это же издательство).

Книгу писал совсем молодой человек. Ему было еще далеко до тридцати. Сейчас автор не написал бы такой книги. Не потому что стал писать лучше или хуже. Просто стал другим. И время изменилось. В книге немало юношеского задора.

А еще автор выучил за это время украинский язык (насколько сумел). И благодаря этому вошел в более тесный контакт с окружающим миром и его музыкой.

Многое иначе чувствовал человек, писавший эту несерьезную книгу.

Время было не из лучших, и хотелось сочинять комедии. Сейчас, слава богу, распогодилось (мало кто мечтал о таком), а вот писать тянет трагедии. Другими глазами я смотрю на свою старую рукопись. Но нет, менять ничего не стану. Нужно либо все разрушить, либо оставить, как есть. Оставлю. Если окажется, что в книге слишком много недостатков и критика примется ее ругать,— увольте, виновен буду не я, а тот далекий юноша. Ну, а что касается возможных похвал — те обязательно присвою себе! Вот сколько преимуществ получает тот, чью книгу долго не издают.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ШАРЛЯ ПЕРРО	3
КОФЕ-ОН, КОФЕ-ОНА, КОФЕ-СНО	33
РАССКАЗЫ О ТРЕХ ВРЕМЕНАХ	203
ОТ АВТОРА	222

Пригорницкий Юрий Григорьевич

ТРЕХКОЛЕСНАЯ ЛОШАДЬ

Фантастические рассказы

Киев, издательство «Радянський письменник»

Художник А. Н. Потопальский

Художественный редактор Ю. В. Бойченко

Технический редактор В. В. Чалая

Корректор А. А. Холоша

ИБ № 2793

Сдано на производство 09.06.89.

Подписано к печати 13.11.89.

БФ 27623. Формат 70×100^{1/3}.

Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.

9,1 усл.-печ. лист, 9,66 усл. краскоотт., 9,03 уч.-изд. лист.

Тираж 30 000 экз. Зак. № 5820.

Цена в переплете 75 к.

Издательство «Радянський письменник».

252054, Киев-54, ул. Чкалова, 52.

Отпечатано с матриц Киевской книжной фабрики «Жовтень»

на Одесской книжной фабрике,

270008, Одесса-8, ул. Дзержинского, 24.

Пригорницкий Ю. Г.

П75 Трехколесная лошадь: Фантаст. рассказы.—

К.: Рад. письменник, 1989.— 223 с.

ISBN 5-333-00258-4

Рассказы молодого писателя — это не фантастика в традиционном понимании. Автор не засыпает своих героев в космос — на другие планеты, не знакомит читателей со сверхоткрытиями в научных лабораториях. Он находит немало занятного в действиях и поступках жильцов одного из домов по улице Сталечугунной, по-своему интерпретирует сказочные сюжеты о Золушке, Коте в сапогах и... обыденные явления из нашей жизни.

4702010201-176
П M223(04)-39 38.89

ББК 84Р7-44

75 K.

